ПИОНЕР 2

ФЕВРАЛЬ ● 1979 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1979 —
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ГОД
РЕБЕНКА

Организация Объединенных Наций объявила 1979 год годом ребенка. ЮНЕСКО попросила глав государств и общественных деятелей ряда стран обратиться к детям с новогодними приветствиями в связи с этой инициативой ООН.

1 января по Центральному телевидению было передано выступление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева.

Л. И. БРЕЖНЕВ:

Дети—наше будущее

Здравствуйте, дорогие юные друзья! Поздравляю всех вас с Новым годом. Организация Объединенных Наций, которая объединяет почти все государства земли, решила провозгласить его годом ребенка. Это очень хорошее, правильное решение. Ведь дети — это наше будущее, им придется продолжать дело своих отцов и матерей. Они, я уверен, сделают жизнь на земле лучше и счастливее. А наш долг постараться, чтобы дети всех народов не знали войн, чтобы у них было спокойное, радостное детство.

К сожалению, сегодня на земле еще во многих местах гремят выстрелы, льется кровь и гибнут не только взрослые, но и дети. Много еще детей умирают от голода и болезней. С этим нельзя мириться. В Советском Союзе мы стараемся сделать все, чтобы годы детства были здоровыми и счастливыми. Мы создали и продолжаем строить тысячи и тысячи светлых, удобных детских яслей, детских садов, школ. Мы стремимся научить детей добру, дружбе, научить их жить по-добрососедски со всеми людьми любой национальности и цвета кожи, научить их уважать труд и уметь трудиться на благо всех людей.

Дорогие ребята! Мальчики и девочки! Придет время, вы тоже станете взрослыми и тогда забота о будущем ляжет на ваши плечи. А пока желаю всем вам здоровья, счастья, мирной и радостной жизни.

* * *

Выступление товарища Л. И. Брежнева направлено в ЮНЕСКО.

ПОМНИТЕ!

Константин СИМОНОВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственных премий

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Москва 1979 г.
Издательство «Правда»

Думаю, что читателям журнала «Пионер» не нужно долго рассказывать о том, какой была Великая Отечественная война и какую роль она сыграла в истории нашей страны и всего человечества. Наверно, они и сами понимают, что борьба эта была не на жизнь, а на смерть и что если бы мы не победили фашизм, а, наоборот, оказались порабощенными фашизмом, — все было бы по-другому. Не было бы Советской страны, не было бы у нас ни настоящего, ни будущего, ни прошлого, которое постарались бы вычеркнуть из нашей памяти захватчики. Не было бы, конечно, и журнала «Пионер», для которого я пишу эти строки.

Сегодня я бы хотел сказать о другом.

Поиск следов сражений, поиск неизвестных героев войны, поиск тех мест, где происходили жестокие схватки на земле, где врезались в землю сбитые в воздухе самолеты, этот поиск — увлекательное дело, связанное и с большим трудом и с проявлением большой инициативы. И очень хорошо, что такой поиск идет по стране не первый год уже. И работа эта благородная и связана с нашей историей. Работа увлекает ребят. Думаю, будет увлекать и впредь. Но вот что мне хотелось бы подчеркнуть.

Очень важно сочетать увлечение с последовательностью, с твердостью в достижении поставленной цели, со способностью довести начатое до конца. Не только найти могилы героев, но и всеми средствами добиться восстановления имен. Это очень важно для многих людей. У каждого из погибших были близкие, каждый погибший связан корнями с каким-то кусочком нашей земли, и очень важно знать — кто он был? Чтобы узнать это, потребуется иногда дополнительный, длительный поиск. Но и этого мало.

Мало знать это место. Надо еще и отметить его достойным образом, надо оказать помощь взрослым в организации той или иной братской могилы, того или иного места захоронения погибших. Надо приложить собственные руки и к такому искусству, как украшение этого места. Причем не на один день, а с учетом условий нашего климата. Но и этого всего мало.

Нужно, чтобы традиция переходила от класса к классу, от отряда к отряду, от одного поколения к другому, чтобы однажды восстановленные памятники не разрушались, находились в достойном виде. Чтобы чувствовалась преемственность поколений не только в поиске, не только в увлечении поиском, но и в постоянной заботе обо всем найденном, разысканном, заботе о том, чтобы найденное не было потеряно. А это еще, к сожалению, очень и очень часто случается.

Вот о чем бы мне хотелось сказать вам, читатели «Пионера», сегодня.

А ТЕПЕРЬ ВОПРОСЫ К ВАМ, КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ:

Какой из ваших поисков, походов запомнился больше других и почему?

Расскажите о самой интересной вашей находке.

Расскажите о военной судьбе, подвиге, сражении, которые особенно поразили вас.

Как вы помогаете государственным музеям, музеям, находящимся в вашем городе или области? Помогают ли они вам?

Чему научила вас следопытская работа?

Какие трудности были у вас, как вы их преодолели?

Ждем писем!

МОЛОДЕЦ К МОЛОДЦУ

Стройные, подтянутые, закаленные — молодец к молодцу! — чеканят шаг десантники на военном параде.

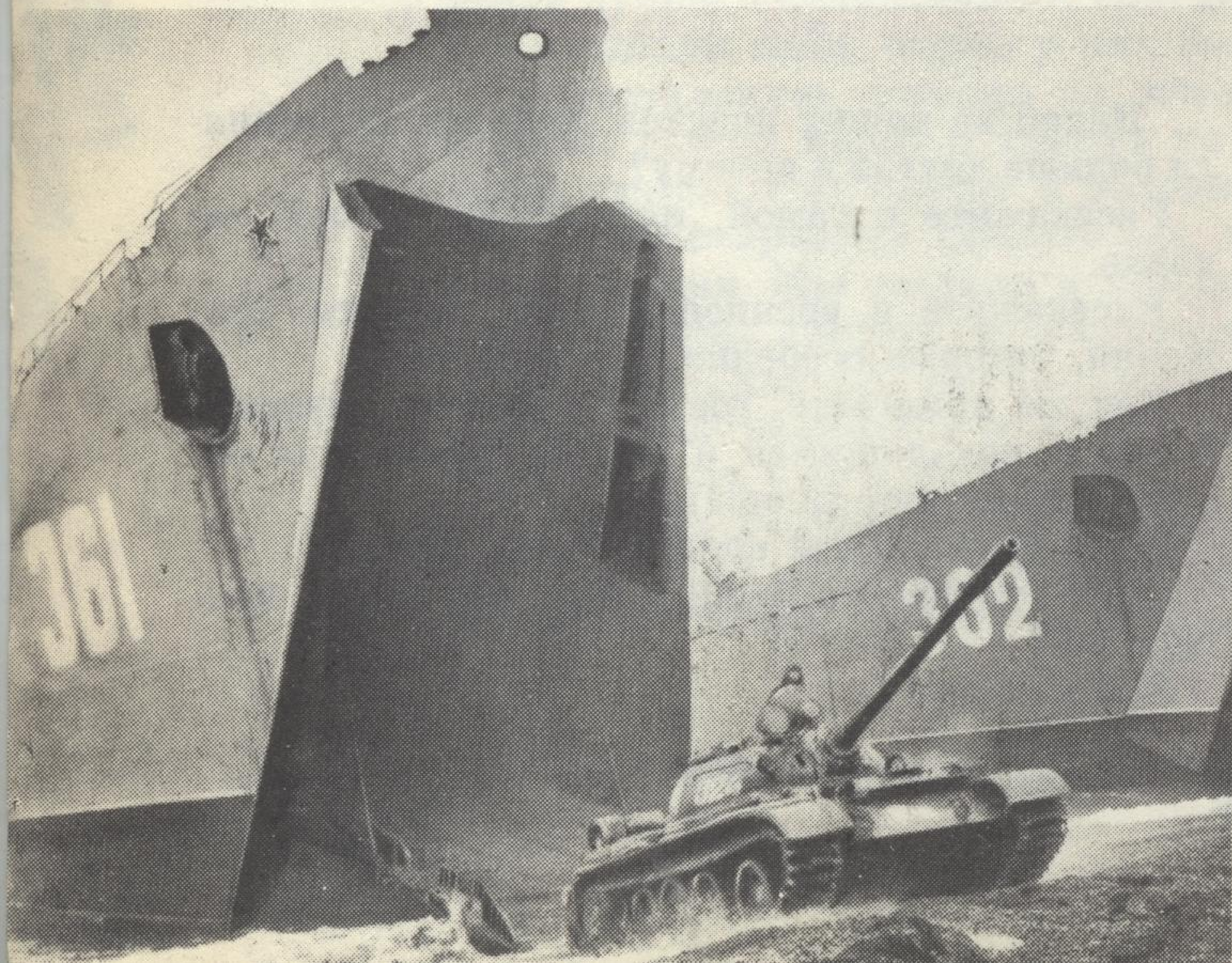
А теперь посмотри на эти снимки. Идут боевые учения. «Тяжело в учении, легко в бою» — эту суворовскую заповедь крепко помнят все в десантных войсках.

С воздуха и моря в глубокий тыл «противника» забрасываются десантные подразделения. Вот они стремительно атакуют неприятеля. Вот спускаются на парашютах прямо на снежные вершины, на кораблях преодолевают водную преграду. Оборона «противника» парализована, а значит, обеспечено наступление по всему фронту.

Чтобы всегда быть готовым к стремительной атаке, надо многое уметь, многое знать.

Еще мгновение — и в небе раскроются купола парашютов: десантники выбрасываются в горный район.

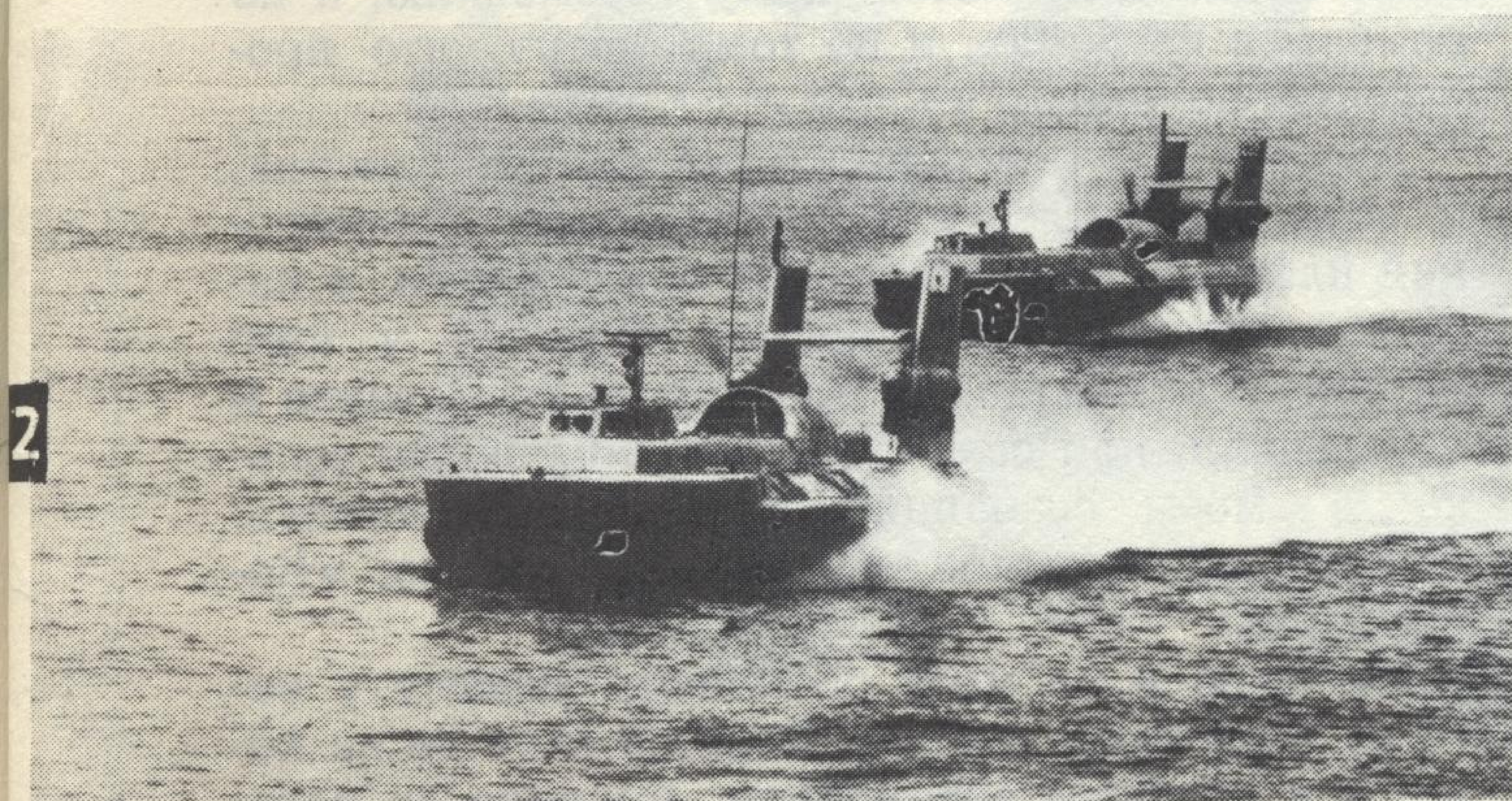
К берегу подошли десантные корабли. Танки морской пехоты стремительно атакуют берег «противника».



Десантник — это воин-парашютист. Ему приходится прыгать со скоростных самолетов днем и ночью, в любую погоду, в совершенно незнакомой местности. И он мгновенно должен сориентироваться и вступить в бой.

Десантник — это боец-моряк, закаленный грозной стихией. Смело бросается он в прибрежные волны с быстроходных судов и неудержимо рвется в бой.

Десант — это внезапность, скорость, победа!



Десантные суда на воздушной подушке с большой скоростью устремляются к берегу.

Десантник — это автоматчик и артиллерист, радист и разведчик, механик-водитель и шофер. Чтобы выстоять в схватке с врагом, необходимо быть сильным, ловким, выносливым, в совершенстве владеть приемами рукопашного боя. С «тройкой» по физической подготовке закрыт путь в небо и на море.

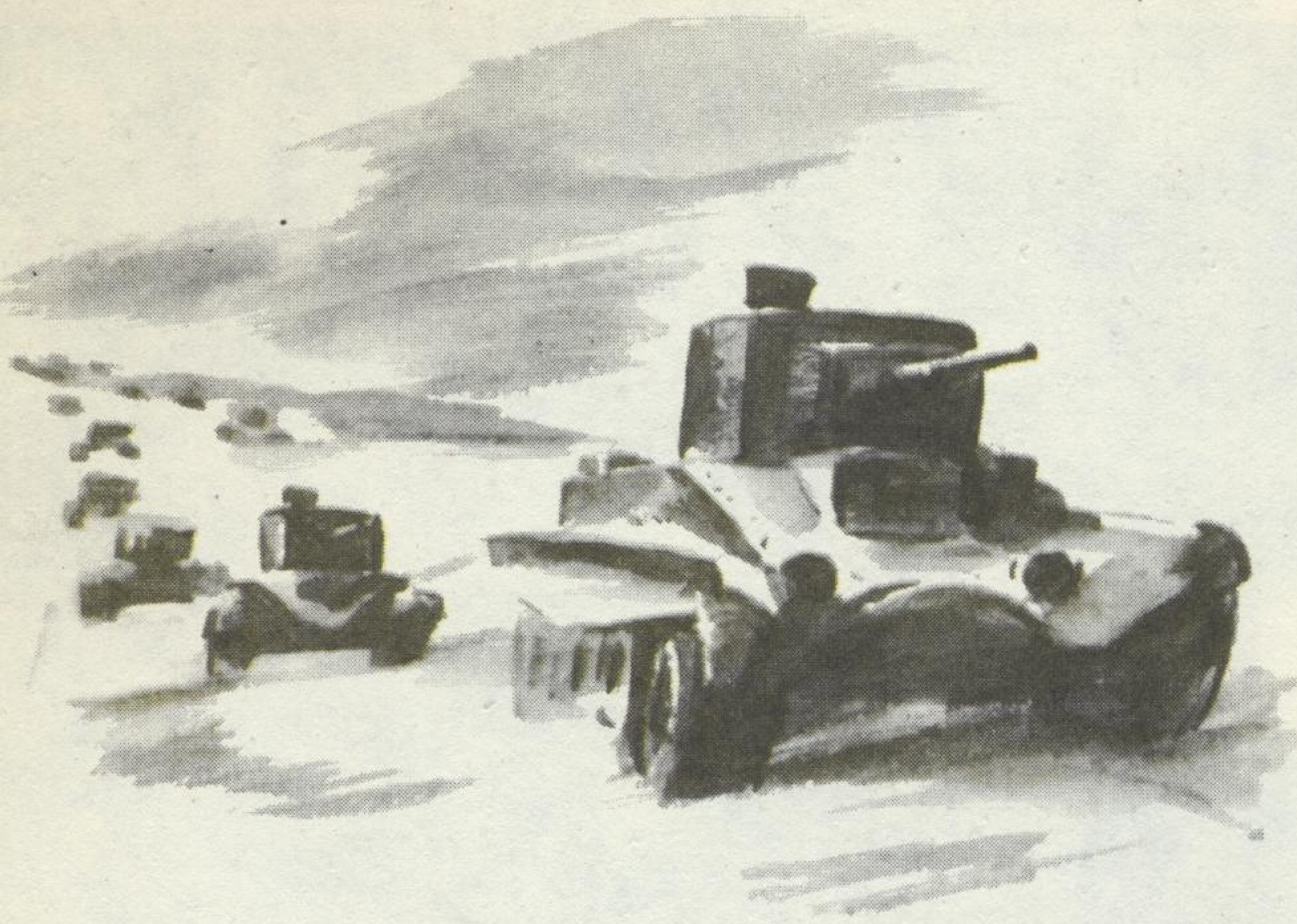
Десантник — отличный спортсмен, гимнаст и самбист, боксер и волейболист. Он умеет работать на всех спортивных снарядах. Даже, как космонавт, тренируется на центрифуге.

С особой гордостью десантник носит форменный берет и тельняшку. Военная форма для него — символ воинской доблести, мужества, готовности в любую минуту встать на защиту Родины.

В. СЕРГИЕВИЧ

Перед дальней дорогой.

Фотографии ТАСС, В. ГРИБОВА



ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

Юрий ГОНЧАРОВ

Шашка командарма

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Случай этот произошел задолго до войны, мне тогда едва минуло десять лет.

Городок наш был тихий, весь утопал в зелени садов, с немощеными улицами, заросшими травой. И только центральная, пересекавшая город с одного конца на другой поблескивала после дождя гладким булыжником. По ней ездили гремучие ломовые телеги да конные фургоны с хлебом, и редко-редко проскочит автомобиль — полуторка или черный «газик» с брезентовой крышей.

И вдруг в городе появились танки: огромные, с одноэтажный деревянный дом, серо-зеленые — под цвет поля и земли, с боков — ромбом, верхним косым углом вперед, в частых шишечках заклепок, с черными зрачками коротких пулеметных стволов, настороженно смотрящих из прорезей в толстой броне. В промежутках между этими громадами двигались танки чуть пониже с гусеницами, как у тракторов, с гранеными башенками и круглыми выпуклыми колпаками на них, с тонкими стволами пушек. Мягко на резиновых шинах катили бронеавтомобили с поднятыми, как козырьки, смотровыми люками; в них виднелись головы водителей в черных кожаных шлемах. Уже неделю в городке ходили слухи о военных учениях, которые состоятся где-то неподалеку, и вот эти слухи обернулись правдой: танковая колонна двинулась в район учений.

Войдя в городок и растянувшись во всю длину главной улицы, танки вдруг остановились. Было часов шесть или семь июньского вечера. Тротуары мигом наполнились любопытствующим народом. Женщины вынесли на руках малышей, даже грудных с сосками во рту,— пусть и они посмотрят на Красную Армию. Ну, а для нас, мальчишек, появление танков стало настоящим праздником. Мы шныряли между ними, жадно, с восторгом рассматривали колеса и еще горячие плиты гусениц.

Водители не отгоняли нас. Остановка получилась долгой. Многие танкисты — в зеленых и серых комбинезонах — выбрались из тесного, душного железного нутра своих машин на мостовую — размяться, вдохнуть чистого воздуха. Стоявшие плотной толпой жители заводили с ними разговоры, угощали папиросами.

И вдруг словно какой-то электрический ветер прошелестел вдоль колонны. Танкисты оборвали разговоры, отделились от толпы, у всех на лицах появилась одинаковая серьезность, все подтянулись и застыли у своих машин.

В конце улицы, откуда пришла колонна, показался открытый автомобиль, длинный, широкий, такой же серо-зеленый, как танки и броневики. На шофере была черная кожаная куртка и очки-консервы. В автомобиле сидело несколько военных, высших командиров; это было видно и по необычному автомобилю, и по ромбам в петлицах, и по тому ветру, что пронесся по колонне.

Автомобиль остановился, открылась дверца, и, ступив сначала на подножку, вышел невысокий плотный командир с седыми висками, в наплечных ремнях, с шашкой, висевшей у него на боку. Не помню, сказал ли кто это в толпе и я услышал, или само родилось во мне, но только в моем сознании мгновенно пронеслось, прозвучало короткое, как выстрел, слово: «Командарм!»

Не знаю и не могу объяснить, почему у него на боку была шашка. Ведь он ехал не на коне, а в штабном автомобиле. Конница и кавалерия отходили уже в прошлое, в легенды и песни о Перекопе, Каховке, рейдах Буденного и Котовского. Войска вооружались моторами, одевались в броню. А командующий был с шашкой, украшенной темляком из золотого шнура с кисточкой, в ножнах, отделанных блестящими медными накладками, сверкавшими тоже, как чистое золото.

Выходя из автомобиля, командарм вынес эту шашку в руке, а на мостовой опустил ее, быстрым движением оправил поясной ремень и портупею, и шашка повисла рукоятью и темляком у левого его бока, концом почти касаясь задников его блестящих сапог со шпорами. Может быть, в ту пору у высших командиров Красной Армии еще сохранилась форма, принятая в годы гражданской войны? А может, это была какая-то особая шашка, которая очень

дорога командиру воспоминаниями о былых походах?

К командарму, на груди которого сверкали два ордена Красного Знамени, с разных сторон подошли командиры танковой колонны, козыряя, вытягиваясь.

Мы, мальчишки, точно нас перенесло каким-то одним дуновением, моментально очутились на той стороне улицы, где остановился автомобиль и в окружении командиров стоял командарм. Сбившись тесной кучкой, сопя, напирая друг на друга, мы смотрели на него во все глаза — на его ордена, малиновые ромбы в петлицах, портупейные ремни, шпоры и шашку.

Шашка вызывала у нас наибольшее восхищение и любопытство. Совсем недавно прошел по экранам «Чапаев», и все мальчишки помнили каждый эпизод, каждый кадр фильма, и, конечно же, у всех в глазах был стремительный лет Чапая по степи на крыльях черной бурки и его вознесенная ввысь шашка. Но то было кино, полотно экрана, а здесь на улице в десяти шагах от нас стоял живой человек, который ходил на белых в такие же стремительные атаки, как Чапаев. Мы стояли толпой сначала на тротуаре, потом незаметно для себя подвинулись, очутились от командарма уже шагах в пяти, потом придвинулись еще ближе.

Командарм поговорил с командирами, и они, отбрасывая руки от козырьков фуражек, один за другим устремились к своим броневикам и танкам. Раздались команды. Механики стали торопливо залезать в люки стальных коробок. Заработали моторы машин. Колонна, чтобы двинуться, ждала только последнего знака, последней команды от командарма — взмаха его руки.

Шофер автомобиля в очках-консервах тоже запустил мотор. Вот-вот командарм поднимется в автомобиль, подаст нужный знак, шофер тронет с места — и в тот же миг оживет, тронется колонна, все броневики и танки.

И тогда из нашей детской толпы вышел вперед белоголовый, голубоглазый Павлик. Он был меньше всех ростом и всегда ввязывался в наши игры, но мы его не брали, потому что он был маленький, слабый, и когда он бегал, то часто падал, расшибал коленки и плакал, а его мать выбегала и ругала нас, как будто мы были в чем-то виноваты. И, чтоб нас не ругали понапрасну, мы гнали этого Павлика прочь.

Павлик бесстрашно подошел к командарму и, задрав свою белую головенку, заговорил. Он что-то просил и показывал рукой на шашку. Командарм наклонился к Павлику, видимо, он не расслышал мальчика. Павлик повторил просьбу еще и еще раз, и командарм наконец его услышал, и услышали все мы.

— Дядя, можно потрогать вашу шашку?

Командарм выпрямился, посмотрел на всех нас, на наши восторженные глаза. Он только

сейчас увидел, сколько детей собралось возле него — обыкновенных пацанов, исцарапанных, расцвеченных синяками и ссадинами в своих играх и драках.

Я не знаю, что он подумал. Но только произошло чудо. Он взялся за эфес шашки, легким движением бывалого кавалериста, который проделывал это тысячи раз, ловко выдернул ее из ножен. Клинок взлетел ввысь, сверкнул на солнце. Взяв шашку обеими руками за клинок, он положил ее в протянутые руки Павлика, которые не смогли ее удержать, приопустились. Напрягшись изо всех силенок, со счастливой пунцовой физиономией Павлик держал шашку командарма.

Из толпы протиснулся такой же мальчишка, сказал: «И я хочу!» — с жадным желанием в голосе и страхом, что ему не будет позволено такое счастье, какое досталось Павлику. Командарм переложил шашку в его руки, и мальчишка, такой пунцовый и такой счастливый, подержал ее несколько мгновений. Его тут же оттеснил третий мальчишка, за ним — четвертый, пятый. К шашке, толкаясь, тянулись все, сколько нас было. И каждый подержал шашку в своих руках, а кое-кому удалось даже два раза.

Синий чад работающих моторов плыл над колонной. Командиры стояли в люках, смотрели на командарма, ожидая от него сигнала, а он стоял и ждал, пока все мальчишки подержат в руках его шашку, чтобы не было ни одного обиженного.

Я думаю, что среди жителей городка и среди танкистов были такие, которые недоумевали: зачем это командарм теряет время на каких-то босоногих мальчишек, задерживает идущий на учения полк. Но, видимо, было нечто более важное, чем минуты, на которые задерживался полк. И седой командарм с двумя орденами Красного Знамени это понимал...

Наконец шашка вернулась к командарму. Он ловко вогнал клинок в ножны и крепко пристукнул ими. И на этот короткий сухой стук тонким серебряным звоном отозвались шпоры командарма.

Через несколько секунд бронетанковый полк, закутанный в голубой дым, сотрясая вокруг себя все, лязгая железом гусениц, как одно могучее тело, двинулся вперед.

ВСТРЕЧА С ГЕРОЕМ

В школе мы читали «Малую землю» Леонида Ильича Брежнева. Наши родители, наши деды, листая страницы этой книги, вспоминают тяжелые годы войны, своих однополчан, бои за родную землю. А мы, школьники, вспоминаем встречи и беседы с людьми, защищавшими Родину.

У нас в школе был торжественный вечер, посвященный Дню Советской Армии. Наш класс решил пригласить на этот вечер ветерана войны Арамаиса Бадаловича Арутюняна. Мы знаем его давно, еще с пятого класса, а на вечере решили познакомить его с нашей дружиной.

Накануне вечера вся школа была на ногах: кто репетировал концертные номера, кто рисовал плакаты, кто оформлял стенды. Наш класс приготовил самый лучший сюрприз.

За полчаса до вечера, победоносно размахивая руками, прибежал одноклассник, который дежурил у двери:

— Идет!

Мы все, толкая друг друга, бросились вниз. По лестнице поднимался Арамаис Бадалович, по-военному подтянутый, улыбающийся. Мальчишки из других классов сразу окружили его — пройти нельзя, а вечер уже пора начинать...

В зале ведущий представил Арутюняна ребятам. Арамаис Бадалович вышел на сцену и стал рассказывать. Он рассказывал, как их полк форсировал Сиваш, как, несмотря на большие потери, они взяли Сапун-гору, как радостно встречали своих освободителей севастопольцы.

Мы слушали его, затаив дыхание, как героя, который прямо из книги пришел к нам в школу, на вечер. Ни слова не сказал он о себе, хотя мы знали о его заслугах. Знали, что он был бесстрашным командиром, примером для бойцов своего взвода. Недавно наша городская газета опубликовала письмо, которое написали ему крымские пионеры, красные следопыты тех мест, где он воевал.

Мы гордимся тем, что в нашем городе живет такой человек.

Ирина ПЕТРОСЯН,
г. Кировакан, Армянская ССР

Суровая жизнь полководца

А. МИТЯЕВ

Начиналось 9 мая 1945 года. Корреспонденты крупнейших газет мира толпились в коридорах военного училища, что в предместье Берлина. Ожидалось особо важное сообщение...

Из-за стола, осененного флагами Советского Союза, США, Англии и Франции, поднялся маршал Жуков.

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Первым подошел к столу генерал-фельдмаршал Кейтель. Фельдмаршальский жезл, зажатый в руке, дрожал. Из левого глаза вывалился монокль. Лицо покрылось пятнами. За ним с низко опущенными головами — генерал-полковник авиации Штумпф и адмирал флота фон Фридебург. Кейтель нашарил монокль, болтавшийся на шнурке поверх орденских планок, присел на край стула и поставил свою подпись. Начало акта гласило: «...соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе...»

Так 9 мая в 0 часов 43 минуты закончился тысяча четыреста восемнадцатый день Великой Отечественной войны.

Тишина, уже неделю стоявшая над развалинами огромного города, утром взорвалась выстрелами из всех видов оружия. Стреляли пушки, танки, автоматы, пистолеты, минометы. Это солдаты, бравшие Берлин, салютовали долгожданной победе.

В тот день на праздничном банкете Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков плясал «русскую». Он и подпись свою поставил на рейхстаге — среди тысяч подписей солдат. 1-й Белорусский фронт, которым он командовал, вместе с 1-м Украинским фронтом маршала Ивана Степановича Конева блестяще провел Берлинскую операцию.

Удивительно прекрасными были дни победной весны. Теплые, солнечные, тихие, будто сама природа, пережив страшную грозу, поверила в покой на земле и принялась украшать землю цветами и травами.

Но не это долгожданное время стало для маршала самым памятным за войну. Самыми памятными были для него холодные, ненастные — с дождем и снегом — дни осени сурового 1941 года.

Шла Московская битва. В ней решалось если не все, то почти все. По планам Гитлера война должна была вот-вот закончиться. Танковые тараны врага со страшной силой били оборону города — с севера, с юга, в центре. Казалось, невозможно выдержать эти удары. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин позвонил в штаб Западного фронта Г. К. Жукову:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

Георгий Константинович Жуков, руководивший большей частью войск, оборонявших Москву, тогда еще генерал армии, сказал не просто «удержим», он прибавил «безусловно». Какую же ответственность взял он на себя! Почти нечеловеческую!

«Москву, безусловно, удержим». Это значило: не надо создавать восточнее Москвы новые рубежи обороны; эвакуировать оставшихся в городе жителей, взрывать заводы и фабрики, продукция которых сейчас идет на уже близкий фронт. Враг не войдет в город... Только человек, обладавший огромным мужеством, мог сказать так, с такой ясностью и твердостью.

Командующий фронтом не много просил у Ставки Верховного Главнокомандования. Самое необходимое. Он знал, что и самое необходимое получит не сразу. Сибирские, дальневосточные, уральские, среднеазиатские дивизии еще в пути, а враг — в десятках километров от столицы. Командующий со своим штабом должен найти, придумать что-то, что возместило бы до прибытия помощи недостающие войска. Искать, думать будут все. Но ответственность за это в первую голову на командующем — он обещал удержать Москву. Подвиги совершают не только одиночки, роты, батальоны, подвиги совершают целые дивизии, и больше того, что делают они, сделать не смогут — значит он, командующий, обязан искуснее руководить ими.

На командном пункте 65-й армии Г. К. Жуков разговаривает с генералом К. К. Рокоссовским.

Жуков принялся за дела Западного фронта, оборонявшего Москву, в тот же час как прилетел из осажденного Ленинграда. Из одной горячей точки войны он прибыл в другую — самую раскаленную!

Здесь положение наших войск было очень и очень тяжелое. На севере фашисты заняли город Калинин. На юге — подошли к Туле. Еще хуже было на центральном направлении. На западе, в районе Вязьмы, противнику удалось окружить четыре наши армии. Дорога к столице с запада оказалась открытой.

Изучая обстановку, размышляя над перемещением и движением войск противника, генерал Жуков понял, что самым уязвимым является можайское направление, — здесь гитлеровцы могут прорваться к столице. Для подробного изучения дел он на автомобиле отправился в тот район. Ночью и днем, рискуя напороться на врага, восстанавливал взаимодействие между разрозненными войсками, перемещал их туда, куда по его предвидению вот-вот нагрянет враг.

Так он оказался в десятке километров от деревни Стрелковки, где родился и где оставались старая мать Устинья Артемьевна и сестра с малолетними детьми. Хотелось заехать к ним (велик ли крюк!), взять с собой, уберечь от боев, которые скоро начнутся здесь, и от большей опасности — мести фашистов родне советского генерала. Он не позволил себе этого — на нем лежала ответственность за многие тысячи людей, а времени на совершенно неотложные дела почти не оставалось.

Не заехал еще и потому, что поступки командующего в часы грозной тревоги, его поведение — как сошел с подножки автомобиля, как говорил с другими командирами, о чем спрашивал у солдата, как посмотрел на вражеский самолет в небе — все до мельчайших подробностей запомнится, будет передано из окопа в окоп, из танка в танк и отзовется на поведении солдат в неизбежно тяжелых боях. Уверенность, спокойствие, мужество военачальника передаются войскам. Так же, как растерянность и неуверенность, как малодушие...

Самая заметная черта полководческого дарования — способность по мере возрастания опасности становиться все энергичнее, когда, казалось бы, иссякнувшие силы восстанавливаются, когда человек способен даже на большее, чем в спокойной обстановке.

Любой талант растет только в постоянном преодолении препятствий. В Московской битве участвовало много мужественных военачальников. Наш народ никогда не забудет имен маршалов И. С. Конева, К. К. Рокоссовского, генералов Л. М. Доватора, И. В. Панфилова... Об этих людях много написано, многое можно узнать от их боевых товарищей и родственников.

Попробуй, читатель, сравнить сопоставить факты их детства и отрочества. Наверное, ты найдешь много общего с тем, как мужал Егор Жуков.

Пожалуй, первый врезавшийся в память на всю жизнь урок мужества он получил шестилетним ребенком. Его родители — крестьяне были трудолюбивы, но бедны ужасающей бедностью. Домишко в два оконца не выдержал ветхости, крыша рухнула, только по счастливой случайности никого не задавило. Подходила осень, за ней придет зима — где жить? Казалось, нет никакого выхода, только всем помереть. Однако нашли в долг плохонький сруб, разобрали его, по бревнышку перевезли, собрали на новом месте, застеклили окошки кусочками стекла, навесили дощатую дверь, сложили печку. Егор вместе со старшими пережил тогда и горькую беду и радость постройки нового жилья, преодоления тяжелых обстоятельств.

Двенадцати лет отдали Егора Жукова учеником в скорняжную мастерскую в Москву. Тяжелая работа, тычки хозяина, хозяйки, мастеров. Особенно злобствовал приказчик. Однажды принялся избивать такого же ученика. Егор

схватил дубовую палку и страшным ударом по голове свалил приказчика на пол. А ведь точно знал, что расправа за это будет жестокой. Но не побоялся. Побит он тогда был крепко, однако потом трогать его остерегались, уважали в нем характер.

С первой мировой войны он вернулся тяжело контуженный, но с двумя георгиевскими крестами, один — за пленение немецкого офицера.

Конечно, не сами эти случаи сделали Жукова полководцем. Но они были первыми ступенями его жизненного пути, ступенями, к которым прибавлялись новые. В 1922 году эскадрон, которым командовал молодой краском Жуков, вступил в бой с белобандитами; их было гораздо больше, чем наших кавалеристов. Шесть раз сходились в рукопашных схватках. Под Жуковым убили двух коней. Вражеская сабля едва не рассекла командира, когда он ринулся спасать свой пулемет. По существу, этот эпизод мало чем отличается от того, когда в скорняжной мастерской подросток бросился на выручку товарища. Но это была новая ступенька жизненного опыта красного командира Жукова, действовавшего в иных обстоятельствах, в ином возрасте. Она была опорой следующей ступени, отличной от прежних. Необычная лестница получается — внизу совсем узкая, а чем выше, тем шире. Лестница мужания человека.

За тот бой Георгий Константинович получил свою первую награду от Советской власти — орден Красного Знамени.

…Четыре армии, окруженные в районе Вязьмы, героически сражались до последней возможности. Немногим удалось тогда вырваться из окружения. Но гибель армий была не напрасной. Около двух недель они держали вокруг себя двадцать восемь дивизий фашистов — из семидесяти семи, наступавших на Москву! За драгоценные эти неполные две недели Ставка Верховного Главнокомандования дала Западному фронту четырнадцать стрелковых дивизий, шестнадцать танковых бригад, четыре десятка артиллерийских полков. Командование фронта разместило свежие войска на самых грозных направлениях: волоколамском, можайском, малоярославецком, калужском — и дорога на Москву с запада снова оказалась для врага закрытой.

Но очень уж велико было превосходство врага — в численности войск, в количестве танков, орудий и минометов. Наши войска, нанося фашистам большие потери, отходили все ближе и ближе к Москве.

…Подошедший к Москве враг представляется мне одним стоверстным фашистом. Он залег на земле Подмосковья, набирался ярости для последнего, смертельного для нас броска. Его сапоги, подбитые гвоздями с четырехгранными шляпками, касались Вязьмы, голова была у Можайска, глаза из-под каски смотрели прямо на Москву. Фашист широко раскинул руки. Левая, короткая, тянулась к Дмитрову и Клину. Правая, вдвое длиннее левой, тянулась через Тулу к Кашире. Фашист сжал кулаки, чтобы пробить в нашей обороне — севернее Москвы и южнее Москвы — бреши. Пробив бреши, он просунул бы в них руки, дотянул бы их до Ногинска, что восточнее Москвы и, сцепив там пальцы, стал бы сжимать кольцом оказавшихся в окружении защитников столицы…

Каковы они, были у фашиста, кулаки? Что могли противопоставить этим кулакам мы? На клинском направлении против наших 56 танков, 210 орудий и минометов 30-й армии у врага было 300 танков, 910 орудий и минометов. На каширском — против наших 45 танков, 315 орудий и минометов 50-й армии гитлеровцы сосредоточили 400 танков и 810 орудий и минометов.

Дух перехватывает, когда вдумаешься в эти цифры.

Московской битвой непосредственно заняты Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб. Командование фронтом беспрерывно получает донесения с места боев, разведданные от авиации и партизан. Работая по двадцать два часа в сутки, командующий в кратчайшее время анализирует эти данные, принимает решения.

Резервы, которые есть еще у фронта, перебрасываются туда, где совсем уже невмоготу держаться солдатам; снимаются полки, роты, даже взводы с менее напряженных участков и перемещаются в огненные пекла. Как еще иначе назовешь бои, подобные тому, которые вели панфиловцы у разъезда Дубосеково? Двадцать восемь пехотинцев отбивают атаку сначала двадцати танков, потом — тридцати, уничтожив восемнадцать. И так по всей неровной дуге фронта, опоясавшего Москву. Когда танки врага подошли к окраине Каширы, их встретили зе-

9 мая 1945 года.
Маршал Г. К. Жуков подписывает акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

нитчики — опустили стволы орудий и пожгли фашистские танки. В центре фронта, на шоссе, ведущем в Кубинку, саперы установили мощные фугасы, возвели вал из хвороста, начиненного горючим. Много танков и машин с пехотой врага взорвалось на фугасах, а те, что уцелели, не рискнули идти через огненный вал, перегородивший шоссе. У Дмитрова с танками фашистов дрался бронепоезд — из двадцати истребил семь...

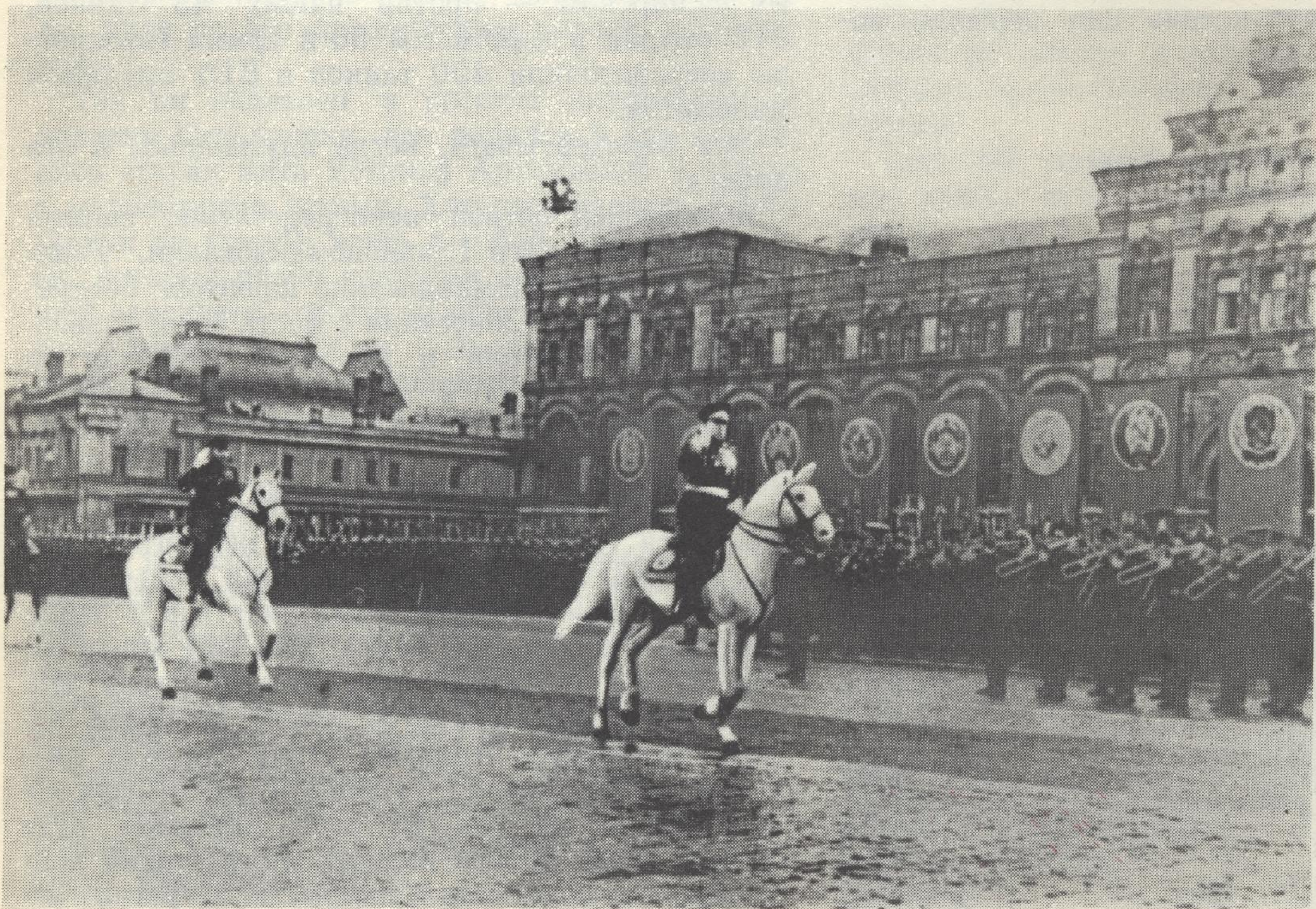
Поняв, что по шоссейным дорогам прорваться невозможно, фашисты изменили тактику. Ранние морозы укрепили почву, и группы танков с пехотой пробирались к Москве полями и перелесками. Саперы на автомашинах бросались на перехват таких отрядов. Они ставили на пути танков мины. Были попытки фашистов прорваться большим числом танков и солдат. Угроза такого прорыва возникла у Голицына. Командующий фронтом направил туда стрелковую бригаду, артиллерийский полк, танковый и лыжный батальоны, и враг бежал. На снегу у деревень Бурцевс и Юшково осталось две тысячи убитых фашистов, 27 танков, 46 орудий и минометов.

Ноябрь был на исходе. Приближался морозный декабрь. К Москве гитлеровцы не пробились. Стоверстный фашист, распластавшийся на подмосковной земле, обессилел. Ему, готовившемуся кончить войну за теплые месяцы, стало холодно. Он натянул на кованые сапоги соломенные калоши (сплетенные в Германии, у нас таких сроду не делали), укрылся одеялом, замотал голову шалью — отнятыми у крестьянок. Впервые — после победных парадов в Варшаве и в Париже — он понял, что война — дело нешуточное.

...Жуков, обещая удержать Москву, просил в распоряжение фронта еще две армии. К началу декабря армии были готовы. Их разместили позади линии фронта, как раз там, где фашисты намеревались пробить бреши в нашей обороне. Если бы войска там не устояли, на заделку брешей были бы брошены части резервных армий. Генерал Жуков был очень доволен тем, что к помощи этих армий почти не пришлось прибегать. Они, свежие, хорошо вооруженные, очень нужны были для нового дела — для контрнаступления.

Почти все знаменитые сражения выигрывались тогда, когда противник не знал (или знал плохо) намерения другой стороны. У меня есть знакомый фронтовик, он всю войну провоевал в пехоте, несчетное число раз ходил в атаку и остался жив. Свою неуязвимость объясняет тем, что, упав на землю, он перед новым броском на вражескую траншею откатывался в сторону и вскакивал в другом месте, ибо фашист место падения уже держал на мушке, только ждал, когда солдат поднимется. Это военная хитрость солдата. Хитрость военачальника иная. Точнее, не хитрость, а искусство.

Георгий Константинович Жуков в полной мере владел военным искусством. В сплаве с мужеством оно обеспечивало ему и его войскам победы. Летом 1939 года советские и монгольские войска под его командованием в короткий срок окружили и уничтожили на реке Халхин-Гол отборную японскую армию. Жукову тогда удалось (довольно сложным путем) внушить японским генералам, что советские войска намерены не наступать, а обороняться, что они готовятся зимовать на занятых позициях и задача их — не допустить дальнейшее продвижение японцев в глубь Монголии.



24 июня 1945 года. Москва. Маршал Жуков принимает парад Победы.

За победу на Халхин-Голе Георгий Константинович получил звезду Героя Советского Союза — первую из четырех, украсивших его мундир впоследствии.

Что можно сделать теперь, чтобы противник не догадался о наших намерениях? Хотя потери врага в ноябрьских боях были очень большими, он все еще численно превосходил нас. У фашистов было 800 тысяч солдат, около 10 400 орудий и минометов, 1000 танков, более 600 самолетов. На наших трех фронтах — на Западном и у соседей справа и слева — было 719 тысяч человек, 5908 орудий и минометов, 415 «катюш», 667 танков, 762 самолета.

Вообще-то, военные правила не разрешают наступать при таком соотношении сил; наступающая сторона должна иметь вдвое, втрое больше войск, чем та, что держит оборону. В такой обстановке у нас был единственный шанс на успех. Он заключался в том, чтобы с предельной точностью определить момент, когда гитлеровцы израсходуют наступательные силы и средства. Тогда, не дав им ни дня, ни часа для оборонительных дел, — пока они не в блиндажах, не в траншеях, не в укрытиях, пока не перегруппировали войска, пока не создали узлов обороны, не приготовили артиллерийских позиций для отражения нашего удара, не загородились минными полями — дерзко и решительно контратаковать.

По данным разведки, по характеру боев, все еще ожесточенных, но лишенных (со стороны врага) энергии и азарта, командование пришло к выводу: момент наступил! Но наступил ли? За точность перед Ставкой брал на себя ответственность командующий фронтом. Еще одно мужественное решение, от которого зависело многое и многое... 29 ноября Г. К. Жуков позвонил И. В. Сталину и попросил дать приказ о контрнаступлении.

— А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку? — спросил Верховный Главнокомандующий.

Вопрос понуждал командующего еще раз (последний) проверить самого себя. Жуков был уверен в точности выводов. Поздно вечером он получил из Ставки положительный ответ.

Еще один очень важный момент. Фашистские армии, еще пытающиеся прорваться к Москве, все свои резервы израсходовали — и в людях и в технике. Но ведь Гитлер, когда фашисты побегут от Москвы, сможет снять дивизии с других участков советско-германского фронта и бросить их на помощь... Не сможет Гитлер этого сделать. Наше Верховное Главнокомандование, учитывая такую вероятность, приказало провести наступление на севере страны и на юге; советские войска в канун контрнаступления под Москвой освободили на севере город Тихвин, на юге город Ростов и сковали там боями противника.

Ответственность за это решение брал на себя командующий фронтом. Еще одно мужественное решение генерала Жукова. Решение, от которого зависело многое...

5 и 6 декабря войска, оборонявшие Москву, перешли в контрнаступление. Германское командование не сразу поняло, что происходит. Лишь 8 декабря оно приказало своим войскам немедленно перейти к обороне. Но было уже поздно. Советские воины погнали фашистов на запад.

Враг бежал, бросая танки, орудия, автомобили, оставляя раненых, не успевая хоронить убитых.

С яростью обреченных фашисты цеплялись за любую деревню, боясь замерзнуть в подмосковных снегах.

Морозы в ту зиму стояли лютые, мели метели, фашистское воинство отнимало у населения теплые вещи и скоро по виду превратилось в толпы бродяг.

Гитлер метал громы и молнии: подойти к Москве и вдруг бежать от нее! Угрожая смертной казнью, он требовал остановиться. Он проклинал своих полководцев, которых в первые месяцы войны осыпал наградами. Были смещены четыре фельдмаршала и три десятка генералов. Но такие кары уже не могли исправить дела. Потому что высшую кару — возмездие — обрушил на фашистов советский народ.

На полтораста — триста километров были отброшены гитлеровцы от Москвы. В ту тяжелую годину эта победа стала первой большой радостью.

Радовались и в других странах. «Лондон приветствует город Москву, храбрую Красную Армию, героев Красной авиации, — передавала английская радиостанция. — За три месяца вы разгромили самый мощный натиск во всей истории войн. Половина мира, затаив дыхание, ожидала исхода. И вот этот исход — победа, победа для Москвы!»

Прошли лишь две сотни дней войны. Из тысячи четырехсот восемнадцати. А легких побед и дальше не было — до самого падения Берлина. Враг был опытный, сильный, жестокий. Тем больше чести советским солдатам и советским военачальникам.

Достойное место среди имен защитников Родины занимает имя Георгия Константиновича Жукова, Маршала Советского Союза, четырежды Героя Советского Союза, кавалера многих высших советских и иностранных орденов. Ему первому были вручены орден Суворова I степени и орден «Победа»...

«Жуков, — говорил о своем боевом соратнике маршал А. М. Василевский, — без сомнения, стоит в ряду полководцев, которых человечество не забывает. Это военачальник не просто большого таланта, он был наделен огромным мужеством, самообладанием, могучей волей. Жуков не боялся ответственности. А ответственность, выпавшая на долю всех, от Солдата до Маршала, измерялась самой высокой мерой — судьбой Родины».

Владислав КРАПИВИН,

лауреат премии Ленинского комсомола и премии имени А. П. Гайдара журнала «Пионер»

Колыбельная для брата

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

В тот вечер с делами управились поздно, и Дед сказал:

— Кир, ночуй у меня. Завтра с утра опять работа.

Кирилл сбегал к автомату и позвонил домой. Мама разрешила: у Векшиных гостила бабушка, она вместе с мамой нянчилась с Антошкой, и без помощи Кирилла могли обойтись.

Остальные позавидовали: им тоже хотелось ночевать у Деда. Кроме Кирилла, все жили близко, поэтому быстренько сгоняли домой и отпросились.

Улеглись в сарае, где недавно стоял «Капитан Грант». Дед притащил кучу старых пальто и одеял. Устроили постели и думали, что будет веселая ночь с болтовней, страшными рассказами и шутками.

Но утомление сразу дало себя знать. Алик успел рассказать только одну короткую историю про сиреневых марсиан и засопел в начале второй. Остальные тоже быстро притихли.

Кирилл не спал. Усталость ровно гудела в каждой жилке. Горели от солнца плечи, тихонько ныли исколотые пальцы, но это было нестрашно и даже приятно. Пахло сухой травой, теплым деревом и краской. Тихонько посвистывал носом отмытый Митька. В полуоткрытой двери светилось закатное небо. Кирилл слышал, как во дворе возится с железным корытом Дед. Потом к нему подошла Надежда Николаевна.

— Улеглись морские волки? — спросила она.

— Спят уже. Умотались.

— А Митя как?

Кирилл почувствовал, что Дед усмехнулся:

— Как всегда: носом в коленки и посапывает.

— Спасибо тебе за Митю, Гена...

— Да ну, что ты...— растерянно откликнулся Дед. Помолчал и вдруг сказал: — Это тебе спасибо, Надюша.

— Господи, мне-то за что?

— Да вот так... Лучше мне с ним. Теплее, что ли...

— Теплее... Зато и хлопот сколько... Безалаберный он...

— Митька как Митька. Он боевой. Видишь, помог мне экипаж набрать.

Надежда Николаевна тихонько засмеялась:

— Мало тебе одного хулигана...

Дед, кажется, тоже засмеялся. Потом сказал немного удивленно:

— Никогда не думал, что с ребятишками свяжусь. Еще в школе комсомольское поручение давали вожатым быть у пятиклассников, так я как от чумы... Хоть режьте, говорю, а не буду. А теперь вон, целое семейство.

Надежда Николаевна вздохнула и тихо (Кирилл еле расслышал) сказала:

— Своего тебе надо, Гена.

Дед промолчал и так же тихо ответил:

— Чего теперь об этом...

— Никак не пойму, что у вас получилось с Катей... Она же тебя любила.

— Жалела,— хмуро сказал Дед.

— Жалость без любви не бывает. Если и жалела, что плохого? Почему говорят, что жалость — это обязательно обидно?

— Да она себя жалела. И гордилась... Такая великодушная: за калеку вышла.

— Генка, да ты дурак! — как-то по-девчоночьи тонким голосом воскликнула Митькина мама.— Ты же все сам придумал! Ну, что такого страшного с твоей ногой!

— Да я не про ногу, а вообще... Про неудачи. Она думала, что из меня знаменитый кинематографист получится, а все не так...

— А ты не мучайся. Все у тебя еще впереди.

— А я и не мучаюсь,— сказал Дед.— Это с виду у меня жизнь сейчас растрепанная, а на душе спокойно, честное слово... Видно, сам не знаешь, где чего найдешь. Ну, вот кто поверит, что может быть такая радость: ходить в темноте между мальчишками, слушать, как дышат, укрывать получше...

— Я поверю.

— Ты сказала: своего надо. Конечно... Только знаешь, этих я бы все равно не оставил. Сперва думал: просто работники, экипаж, чтобы с кораблем управляться. А вышло, что главное не корабль, а они...

— Хорошие ребята! — согласилась Надежда Николаевна.— Славные... Только вот этот, тощенький, светлоголовый... Кирилл, да? Непонятный какой-то...

— А что непонятного? — настороженно спросил Дед.

— Не знаю. Диковатый, что ли... И немного беспризорный.

— Просто он стеснительный. А что касается беспризорности, то все они охламоны.

— Все — это другое дело. А у него отец на большом посту, важная фигура. Казалось бы, мальчик из такой семьи... Как-то поинтеллигентнее должен выглядеть...

Дед засмеялся:

— Ты приглядись. Дело ведь не в растрепанной голове. Он иногда таким аристократом может быть...

«Мамочки! Это я-то?» — простонал про себя Кирилл.

А Дед, помолчав, добавил:

— Нет, Кир хороший. Он мой друг.

Кирилл благодарно улыбнулся в темноте, вздохнул тихонько и начал засыпать.

До того вечера Кирилл никогда не думал, что отец у него «важная фигура». Он понимал, конечно, что у отца сложная и большая работа — главный инженер завода отвечает за все производство,— но при чем здесь важность?

«Важная фигура» — это звучало как «большой чин».

Жили Векшины совсем не роскошно, в малогабаритной квартире, дорогими подарками Кирилла не баловали, если не считать велосипеда (но это было потом). Порой бывало трудновато с деньгами, особенно когда родился Антошка и мама уволилась, а расходов прибавилось.

Внешность Петра Евгеньевича Векшина тоже не отличалась солидностью и важностью. Он был невысокий, лысый, с круглым животиком да и весь какой-то кругловатый. Когда волновался или хотел что-то доказать, начинал мелкими шажками быстро ходить по комнате, заталкивая большие пальцы за подтяжки на плечах, и оттягивал тугие резиновые полоски вверх. Словно старался приподнять себя над полом.

Кирилл не огорчался, что у отца не героический вид. Он просто не представлял, что папа мог бы выглядеть иначе. К тому же Кирилл знал, что в молодости папа служил на границе да еще был перворазрядником по стрельбе и лыжам. Согласитесь, что это не хуже, чем геркулесовы плечи или мушкетерские усы.

В последние годы Петр Евгеньевич спортом не занимался, но кое-какие навыки сохранил. Кирилл в этом убедился позапрошлой зимой. Он с мальчишками гонял шайбу на асфальтовой площадке перед домом, а Петр Евгеньевич шел откуда-то веселый и довольный. Поглядел, как нападающие лупят мимо ворот, и сказал с чувством:

— Эх, мазилы!

Игроки остановились, и сердца их наполнились тихим возмущением. Даже Кирилл оскорбился.

— Обзывать легко,— сказал он.— Попробовал бы сам.

— А чего ж! Давай! Могу один против команды!

Ребята засмеялись.

На пороге стояла Женька Черепанова.

Тогда Кирилл обиделся и немного испугался за отца. И за себя. Теперь все будут дразнить: папа — звезда хоккея.

Отец коротко глянул на него и сказал:

— Дай-ка клюшку.

Кирилл вздохнул и дал.

— Начали, — небрежно предложил Петр Евгеньевич пятерым противникам.

Те восторженно заорали и бросились в атаку. Они были уверены в победе. И напрасно. Петр Евгеньевич обвел нападающих, пробился, как пушечное ядро, сквозь защиту и тут же вклепал противнику первую шайбу. Потом заколотил им еще три.

Кирилл таял от гордости.

— Хватит, — сказал отец. — Играете вы прилично, однако со старой гвардией связываться вам рановато... Пошли, Кирилл, обедать!

Петр Евгеньевич, видимо, по-мальчишечьи был доволен своим поступком. Он сказал Кириллу:

— Есть еще порох... Здорово я их, а?

— Здорово! — сказал Кирилл, но решил, что небольшая критика не повредит. — Только все-таки ты запыхался слегка. Зарядочку делать надо.

— Ой, надо! — согласился отец. — Понимаю. Самому тошно, брюхо растет... Разве я такой был в розовой юности?

— Не такой, — сказал Кирилл.

У него над кроватью висела в латунной рамке от эстампа большая фотография. На снимке худенький мальчишка в вельветовом костюме — короткая курточка с «молнией» и брючки, застегнутые под коленками — мчался по асфальтовому спуску на самодельном самокате. Волосы у мальчишки разлетелись от встречного ветра, а глаза сияли от счастья и удали. Это и был Петр Евгеньевич Векшин — в возрасте одиннадцати с половиной лет.

Кирилл нашел такую фотографию в бабушкином альбоме и попросил отца увеличить ее в заводской фотолаборатории.

— Зачем тебе? — поинтересовался отец.

— Надо, — сурово сказал Кирилл. — Когда притащу двойку или запись в дневнике и ты начнешь меня воспитывать, я буду смотреть на эту фотографию и говорить: «Папа, папа, а сам ты всегда был образцом успеваемости и дисциплины?»

— Дельная мысль, — согласился отец. — Но лучше повесь мамину карточку. Дневник-то чаще всего смотрит она.

Кирилл грустно вздохнул:

— Какой смысл? Мама всю жизнь была отличницей.

Рядом с фотографией на фанерной полочке стояла модель кораблика. Вернее, не модель, а просто самодельная игрушка: корпус из сосновой коры, мачты-лучинки, косые лоскутные паруса. Но это была дорогая для отца и для Кирилла вещь. Петр Евгеньевич построил крошечную кривобокую шхуну, когда ему было семь лет. Этот первый в его жизни кораблик чудом сохранился и потом стал семейной реликвией. А любовь к моделям у отца осталась до сих пор.

Уже третий год Петр Евгеньевич строил большую модель фрегата «Южный ветер». Фрегат с метровыми мачтами стоял на телевизоре и на первый взгляд казался вполне готовым. Но на самом деле работы оставалось еще много: нужно было сделать и укрепить сотни мелких деталей.

Кирилл не увлекался этим делом, как отец. Во-первых, терпения не хватало, а во-вторых, это все-таки модель. Вот если бы настоящий корабль построить!.. Но помогал отцу он охотно. В свободные вечера они усаживались перед фрегатом и дружно занимались оснасткой. Отец вытачивал тоненьким напильничком лапу бронзового якоря или спицу крошечного штурвала, а Кирилл особым узлом ввязывал в ванты ступеньки из ниток — выбленки. Это у него здорово получалось.

Они работали и о чем-нибудь разговаривали. А иногда пели морские песни: папа — сипловатым баском, негромко, а Кирилл — сперва тоже тихонько, а потом от души...

Однажды Кирилл спросил:

— Папа, ты с детства кораблями увлекаешься, а почему на «Сельмаше» работаешь? Почему не стал судостроителем?

— В нашем-то городе? Бред какой... — сказал отец, разглядывая под лампой узорчатую крышку для кормового фонаря.

— Почему в нашем? Поехал бы куда-нибудь. Ты же был неженатый...

— Не мог я после школы. Мама, твоя бабушка, болела. Ну и пошел я на «Сельмаш». Сперва для заработка, а потом понравилось.

Люди хорошие были вокруг, расставаться не хотелось. Знаешь, повезло мне с людьми, до сих пор радуюсь...

Он надел крышку на фонарь и полюбовался работой. Потом сказал:

— Между прочим, комбайны тоже корабли. Наверно, сам видел, как они по хлебам идут. Будто по волнам. И штурвалы...

— Видел, — согласился Кирилл.

Но комбайны были все-таки сухопутными кораблями. А Кирилл думал о парусниках. Он предложил:

— Давай построим яхту. Хотя бы маленькую, на двоих.

— А что! Это идея. Вот только время выбрать...

Но яхта не модель, время не выбиралось. Хорошо, что судьба улыбнулась Кириллу и привела его на улицу Осипенко...

На следующий вечер после разговора Деда с племянницей, который невольно подслушал Кирилл, отец попросил:

— Помоги мне бегучий такелаж на фок-мачте провести. Я понимаю, у тебя сейчас не те масштабы, но уважь престарелого отца.

Кирилл уважил. Они протягивали через крошечные блоки суровые нити и сосредоточенно сопели. Потом Кирилл спросил:

— Папа, а почему у нас нет машины?

Отец так удивился, что запутался в нитках и встал.

— А собственно... Что за бред? Ты почему это спросил?

— Ну... просто.

— Странно... — Отец сунул пальцы за подтяжки и попытался приподнять себя. — Раньше ты об этом не спрашивал. Позавидовал кому-то?

— Да просто так подумал. Можно было бы всем поехать путешествовать...

Отец заходил из угла в угол.

— В принципе это мысль. Я и сам как-то думал. Но видишь ли, машина — это деньги, а у нас все как-то... на более важные вещи. И потом с машиной столько хлопот: гараж, запчасти, техосмотры...

Он встал за спиной у Кирилла и смущенно произнес:

— Тогда у нас вот таких вечеров, пожалуй, не будет.

— Мы бы в гараже вдвоем возились. Тоже хорошо, — тихо произнес Кирилл.

— Неужели это так важно? — спросил отец.

Чтобы он не расстроился совсем, Кирилл засмеялся:

— Да ты не думай, что я так уж о машине мечтаю. Я только вспомнил. Про тебя говорят, что ты важная фигура, а фигуре, по-моему, полагается иметь «Волгу».

— Ну, во-первых, у меня есть служебная. А во-вторых... кто это говорит?

— Ты не знаешь. Женщина одна... Да не о тебе и разговор-то был, а обо мне, — успокоил Кирилл. — Она сказала: «Отец — фигура, а сын — обормот».

— Ну это — другое дело, — с облегчением вздохнул отец. Но потом все-таки спросил: — А собственно, почему ты обормот?

Кирилл вскочил со стула и крутнулся перед отцом на пятке.

— Наверно, из-за такого вида. Мама тоже говорит... Потому что босой все время.

— Подумаешь! — сказал Петр Евгеньевич. — Я в твоем возрасте тоже в башмаки не залезал. Босиком приятнее.

Кирилл был вполне согласен с отцом.

Сначала постоянно бегать босиком было трудновато, но потом понравилось. Кирилл теперь не только видел землю, но еще как бы пробовал ее на ощупь: шелковистую траву, нагретый песок у озера, прохладные лужицы на асфальте, которые оставила поливальная машина, горячие чугунные ступени на старинном мостике через овраг, бархатную пыль тропинок. Если даже закрыть глаза, все равно будто все это видишь.

А потом прибавилось еще одно праздничное ощущение: ребристая твердость новеньких педалей. Отец подарил велосипед — авансом, в честь еще не близкого дня рождения.

У Кирилла и раньше был велосипед — старенький, расхлябанный. Но он совсем рассыпался в прошлом году. А отец купил оранжевый складной «Скиф» — легонький, компактный, с мягким седлом и рулем, как у гоночного мотоцикла.

Кирилл тихонько замычал от восторга.

— Это пока вместо машины, — серьезно сказал отец. — Сгодится на ближайшие годы?

Кирилл нежно сказал:

— Лошадка моя... Да он в тысячу раз лучше машины.

Глава пятая

Велосипед, как хорошая лошадь, требует ухода. Например, лошади надо время от времени менять подковы, а велосипеду заклеивать камеры. Этой работой Кирилл и занялся, вернувшись из школы в тот злополучный день, когда случилась история с кошельком. Мама ушла, а Кирилл снял с велосипеда шины...

Антошка вел себя благородно: тихо посапывал и смотрел свои младенческие сны. Но когда Кирилл поставил на место заднее колесо и подтянул конуса, Антошка, видимо, решил, что не стоит слишком баловать братца. Завозился и захныкал.

Кирилл мягко подскочил к деревянной кроватке, катнул ее туда-сюда и замурлыкал песню про серого кота. Антошка еще раз хныкнул нерешительно и опять засопел.

И в это время раздался длинный звонок. Кирилл тихо помянул черта и прыгнул в переднюю. Распахнул дверь. На пороге стояла Женька Черепанова.

Она уже переоделась после школы и была теперь этакая принцесса в желтом мини-платьи-

це, розовых гольфах и бантиках. Подумаешь, воздушное создание...

— Трезвонишь, как на пожаре, — злым шепотом сказал Кирилл. — Ребенок в доме.

— Ой, прости, пожалуйста, я забыла.

Кирилл молча пошел в комнату. Женька двинулась за ним.

— Пыль с улицы можно бы и не таскать в комнату, — заметил Кирилл.

Черепанова стала торопливо расстегивать белые сандалетки. Потом осторожно, словно кошка на горячую железную крышу, ступила розовыми гольфами на колючую циновку из морской травы. Сразу видно, не ходила босиком.

Проснувшийся Антошка не ревел, но и спать не собирался. Пускал пузыри и беззвучно улыбался с видом полностью счастливого человека. Женька на цыпочках подошла следом за Кириллом.

— Ой, какой хорошенький...

Хорошенький Антошка деловито распинал пеленки...

— Может быть, тебе помочь? — нерешительно спросила она.

— Может быть, ты умеешь? — ехидно сказал Кирилл.

Он перетащил Антошку на тахту, убрал все мокрое, взял из стопки на тумбочке сухие пеленки. Антошка терпеливо переносил «переодевание».

— С чем пожаловала, мадемуазель Черепанова? — поинтересовался Кирилл. — Впрочем, ясно: донос на гетмана-злодея Петру Евгеньичу от Кочубея. То есть от Евицы-красавицы. «Товарищ Векшин, пожалуйте в школу, ваш сын ведет себя безобразно...»

— С тобой, Кирилл, в самом деле что-то неладно, — гордо сказала Черепанова.

— Переходный возраст. Мальчик превращается в юношу.

— В грубияна ты превращаешься...

— В грубияна — это что, — печально отозвался Кирилл. — Дело хуже. Воровать начал!

После этого Женька долго молчала. Кирилл перетащил Антошку в кроватку.

Женька наконец сказала:

— А ты... почему дома? Сам говорил, что на кухню пойдешь.

— Ах, какая неприятность! Мы думали, Кирилла нет, а родители на месте. Вот бы мы расписали им все его преступления! А мама возьми да скажи: «Посиди, Кирилл, с братиком, я сама схожу... и все ходит где-то, хо-одит... Женьку ждать она не стала-а... А наш папа на заво-оде. У него конец кварта-ала-а...

Последние, так удачно сложившиеся фразы Кирилл протянул на мотив песенки о мишке, у которого оторвали лапу. Дело в том, что Антошка проявил твердое намерение завопить.

Удивленная Женька примолкла, а Кирилл негромко, но со вкусом спел Антошке про Каховку. Потом «От улыбки хмурый день светлей». Затем «Старого барабанщика». Женьки он не стеснялся. Все равно ему, есть она тут или нет.

Антошка опять задремал. Женька этим воспользовалась и прошептала:

— Ты хорошо поешь...

Антошка подозрительно зашевелился.

— Иди-ка ты в другую комнату, — тихонько, но сурово предложил Кирилл. — Сиди там и жди, если хочешь, родителей. Только зря. Мама и так позвонит отцу, я ей все рассказал. А отец с работы зайдет в школу.

Женька послушно направилась к двери, но с порога обиженно сообщила:

— Если хочешь знать, я не ябедничать пришла. Просто Ева Петровна сказала: если родители не пойдут, пусть Векшин сам явится за своим портфелем.

— Уже бегу. Изо всех сил.

— Теперь-то, конечно, ни к чему, раз твой папа зайдет...

Кирилл с сомнением посмотрел на Женьку.

— Ты думаешь, папа потащит мой портфель?

— А... не понесет?

Кирилл пожал плечами:

— У него, по-моему, свой тяжелый.

— А что ты будешь делать?

— Ничего не буду, — честно сказал Кирилл. — Пусть Александр Викентьевич делает. Он ведь отобрал.

Женька долго и недоверчиво смотрела на Кирилла. Потом открыла рот, но Кирилл показал кулак: молчи!

— В траве сидел кузнечик,
Совсем как человечек, —

торопливо начал он.

Было, однако, поздно. Антошка взревел на высоких нотах, сделал паузу и начал выть, не умолкая.

Теперь оставалось последнее средство. Кирилл выпрямился, опять покатал туда-сюда кроватку и решительно пропел вступление. Антошкин рев сделался в два раза тише. Кирилл начал первый куплет. Антошка еще сбавил звук и наконец совсем притих. Будто понимал суровые слова о грозе и последней дороге...

Второй куплет Кирилл пел тише и сдержанней. Антошка начал засыпать под печальный, но решительный мотив. Когда песня кончилась, он посапывал, как до прихода Женьки.

Кирилл поднял глаза от кроватки и только сейчас вспомнил про Черепанову. Она стояла у косяка и странно смотрела на Кирилла. Хотела что-то спросить, но он приложил палец к губам. На цыпочках прошел мимо Женьки в другую комнату. Здесь было их с отцом государство.

Женька вошла следом и прошептала:

— Это что за песня?

Кирилл усмехнулся:

— Колыбельная для брата... Закрой дверь, а то опять разбудишь.

Женька послушалась и снова спросила:

— А все-таки... откуда эта песня? Кто сочинил?

— Много будешь знать... — буркнул Кирилл. Сел к столу и взял том Конан Дойля.

Женька не стала обижаться. Опять сказала:

— Ты хорошо поешь. Зря ты не ходишь в хор.

— Вам же Ева Петровна объяснила: из ложной принципиальности и глупого упрямства.

— Ну и правильно объяснила... Все назло делаешь. Волосы зачем-то отрастил, а они тебе вовсе даже не идут.

— Ну уж это ты врешь! — Кирилл вместе со стулом повернулся к Женьке. — Волосы как раз «идут». Они мне уши закрывают. Уши-то у меня как у слона!

— Глупости какие!

Кирилл сказал с чудовищно серьезным видом:

— Совсем не глупости. У меня из-за них такая душевная драма была в третьем классе...

— Какая драма? — удивилась Женька.

— Повторяю, душевная. В театре. Я тогда первый раз в театр пошел самостоятельно, один. — Кирилл поднял к потолку глаза. — Ах, какой я был красивый! Красная рубашка в белый горошек, белый галстучек. Первые в жизни расклешенные брюки, ковбойский ремень... Весь театр на меня смотрел и ахал...

Женька тихо засмеялась и присела на уголке дивана.

— Не смешно, — печально сказал Кирилл. — Больше всех смотрела девочка. Очень красивая девочка, с черными глазами. Я потом таких красивых ни разу не видел... Ходила с мамой по фойе и все на меня поглядывала. А потом в зале на меня оглядывалась... Ну, и я тоже. Забилось мое бедное сердце.

— Ты будешь писателем, Кирилл, — сказала Женька.

— Я буду парикмахером и никогда не стану коротко стричь детей...

— Ну, а что дальше?

— Дальше? Тяжело вспоминать... Ну, ладно. Кончился спектакль, они одеваются, а я кручусь рядышком, будто нарочно. И вдруг она маме говорит громким шепотом: «Посмотри, какие у мальчика громадные уши...»

Кирилл сделал траурное лицо и замолчал.

— А потом? — с улыбкой спросила Женька.

— Что «потом»... Пришел домой, сорвал галстучек и хотел отрезать себе уши. Но все ножи оказались тупые. Тогда я поклялся до гроба ненавидеть девчонок. А на сердце до сих пор трещина... Вот такие дела, товарищ председатель совета отряда...

Он думал, что Женька улыбнется, но она сидела с опущенной головой и машинально наматывала на палец русую прядку. Потом все же улыбнулась, но как-то не так. Слишком задумчиво. Исподлобья глянула на Кирилла и вдруг сказала:

— А какие мы смешные были тогда... Между прочим, в третьем классе я в тебя целый месяц была влюблена...

Кирилл вдруг почувствовал, что сейчас покраснеет. Однако взял себя в руки.

— Что же ты молча страдала? Счастье было

Митька-Маус без страха взлетал по вантам на стеньгу.

так возможно... Хотя, что ты во мне нашла? Я был заикой.

— Дурак ты был, — со вздохом сказала Женька. — И сейчас дурак...

«Сама», — хотел сказать Кирилл и вместо этого неожиданно спросил:

— Слушай, Черепанова, ты в самом деле думаешь, что я украл кошелек?

Она стала розовой, как ее гольфы и бантики на платье.

— Что ты глупости говоришь...

— Тогда зачем пришла? — тихо и серьезно спросил Кирилл. — Чтобы дураком назвать?

— Ну, раз Ева Петровна послала... Разве лучше, если бы кто-нибудь другой пришел? Могли столько наговорить...

— Ну и пусть. Мне все равно.

— Кирилл! — удивленно сказала она. — Ты, что ли, нисколько не боишься неприятностей с родителями?

Кирилл посмотрел на Женьку спокойно и снисходительно:

— Подумай сама, чего мне бояться, если я не виноват? У меня, слава богу, нормальные мама и папа, а не людоеды и не пугала.

— Ева Петровна скажет...

Кирилл перебил:

— Что скажет? Если все на свете Евы Петровны будут говорить, что я жулик, родители все равно не поверят. Они-то меня с пеленок знают.

— Она скажет, что ты грубил.

— Не грубил, а спорил. Меня вором называют, а я должен соглашаться?

— А что тебе мама сказала, когда ты... ну, рассказал про это...

— Что она сказала? — Кирилл поднял глаза к потолку. — Ну... она сказала: «Кирюша, не забудь, что на плите кипит молоко... Соску вымой кипяченой водой... Не скучайте, я скоро приду...» Она в самом деле скоро придет. Подожди.

Женька встала.

— Зачем ждать? Я пойду...

— Как вам угодно, сударыня, — сказал Кирилл и вдруг почувствовал: не хочется ему, чтобы Женька уходила. Конечно, ничего особенного, но... лучше бы еще посидела. Наверно, просто скучно одному.

И он не огорчился, когда Женька обернулась на пороге и спросила:

— А это что за корабль? На фотографии...

Над письменным столом висел большой, тридцать на сорок, снимок. «Капитан Грант» был сфотографирован с кормы. Из-под ахтерштевня вырывалась бурная струя. В гака-бортном фонаре искрилось солнце. Верхушки мачт не вошли, зато нижние половины парусов — с люверсами, шнуровкой на гиках, блоками и частыми швами получились рельефными, как на стереоснимке. Полотно туго выгибалось под ветром.

Алька Ветлугин, сидя на планшире, выбирал гика-шкот. Валерка был у бизани — из-за гакаборта торчала его голова. Юрок не было видно — они сидели низко. Саня стоял на палубе рубки, вцепившись в ванты, а Митька-Маус, как всегда, устроился на носу, у бушприта, над которым вздувались кливер и стаксель.

А Кирилл стоял у штурвала. Чтобы сделать снимок, Дед окликнул его с лодки, и Кирилл оглянулся. Лицо его было сердитым: рулевого не следует отвлекать на таком ходу, да еще перед поворотом...

— Это ты где? — опять спросила Женька. — Это по правде?

— А что, по-твоему? Декорация в драмкружке?

— Ну... я просто спросила. Это какой корабль?

— Крейсерский парусник типа «гафельный кеч» с бермудской бизанью и треугольным гафтопселем, который в отличие от рейкового топселя крепится фаловым углом непосредственно к топу грот-стеньги, — отрапортовал Кирилл. — Все ясно?

Кирилл стоял у штурвала.

Женька моргала.

Кирилл усмехнулся и продолжал:

— Водоизмещение одна и две десятых тонны, ход к ветру до сорока пяти градусов, район плавания неограниченный, крейсерская скорость — около восьми узлов.

Насчет района плавания и скорости он подзагнул, но Женька все равно, конечно, ничего не поняла.

— Какой красивый. А кто его построил?

Кирилл вытянул руки и пошевелил пальцами. Женька округлила глаза.

— Ты?

— Мы.

— Кто мы?

Он усмехнулся:

— Люди.

Больше она не решилась расспрашивать. Только сказала:

— Штурвал какой интересный... Я думала, он со старинного корабля.

— А он и есть со старинного, — хладнокровно сообщил Кирилл. — Восемнадцатый век. Английская лоцманская шхуна «Сэр Найджел».

— Ой, а где вы его взяли?

— Тебе что, выдать все морские тайны?

Глава шестая

Штурвал делали втроем: Дед, Саня Матюхин и Кирилл. Дед на маленьком токарном станке вытачивал из буковых брусков фигурные спицы с рукоятками. Саня размечал и высверливал в дубовой ступице отверстия для спиц, потом навинчивал латунные накладки.

Кирилл выпиливал тоненькой ножовкой дуги для обода.

Это была нелегкая работа. Приходилось пилить с большой точностью, иначе штурвал получился бы кривобоким, как на детсадовском рисунке. Кирилл справился, не испортил ни одной заготовки.

Кончив работать пилой, он выволок чурбан со слесарными тисками во двор. Стояла уже середина июня, и не хотелось торчать в мастерской.

На дворе было солнечно и тепло. По забору ходил соседский петух Дима и одобрительно посматривал на мальчишек. Высоко над крыльцом часто махал крыльями фанерный ветряк: его недавно смастерили и прибили там неутомимые Юрки.

Алик Ветлугин, Валерка Карпов и Юрки мазали бесцветным лаком пайолы — решетки для нижней палубы, под которыми будет лежать балласт. На «Капитане Гранте» были поставлены мачты — для пробы — и натянуты ванты. Митька-Маус привязывал к вантам выбленки. Привяжет одну перед собой, поднимется повыше — и опять за работу.

Под самым клотиком грот-стеньги трепетал оранжевый флаг с двумя косицами. На флаге — ладошка в солнышке. Все, как на парусе, только цвета наоборот: флаг — огненный, будто заря или походный костер, а ладонь и солнце — белые, как парус...

На зеленом дворе под мелькающим веселым ветряком и похожим на огонек флагом жило маленькое морское братство.

Спокойный и улыбчивый получился экипаж. Может быть, это вышло само собой, а может быть, в экипаже не случайно собрались люди, которым было хорошо друг с другом. Ведь приходили и другие — зимой, весной, в начале лета. Но, поработав денек-другой, они появлялись потом все реже и наконец исчезали с горизонта. А эти остались: семеро и Дед («Волк и семеро козлят», — сказал однажды Валерка Карпов, когда Дед ходил хмурый и ворчал на всех). И, наверно, уже не только любовь к судну и мечта о походах держали их вместе.

Наверно, не только это... Потому что не куда-нибудь, а в экипаж принес Алик Ветлугин свой длинный фантастический роман про звезду Лучинор — об этом романе не знали ни Алькины родители, ни его приятели-семиклассники. И не где-нибудь, а именно здесь Кирилл запел наконец не стесняясь, так же, как дома, любимые песни — старые песни, которые не разучивали в хоре и не пели в школе: «В далекий край товарищ улетает...», «Плещут холодные волны», «Море шумит...». Он драил тогда наждачной бумагой палубу рубки и пел, а остальные примолкли, и только Валерка произнес шепотом, на этот раз без шутки: «Во артист...»

Потом, когда Кирилл кончил петь о парусах «Крузенштерна», Дед сказал:

— Хоть бы у тебя подольше голос не ломался, Кир...

— Я еще маленький, — откликнулся Кирилл. — Мне только в августе будет тринадцать...

— У, младенец, — сказал Валерка, которому не было и двенадцати.

Валерка все время подшучивал над другими, и это ему прощали. А Сане Матюхину прощали излишнюю солидность и то, что он иногда любил покомандовать (он был самый старший после Деда, окончил восьмой класс). Здесь понимали друг друга.

Понимали неразлучных Юрок и не обижались, что у них есть свои им двоим только известные секреты. Понимали и Митьку-Мауса, который боялся привидений, но без страха взлетал по вантам на стеньгу, когда заедало блок у топсель-фала (никого другого, более тяжелого, Дед не пускал на восьмиметровую высоту)...

Здесь, среди «детей» «Капитана Гранта», у Кирилла словно сняли с души ограничители.

Раньше, в школе и во дворе, в пионерском лагере и когда гостил у бабушки, он знакомился с ребятами, играл, иногда ссорился, иногда бывал у них в гостях и звал к себе, но никогда не мог подружиться по-настоящему. Сначала стеснялся заикания (хотя никто над ним не смеялся), потом боялся своей стеснительности. В четвертом классе он вроде бы сошелся с Климовым, но летом Климов уехал, а после каникул стал каким-то слишком взрослым, и Кириллу было с ним неловко.

А в экипаже все оказалось иначе.

По правде говоря, друга, без которого жить не можешь, у Кирилла и здесь пока не нашлось. Но что поделаешь? Такой друг встречается, может быть, раз в жизни, да и то не каждому. А товарищи в экипаже были надежные: поймут, помогут, выручат и защитят...

Об этом Кирилл и думал, когда возился с деталями штурвала. Он устроился на ступенях крыльца, зажал чурбак между колен, укрепил в тисках деревянную дугу и начал обрабатывать ее рашпилем. Розоватая буковая пыль сыпалась на ноги, и казалось, что сквозь загар проступает новая, еще не обожженная солнцем кожа.

Штурвал собрали на шипах, шурупах и казеиновом клее.

— Ну, как получился наш малыш? — спросил Дед и поднял маленькое рулевое колесо на вытянутых руках.

Он и в самом деле был, как новорожденный малыш, этот никогда еще не работавший штурвальчик. Буковые выпуклые спицы и обод были такого же беззащитного цвета, как ручки, ножки и плечи ребенка. Прямо хоть закутывай в пеленку, чтобы не простудился.

Но штурвал недолго оставался новорожденным. Дерево покрыли светло-коричневым лаком, и рулевое колесо сделалось одного цвета с экипажем «Капитана Гранта».

Его надели на четырехгранную ось, торчащую из белой переборки рубки слева от двери.

Кирилл не выдержал.

— Можно мне? — прошептал он умоляюще. Он просто не мог ждать, пока все покрутят штурвал.

— Ну поверти, — сказал Дед.

Кирилл виновато улыбнулся и нажал на коричневые рукоятки. Он почувствовал, как натянулись, будто живые нервы, и прижались к блокам крученые стальные штуртросы. Он нажал чуть сильнее. Штурвал повернулся неожиданно легко, но в этой легкости чувствовалась работа. Живая работа корабля. «Капитан Грант» словно проснулся, ощутил напряжение в жилах, слегка попробовал силу мускулов...

— Ходит, ходит! — закричали из-под кормы Митька-Маус и Валерка. Это означало, что у ахтерштевня шевельнулась и начала поворачиваться туда-сюда красная тяжелая пластина руля.

...Потом штурвал долго вертели все по очереди. Но наконец это надоело. Даже Митьке. И тогда Кирилл опять взял теплые выпуклые рукояти (их иногда называют шпагами)...

Потом он часто так делал: вставал к штурвалу и крутил его потихоньку. Ему нравилось ощущать, как по стальным жилам штуртросов передается в ладони послушная тяжесть руля. Он предугадывал каждый щелчок блоков, каждый короткий скрип оси. Он начинал чувствовать корабль.

Конечно, все это пока было на суше. Но каждую ночь Кириллу снилось озеро, и ветер, и округло натянутая дрожащая парусина. Он совершенно как наяву видел отход «Капитана Гранта» от причала: ветер дует с бушприта, вдоль пирса; Дед, стоя на носу, отталкивается шестом; кливер и стаксель, хлопнув последний раз, выгибаются и встают неподвижно. Кирилл слегка поворачивает под ветер штурвал, нос идет все быстрее, «Капитан Грант» неохотно отрывает от пирса корму. Натянулись все паруса. Накренившись, кораблик набирает ход.

— Прямо руль...

— Есть прямо руль...

Начинает журчать, потом шумно вскипает струя за кормой. Через тросы, через твердые шпаги штурвала передается рукам еле заметная и чуть щекочущая вибрация руля...

А ветер, налетая сбоку, откидывает волосы и бьет в щеку водяной пылью...

Честное слово, Кирилл все это знал и чувствовал раньше, чем испытал на самом деле!

«Капитана Гранта» увезли в Ольховку на берег Андреевского озера (отец Кирилла и Дед попросили на заводе МАЗ и автокран). В Ольховке, у самой воды, жил отставной егерь, давний приятель Дедовой семьи. Если бы не это, пожалуй, не стоило бы браться за постройку: ведь не оставишь парусник на берегу без всякого присмотра. А тут все получилось замечательно: «Капитан Грант» встал у мостков рядом с рыбачьими лодками, как раз напротив окон егерской избушки.

Деревенские ребята сбежались поглазеть на корабль, будто приплывший из романа «Робинзон Крузо». Хорошие оказались ребята. Они помогли спустить «Капитана Гранта» и пообещали охранять его не хуже егеря, если им разрешат нырять с палубы и покатают.

Дед разрешил и обещал покатать. После ходовых испытаний...

Затем все было в точности, как в тех снах, которые видел Кирилл. Ветер дул вдоль пирса. Поставили паруса...

— Можно мне? — жалобно сказал Кирилл. — Можно, Дед? Я знаю, как...

— Ну, давай, — сказал Дед.

...Потом наступил месяц плаваний. Экипаж постигал хитрости парусной науки. У Деда были права командира шлюпки (он раньше занимался в морклубе ДОСААФ), но и он с такими парусами имел дело впервые. А остальные до этого плавали только на весельных лодках. Но время шло, к матросам приходило умение. Все реже «Капитан Грант» зависал носом к ветру на повороте оверштаг. Митька-Маус научился лихо выносить на ветер стаксель, помогая судну лечь на новый галс. Валерка освоил работу по бизани — маленьком кормовом парусе, который очень важен для маневренности корабля. Стал послушен ребятам тяжелый парус — грот...

Сначала ходили вдоль берегов и не решались ставить верхние паруса. Потом осмелели и стали чертить озеро вдоль и поперек, не убирая топсель и летучий кливер даже при четырех баллах...

У штурвала стояли все по очереди. Но Кирилл стоял чаще других. Он не лез без спросу и безропотно уступал место, если кто-то просил, но при первой возможности опять хватался за рукояти рулевого колеса. А если такой возможности долго не было, он смотрел так жалобно, что Дед говорил:

— Не мучайте вы человека, пустите к рулю. Сохнет ведь...

Деревенские ребята помогли спустить парусник на воду.

Ребята добродушно смеялись и пускали. А потом уже и не смеялись...

«Капитан Грант» был в меру послушен и в меру капризен. Но Кирилл знал, когда и как закапризничает корабль. Он научился угадывать каждый его рывок, каждое шевеление. Знал, что можно требовать от «Капитана Гранта», а чего нельзя. Он чувствовал его, как живого.

Бывали моменты полного торжества, когда при хорошем ветре, кренясь и вздрагивая, «Капитан Грант» набирал скорость и делался послушен самому маленькому шевелению пальцев Кирилла. Тогда Кирилл сливался с парусником в одно существо. Нервы его будто врастали в штуртросы и натянутые шкоты. И словно по нему самому, а не по черной лаковой обшивке била тугая вода...

Наверно, так скрипач сливается со скрипкой, когда музыка захлестывает его целиком, когда он сам становится музыкой.

Кирилл никогда не пел, стоя за штурвалом, но внутри у него все пело...

Иногда Кирилл «испытывал нервы» у экипажа. На полном ходу он мчался к дощатому пирсу, грозя разнести его в щепки, и лишь у самого причала делал поворот. Паруса тяжело опадали, а «Капитан Грант» мягко подкатывал к мосткам округлым черным бортом с белой полосой.

Несколько раз Валерка и Алик не выдерживали и хватались за штурвал, чтобы отвернуть пораньше. Кирилл злился, а раз даже саданул Валерку локтем: что за манера лезть под руку рулевому! Валерка, к счастью, не обиделся, но Дед сказал:

— Грохнешь ты нас однажды, Кир.

— Не грохнет, — заступился Саня. — Он знает. А тренироваться на таких поворотах надо. Может быть, пригодится...

Потом в самом деле пригодилось.

Глава седьмая

От Кирилла Женя Черепанова отправилась в школу, чтобы сообщить, как выполнено задание. Или, вернее, не выполнено, потому что родителей Кирилла она не застала. И хорошо, что не застала. Что она могла им сказать? И как потом смотрела бы на Кирилла?

А с Кириллом разговор получился какой-то странный... и хороший. Вроде бы сердитый, а все равно хороший. И, кажется, Кирилл не обиделся на нее всерьез. Значит, понял, что она не по своей воле...

А не все ли равно ей, Женьке, понял он или нет? Очень обиделся или не очень? Он же ей совершенно безразличен. Подумаешь, Кирилл Векшин! И насчет третьего класса она наврала. Почти... Мало ли что бывает в раннем детстве!

Она про него и не думала раньше. Вернее, думала очень просто: «Этот Векшин скромный и покладистый». А потом сегодня: «Этот Векшин стал такой нахальный...»

А он не тихий и не нахальный. Оказывается, он гордый.

Ну что же, она тоже гордая...

Женя знала, что Еву Петровну следует искать в биологическом кабинете, и поднялась на второй этаж. Школа теперь немного напоминала детский сад. Пестрая, скинувшая форму малышня из продленки мельтешила в коридоре. С лестничной площадки ее успокаивала трубным голосом старший воспитатель Тамара Гавриловна. Но в закутке, где находилась дверь кабинета, было тихо.

Женя поежилась перед дверью. Биологический кабинет она не любила, хотя в нем всегда было светло и зелено. Не любила за многочисленные черепа, которые скалились с витрин. Звериные и человечьи. Особенно неприятной была витрина с шеренгой черепов, которые показывали происхождение человека: череп обезьяны, питекантропа, синантропа и так далее — до современного. И хотя черепа были гипсовые, добродушные и с неизменными самокрутками в желтых зубах (как самокрутки попадали в наглухо завинченную витрину, было многолетней школьной тайной), Женька все равно старалась на них не смотреть.

А через верхнее стекло высокого шкафа улыбался скелет. Он будто говорил Женьке Черепановой: «Они гипсовые, но я-то настоящий. Гы-ы...» Он как бы намекал на ее отдаленное будущее...

Женя проскочила кабинет и оказалась перед закрытой дверью лаборантской комнаты. Ева Петровна обычно сидела там. Женька хотела постучать и в этот момент услышала голоса: один незнакомый, мужской, другой — Евы Петровны.

Мужчина говорил быстро и почти весело. А может быть, нервно. В голосе у Евы Петровны звучала вежливо замаскированная досада.

— ...Я уже поняла. Вы и директору сказали то же самое.

— И могу повторить, — откликнулся мужчина.

— Не надо, — сказала Ева Петровна. — Мне все понятно. Но я на вашем месте смотрела бы на вещи не так. Гораздо проще. И случись это с моим сыном, я бы ему...

— Я вас понял, — перебил мужчина. — Хотя, честно говоря, мне это странно слышать от учителя. Я ни разу в жизни сына пальцем не трогал. И не трону. Подло это. Если я Кирилла ударю, мы же потом всю жизнь будем глаза прятать друг от друга.

«Отец Кирилла!» — поняла Женька. Можно было, пожалуй, уходить, но она словно приклеилась к месту.

— Вы все же меня не так поняли! — заявила Ева Петровна.

— Неужели? Очень хорошо, если не так. А как я должен был понять?

— Я хотела сказать, что если ученик вино-

Женька словно приклеилась к месту.

ват, родители вместе со школой должны действовать...

— Да, но в чем все-таки виноват? Не могу же я всерьез принять этот бред насчет кошелька! Простите... Виноват, что не дал себя обыскать? Мне жаль тех ребят, которые дали... Виноват в том, что не хочет петь из-под палки?

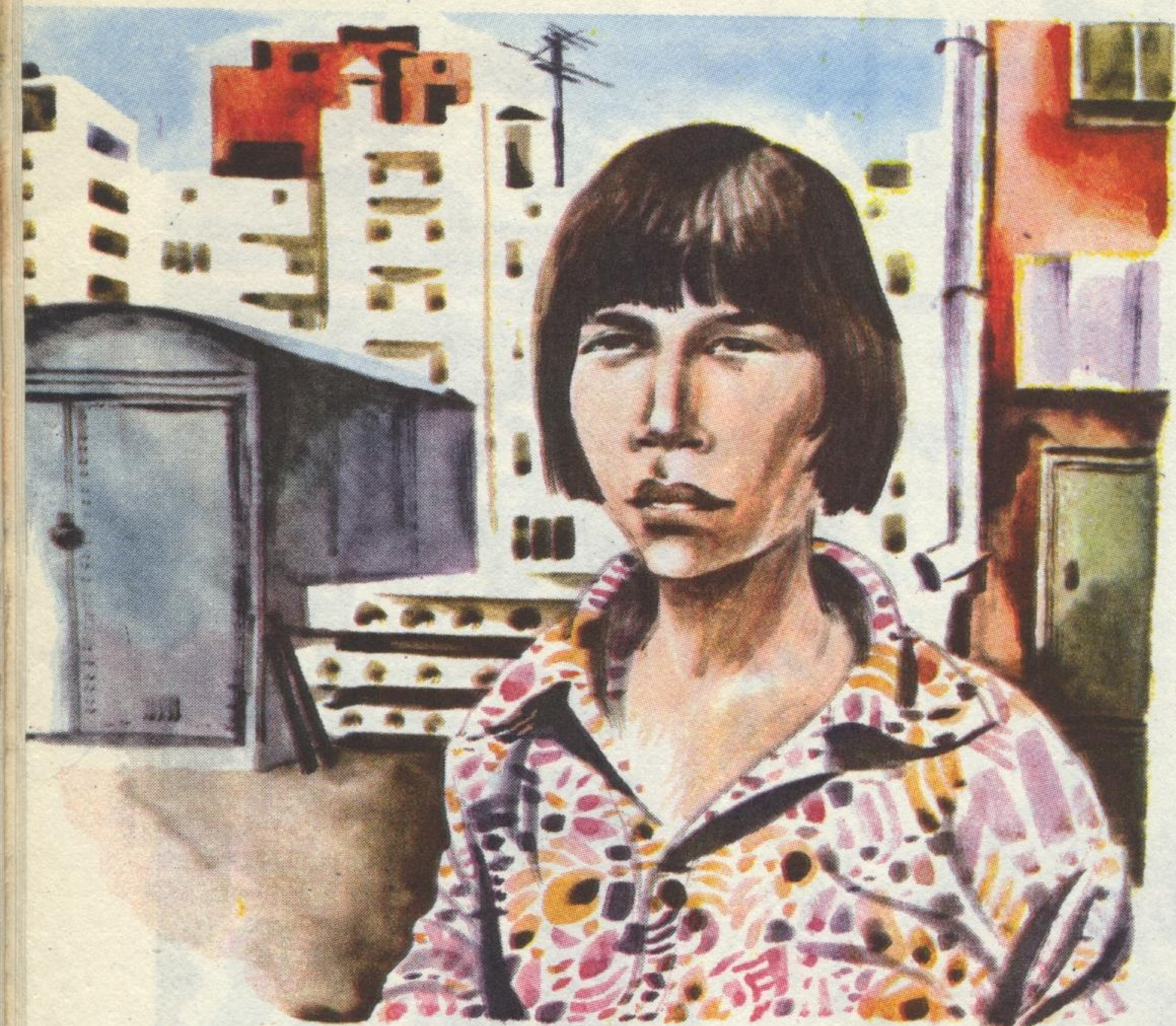
— Мы готовим хор к районному фестивалю, а ваш сын совершенно не думает о чести школы!

Женька услышала шаги, словно человек быстро ходил из угла в угол.

— О чести, — спросил он. — О чести... А вам не кажется, что честь начинается с любви?

— Простите... с чего? — пролепетала Ева Петровна, а Женькины щеки почему-то стали теплыми.

— С любви, уважаемая Ева Петровна. Не пугайтесь, объясню. Человек болеет за честь того, что ему дорого, что он любит. Я вот на



Лицо у Дыбы было странное, пятиугольное.

своем заводе с ученика начинал, там меня человеком сделали, там у меня друзья, и я за честь завода — руками, ногами и зубами... А есть у нас на заводе случайные люди: им бы отработать смену — и домой. Работают неплохо, ну, а дальше какой с них спрос?

— Так что же получается? Вы хотите сказать, что ваш сын случайный человек в школе? Он здесь с первого класса...

Отец Кирилла вздохнул и, видимо, сел — скрипнул стул.

— Вы не обижайтесь, Ева Петровна... А впрочем, и обижайтесь — это, может быть, к лучшему... Мне кажется, здесь все у вас какие-то случайные.

— То есть? Я вас совершенно не понимаю.

— Я ведь в школе не первый раз. И с Кириллом говорил... Все у вас на окрике. Не набрал макулатуры — запись в дневник, не пришел на сбор — двойка, пробежал по коридору — хвать за воротник... Вот сейчас по школе шел, а какая-то дама, весьма почтенная, кричит на первоклашек так, что окна, простите, вот-вот лопнут.

— Ну что же, случаются и у педагогов срывы. Одно дело — красивые слова, а другое — ежедневная работа. И когда кругом тысяча человек, бывает порой не до тонкой педагогики. Вы не представляете наших трудностей.

— Трудности есть везде, — сказал отец Кирилла. — И при одинаковых трудностях одни люди работают хорошо, а другие, простите, не очень...

— Ну, спасибо. Значит, мы работаем «не очень». Почему бы вам не перевести сына в другую школу?

Отец Кирилла с усмешкой ответил:

— Вы так сказали, будто меня к стенке пригвоздили. Видимо, при таких словах многие родители восклицают: «Нет, мы совсем так не думаем, мы совсем не хотели...» Я извиняться не буду. И Кирилла переводить в другую школу не стану. Я ему особой жизни не хочу. Его переведешь, а остальные все равно здесь останутся, в этой школе.

— Кстати, одной из лучших в районе...

— Ну, что ж... Одной из лучших. Первое место займете на фестивале — станете еще лучше. Никто ведь не спросит, сколько человек в хоре пели с радостью, а сколько под угрозой двойки.

— Я вижу, мы с вами не нашли пока общего языка, — со сдержанной печалью произнесла Ева Петровна, — жаль. Всего доброго.

— До свидания.

Женя отпрыгнула от двери и сделала вид, что сию минуту вошла в кабинет. Из лаборантской вышел невысокий кругловатый мужчина, совершенно непохожий на худого тонколицего Кирилла. Он рассеянно кивнул пробормотавшей «здрасте» Женьке и скрылся за дверью. Появилась Ева Петровна. Лицо у нее было такое, словно она узнала, что ее класс уступил седьмому «А» первенство по сбору металлолома.

— Ева Петровна, я...

— Не надо. Я уже поговорила... Возьми в лаборантской портфель Векшина и отнеси ему домой.

Ева Петровна села за стол и, глядя мимо Жени, стала похлопывать ладонью по лакированной крышке.

— Ты слышала, что я сказала про портфель?

Женя влетела в лаборантскую. Обшарпанный портфель Кирилла стоял на подоконнике и ехидно поблескивал замком. Женя взяла его и опять вышла в кабинет. Встретилась глазами с Евой Петровной. Та отвела взгляд и неожиданно произнесла:

— По крайней мере ясно теперь, откуда у Векшина такие замашки...

— Какие? — неосторожно спросила Женька.

— Ступай, — резко сказала Ева Петровна. Потом добавила помягче: — Маме я позвоню, что ты задержалась из-за меня.

...Женя шла из школы, сердито помахивая портфелем. Она даже не думала, что обтрепанный мальчишечий портфель совсем не подходит к ее модному платьицу. Она была недовольна классной руководительницей. Если та поругалась с отцом Кирилла, при чем здесь она, Женя? Зачем на нее покрикивать?

На улице Мичурина Женя увидела мальчишку-велосипедиста. Он мчался, пригнувшись к рулю, и светлые волосы отлетали назад. Женя не сразу узнала Кирилла — он был уже без школьной формы. Узнала, когда Кирилл с шумом затормозил в двух шагах.

— Женька, — сказал он, тяжело дыша. — Слушай. Есть дело...

Она широко открыла глаза и чуть не заулыбалась. Ей так понравилось, что Кирилл назвал

ее по имени. Пускай «Женька», а не «Женя», но все-таки не «Черепанова»...

— А я вот... портфель тебе...

— Да наплевать на портфель! Слушай...

У него было побледневшее лицо с мелкими капельками на переносице.

Тогда, дома, Кирилл не сказал Женьке всей правды про разговор с мамой. Конечно, в разговоре были слова и о молоке и о соске, но это уже потом. А сначала Кирилл разревелся. Разревелся сразу же, как только мама удивленно спросила:

— Кирюша, ты почему без портфеля?

Кирилл прислонился лбом к косяку.

Он минут десять не мог успокоиться. Начнет рассказывать, а слезы прорываются опять. Мама даже перепугалась. И когда, наконец, Кирилл взял себя в руки и кое-как объяснил, что случилось в школе, мама сказала:

— Посиди-ка дома, я сама на кухню схожу. А заодно позвоню отцу.

Кирилл понял, что мама за него просто-напросто боится. Думает, что он поедет на велосипеде и, такой нервный, раздерганный, где-нибудь угодит под машину. Мама не знала, что у велосипеда проколота камера.

— Да схожу я. Пешком схожу, — сказал он и неожиданно опять всхлипнул.

— Ну, хватит, хватит, — встревоженно сказала мама. — Большой уже, семиклассник...

Кирилл сердито шмыгнул носом. Семиклассником он себя пока не чувствовал. Двух недель еще не проучился в седьмом и даже на тетрадках писал иногда по привычке: 6-й «В».

— Не блестяще начинается учебный год, — заметила мама, укладывая в сумку звякающие молочные бутылочки.

Кирилл сразу вскинулся:

— Я, по-твоему, виноват, да?

— Не шуми, — сказала мама. — Антошку разбудишь... Не забудь выключить плиту, там молоко. Если будешь давать соску, ополосни кипяченой водой.

...Она вернулась почти сразу после ухода Женьки. Убаюканный Антошка все еще спал, хотя пора было просыпаться и требовать есть.

— Какой дисциплинированный. Не то что старший братец, — сказала мама, но не сердито, а так, между прочим.

Кирилл глянул выжидательно. Потом спросил:

— А папа... Ты ему позвонила?

— Позвонила.

— А он что?

— Он сказал: «О боже, только этого мне не хватало в первый день». И, кажется, поехал с работы разбираться в твоих грехах.

— Нет у меня грехов, — сумрачно сказал Кирилл.

— У каждого человека есть грехи, — наставительно произнесла мама.

— А у меня нет. Я даже молоко снял с плиты вовремя... Мама, можно я покатаюсь теперь? Мне надо проверить колесо.

— А уроки? — привычно спросила мама.

— У нас завтра два труда. Их даже не будет, потому что учитель болеет. Потом зоология и немецкий. По немецкому я еще вчера сделал.

— А зоологию?

— Учебник-то в портфеле... — тихо сказал Кирилл. — Да ладно, я завтра в школе у кого-нибудь прочитаю.

Через несколько минут он тащил вниз по лестнице велосипед. «Скиф» тихо позванивал: как хорошо, что на улице все еще лето!

Кирилл опять был босиком, в шортах и майке. Шорты старенькие, с каплями масляной краски и заплаткой у кармана, а майка новенькая. Отцовский подарок...

От подъезда разбегались через газоны узкие асфальтовые ленты. Кирилл покатил по правой — мимо гаражей и котельной.

В промежутке между котельной и последним гаражом на бетонных плитах, оставшихся от строительства, собралась компания Дыбы.

Дыба возлежал на плите, как турецкий паша на диване. Голову положил на живот покорному малолетнему ординарцу Вовке Стеклову. Подданные расположились по сторонам. На пузе Дыба держал транзисторный телевизор, совсем маленький, Кирилл таких никогда не видел. На экранчике что-то мелькало, слышалась му-

Побледневший от ответственности Вовка крепко сжимал телевизор.

зыка. Это было любопытно, и Кирилл, проезжая, загляделся. А заглядевшись, угодил в угольную кучу: сначала колесом, потом коленями и левым локтем.

Компания услышала звон. Парни оглянулись и заржали. Дыба лениво приподнял голову. Увидел Кирилла и сказал подданным:

— Цыц.

Потом он передал побледневшему от ответственности Вовке Стеклову телевизор и спустился к Кириллу.

— Привет, Кирюха. Крепко вделался?

«Чего это он такой заботливый?» — подумал Кирилл. И небрежно сказал:

— Чепуха. Слегка колупнулся.

— Майку не испортил? Ну и лады... Модерновая маечка. Из загранки?

Кирилл решил было наплести, что майку привез из Гибралтара знакомый штурман, однако сдержался. Шутить с Дыбой не хотелось. Это была личность лет шестнадцати, с ковбойско-уголовными замашками и сомнительной репутацией. Кирилл знал, что за его компанией водятся кое-какие темные дела. Да и все это знали. Впрочем, в своем дворе Дыба вел себя спокойно, никого из ребят не задевал и даже при случае мог заступиться...

— Из Риги, — ответил Кирилл и сильно крутнул переднее колесо, проверяя, нет ли «восьмерки».

Дыба деликатно пощупал майку.

— Современная вещица. Продашь?

Кирилл удивленно поднял глаза.

— Ты, Дыба, спятил? — сдержанно сказал он. — Мне отец подарил. Он говорит, чуть не час в очереди стоял, там они тоже нарасхват.

Дыба не рассердился. Даже улыбнулся. У него было странное пятиугольное лицо: от узкого лба оно расходилось к широким щекам, а внизу был тупой подбородок. При улыбке такое лицо казалось добродушным.

— Я же не за так, — объяснил Дыба. — Я же понимаю. Она стоит, небось, трояк, а я семь рубликов дам. Годится?

— Не годится. Она мне самому нравится.

Подошла компания: трое полузнакомых парней чуть постарше Кирилла и Вовка с телевизором. На экране лихо бренчали три гитариста в сомбреро, но на них никто не смотрел. Смотрели на Кирилла и Дыбу, слушали их разговор: Дыбины слова почтительно, а Кирилла — со сдержанным осуждением.

— Я понимаю, что она тебе нравится, — терпеливо сказал Дыба. — А мне тоже нравится. Потому и цену даю. Хочешь девять рэ?

— Да ну тебя. Мне дома-то что скажут, — буркнул Кирилл и поставил ногу на педаль. Но велосипед придерживали за багажник.

— Ты обожди. Может, подумаешь? — все еще улыбаясь, произнес Дыба.

— Дома скажи, что купался, а майку украли, — предложил глазастый парнишка по кличке Совушка.

— Кто же сейчас купается? — усмехнулся Кирилл.

— Я вчера купался! — торопливо заговорил Вовка Стеклов. — Вода совсем...

— Цыц, — опять приказал Дыба. — Ну, как, Кирюха? Соглашайся. Тебе что, деньги лишние?

— А зачем они мне? — спросил Кирилл.

Компания вежливо засмеялась. Видимо, приняла вопрос за удачную шутку.

— Да на тебя эта майка и не налезет, — сказал Кирилл.

Компания заржала. На этот раз смех был совсем другой, и Кирилл понял, что его считают дураком. В самом деле, мог бы догадаться, что майка нужна Дыбе не для себя, а для какой-нибудь махинации. Для «оборота».

— Нет, Дыба, — решительно сказал Кирилл. — Я подарки не продаю... Ну-ка, отцепитесь там, я поехал.

— Да ты постой, — с досадой проговорил Дыба. — Давай обсудим. Хочешь, я еще рубль добавлю? Вот гляди: три трояка и новый целковый. Олимпийский! За него двух бумажных не жалко! Мечта коллекционеров.

Он протянул растопыренную ладонь с деньгами. Два его приятеля — Димка Обух и Козочка — стукнулись лбами, стараясь поближе разглядеть блестящий рубль.

— Где взял, Дыба? — завистливо спросил Обух.

— Где надо... Не лапай. Долг получил. Чирок наконец отдал. Я из него, паразита, целый месяц долги выколачивал. Важны не деньги, а принцип.

— Какой Чирок? — удивленно спросил Кирилл.

— Не знаешь, что ли? Он вроде в вашей школе учится. Плюгавенький такой.

— Петька Чирков?

Дыба пожал плечами.

— Этот самый Петька, наверно. Проспорил еще в июле, а потом все от меня бегал... Ну как, сторгуемся?

— Нет, Дыба, не сторгуемся, — сказал Кирилл. — Хоть ты мне олимпийские сто рублей давай золотой монетой.

— Ну и вали, — разочарованно проговорил Дыба. — Надумаешь — приходи...

Кирилл выехал мимо котельной в тихий Стрельцовский переулок, уцелевший среди нового микрорайона. В конце переулка стояла водопроводная колонка, и Кирилл хотел смыть угольную пыль, пока не въелась в кожу.

Он крутил педали и думал о странном случае с Чирком. Что общего у Чирка с Дыбой?

Петька Чирков был тихий, похожий на четвероклассника мальчишка с длинными белесыми ресницами. «Благополучный троечник», — говорила Ева Петровна. Такой он был незаметный, что про него даже забывали иногда на перекличках. Идут на экскурсию, проверяют, все ли собрались, и говорят, что все, а потом: «Ой, Чиркова нет...» Его не обижали ребята, не ругали учителя. Его никуда не выбирали. К тому же раньше была у Чиркова какая-то болезнь: в пятом классе он полгода провел в санатории.

Где Чирок мог столкнуться с «королем» Дыбой? Что он ему проспорил? За что отдал рубль?

И... где он этот рубль взял?

Он же сегодня просил у Кирилла двадцатник, говорил, что нет ни копейки!

Кирилл даже тормознул при неожиданной мысли. А потом промчался без остановки мимо колонки.

Сегодня, когда Кирилл с мальчишками проходил мимо гардероба, Чирок их окликнул:

— Не ходите к двери, там Нинушка певцов караулит. Лучше спрячьтесь, она сейчас сюда пойдет.

Сам-то он не боялся завуча: в хоре не пел. Он сидел на корточках рядом с дверью в учительскую раздевалку и шнуровал ботинок.

Благодарные беглецы проскочили мимо Чирка в тесную комнатушку с вешалками. Там висели два или три плаща. Кирилл еще подумал: «Кто в такую жару ходит в плащах?» Больше ничего подумать не успел. Распахнулась дверь, появился пожилой сердитый «чертежник» Александр Викентьевич, и началась заваруха...

«Ловко сработано,— с нарастающей злостью думал Кирилл и так жал на педали, что рубчатая резина врезалась в босые ступни.— Заманил в раздевалку, чтобы след от себя отвести и смылся. И сидел потом тихонько на собрании как ни в чем не бывало! Кто подумает на такого скромного мальчика?»

А может быть, не Чирок? Ведь не в раздевалке его видели, а только рядом. Тогда рубль откуда? Ну, мало ли откуда! Вдруг он его специально приберег, чтобы расплатиться с Дыбой?

Но тут Кирилл вспомнил, как Чирок сказал: «Понимаешь, позавтракать не успел, а денег ни копейки», и с виноватой улыбкой вывернул карманы у больших не по росту брюк. Помахал ими как крылышками. А куртки на Чирке не было: несмотря на запрет, он пришел в школу в рубашке. Видно, знал, что на него все равно не обратят внимания.

Нет, непохоже, что у Чирка был спрятан тяжелый металлический рубль.

— Ладно, Чирок,— сквозь зубы сказал Кирилл и свернул на улицу Мичурина.

Заплатит Кириллу Чирок за все его слезы...

Кирилл убавил скорость и начал торопливо соображать. Во-первых, надо узнать, где Чирок живет. Кирилл у него ни разу не был. Во-вторых, нужно будет приехать к Чирку, взять за шиворот и заставить признаться! Куда он денется? В-третьих, придется притащить Чирка в школу, пусть отдаст деньги и расскажет всем, как было. Интересно, как Ева Петровна будет после этого смотреть на Кирилла? А впрочем, наверно, и не покраснеет. Небось, еще скажет: «Ты, Векшин, сам виноват, потому что вел себя вызывающе». Ну и наплевать! Главное, что победит справедливость.

Но одному Кириллу с Чирком, пожалуй, не справиться. По крайней мере в школу не утащить. Надо помощников. Лучше всего тех, кого вместе с Кириллом задержали в раздевалке. У них к Чирку тоже счет имеется и, может быть, побольше, чем у Кирилла. Потому что не у всех такие родители, как у Векшина. Серегу Коробова папаша сперва огреет чем-нибудь, а потом пойдет в школу разбираться (а когда вернется, еще всыплет).

Но Серега — парень не очень решительный. Димка Сушко — тот с разными знакомствами на стороне, у него, кажется контакт с Дыбой. Не будет он трогать Чирка, если дело хоть как-то Дыбы касается. Валерка Самойлов — это да! Но он, наверно, ушел во Дворец спорта к своим фехтовальщикам...

Все же Кирилл решил заскочить к Валерке, опять нажал на педали. И, едва проехав полквартала, увидел Черепанову. Женька шла и махала его, Кирилла, портфелем.

«А что? — подумал Кирилл.— Ну и пускай что девчонка. Зато начальство. Это даже ее обязанность — разбирать такие дела. А драться Чирок все равно не станет...»

В этом будет справедливость: сперва Черепанова приходила, чтобы наябедничать родителям, а теперь пусть увидит, что Кирилл не виноват. И сама пусть объяснит своей милой Еве Петровне...

Женька выслушала злой рассказ Кирилла, уронила портфель и взялась растопыренными ладошками за щеки. Длинные глаза ее сделались почти круглыми, рот тоже стал похож на букву «О».

— О-ой, какой ужас... Кто бы мог подумать...

Она так моментально поверила Кириллу, что он сказал:

— Ты подожди, надо еще проверить.

— Конечно, надо! Но я уверена, что это он, раз ты говоришь.

— Ты знаешь, где он живет?

— Н-нет. Не помню. Но у мамы есть список с адресами, она же член родительского комитета.

— Узнай — и сразу ко мне. Я пока портфель отвезу.

— Нет, давай вместе зайдем к нам. А то меня мама не выпустит. Скажет: режим, занятия... Давай, а? — Она жалобно взглянула на Кирилла.

— Придумала! Я так и буду таскаться с портфелем?

— Оставим у меня, потом заберешь. Пошли!

— Да не пойду я,— смущенно сказал Кирилл и шевельнул пальцами босых ног.— Вид у меня совсем не для гостей.

— Ну что за глупости! Ты же не девочка, чтобы наряжаться. И ты не в гости, а по делу... Пойдем, а то меня не пустят.

— А велосипед куда?

— Поставишь под окно. Мы же на первом этаже, а окна в садик выходят. Пошли!

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Пять колец

Алексей СМИРНОВ

Пять девочек бегут к Москве
со всех концов земли.
Еще высокая Москва
теряется вдали.
И
Кремль
вдали,
и
Лужники,
и берега Москвы-реки,
и пароходные гудки
вдали, вдали, вдали...
Пять девочек бегут к Москве.
У каждой из пяти
кольцо,
и каждая спешит
по своему пути.

Шумят над Польшею дожди
и окликают:
— Подожди,
постой!
Ты кто такая?
Куда бежишь босая?
Мы два дождя,
мы два дождя
кольцо
отнимем
у тебя
и кинем
прямо в речку.
Пришел конец колечку.

Но слышат оба молодца,
ей волосы ероша:
— Не троньте
моего кольца.
Я — девочка Европа.
Не я одна гоню сейчас
кольцо перед собой.
Пять девочек бегут к Москве,
и путь у каждой свой.

Над
Африкой
гуляет гром,
рокочет, словно тигр:
— Отдай, девчонка, мне кольцо,
ведь я тебя настиг.
Не дашь — я силой вырву сам.
Бросай скорее!
— Не отдам!

А эти девочки к Москве
летят на водных лыжах.
Сцепились крепко два кольца.
Москва все ближе, ближе...

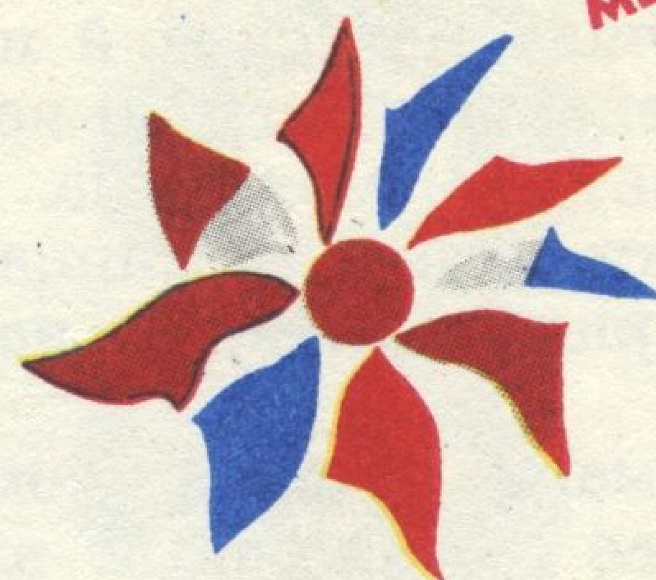
Бьет
океанская волна,
звенят тугие кольца:
— Кто вы такие? — говорит
и слышит:
— Успокойся,
нас донеси до берега,
и мы с тобой расстанемся,
Меня зовут Америка,
сестру мою — Австралия.

Рисунок
А. БОРИСОВА

А ветер мчится по степи,
как пес, сорвавшийся с цепи.
Степной полынный ветер,
быстрее всех на свете!
Не эту
так другую
я догоню бегунью.

Напрасно, ветер, сил не трать,
летят, как стрелы, лыжи.
Тебе бегуний не догнать.
Москва все ближе, ближе.
Высокий
Кремль,
и
Лужники,
и берега Москвы-реки,
и пароходные гудки
все ближе, ближе, ближе.

Пусть над Москвою пять колец
тесней сомкнутся наконец,
чтоб дружно встали в общий круг
все пять сестер, все пять подруг,
которых город наш позвал
на
Олимпийский
карнавал!



Не скоро заживет «Раненое Колено»

Сегодня в нашем клубе гости из США — трое участников Движения американских индейцев. Они рассказывают о своей жизни и борьбе.

Кэрт АЙШЕМ, индеец племени чеппуа, 15 лет

Никто из школьных учителей не относился ко мне по-человечески. Преподаватель истории был хуже всех. История Соединенных Штатов и без того мучительный для меня предмет: это история ограбления и истребления моего народа. Так вот, учителю доставляло удовольствие, рассказывая о победах белых над индейскими племенами, спрашивать меня: «Не правда ли, Кэрт Айшем, индейцев победила самая гуманная и цивилизованная нация в мире?» И он пускался в рассуждения о том, как это здорово, что индейцы живут в самом демократическом обществе, где им предоставлены всевозможные права наравне с белыми американцами.

И вот однажды он так допек меня своими разговорами, что я вышел из класса и хлопнул дверью. К концу урока я малость поостыл. Не бросать же школу из-за этого учителя-расиста! Но вышло все иначе...

Прозвенел звонок на перемену, и все ребята высыпали из классов. А впереди один здоровенный парень тащит на плечах другого — коротышку. Коротышка размахивает линейкой, словно саблей, и орет: «Смерть краснокожим!» И бегут они прямо на меня.

Я за свои пятнадцать лет всякого наслушался, знаю, что для белого в США слово «индеец» вроде ругательства. Но тут не сдержался, ударил. «Конь» и «всадник» с воем покатились по полу. И я понял, что после этого житья мне в школе не будет. И ушел.

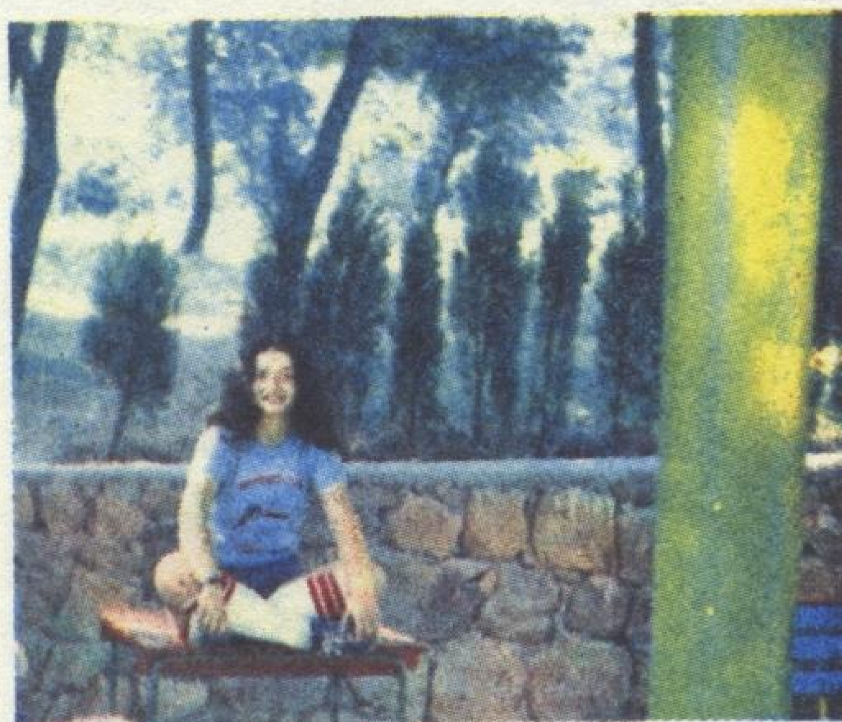
Не я первый. В тот год все индейские ребята из нашей резервации бросили занятия. Учиться нам труднее, чем детям белых. Мы поступаем в школу почти неподготовленными: у нас нет книг, редко в доме индейца встретишь радио или телевизор. В резервации мы говорим на родном языке. В школе преподают на английском, и наши ребята часто не понимают объяснений учителя. Дома заниматься негде — теснота.

Но главное не это. Главное, в школе травят ребят-индейцев.

А учиться мне очень хотелось. Я твердо решил стать вождем племени, а вождь должен быть не только сильным и справедливым, но и образованным человеком. Чтобы вывести свой народ из нищеты и невежества, надо быть хорошим экономистом и политиком...

Как-то раз активисты Движения американских индейцев собрали нас, недоучившихся ребят, и предложили: «Давайте добьемся своей школы, для индейцев. А учителей мы своих найдем и здание сами построим». Ну, нас уговаривать не пришлось.

Теперь учимся в своей школе на родном языке. Учителя рассказывают нам о прошлом нашего народа, разучиваем наши песни и танцы. Мы хотим, живя в Америке, оставаться индейцами.



Джоулин БОУНС, индианка племени сиу, 14 лет

Отец мой белый, но в моих жилах течет и индейская кровь. А как хотелось бы моим одноклассникам, чтобы я порвала связь с моим народом. «Ведь ты почти белая!» — говорят они. А я хожу в школу в индейской одежде: в кожаных брюках с бахромой, в длинной вышитой рубашке, голову повязываю лентой с орнаментом.

Я живу в индейском гетто в городе Миннесота. Этот район называют «Блэк Вилидж» —

«Черная деревня». Ничего не скажешь, название точное: улицы грязные, домишки гнилые, покосившиеся. Но у нас сильная группа Движения американских индейцев, и мы боремся за улучшение условий нашей жизни. Создали индейский центр по воспитанию детей. Преподает там моя мама. Она учит ребят индейским песням и танцам, рассказывает об истории племен, о наших вождях и героях.

Однажды мама пришла домой бледная, как мел. На ее глазах белый владелец автомобиля сбил двух индейских детей, которые шли по обочине шоссе. Мама позвонила в больницу, потом в полицию, сообщила номер машины. Карета «Скорой помощи» забрала малышей. Один умер, не приходя в сознание, другой был в очень тяжелом состоянии. Когда мама еще раз позвонила в полицию, ей сказали, что дети нарушили правила движения, и шофер виноват только в том, что превысил скорость. Его оштрафовали, вот и все.

В тот же день весть о случившемся облетела гетто. Наутро несколько сот индейцев вышли на демонстрацию. Было много женщин и детей. Мы шли к муниципалитету, хотели добиться справедливости. Но путь нам преградили вооруженные полицейские. Они набросились на нас и стали избивать дубинками. Многих затолкали в полицейские машины и увезли в тюрьму.

Мою подругу Линду, очень красивую девочку, увезли в больницу с сотрясением мозга и переломом костей лица. Ни один косметолог мира не вернет ей прежней красоты...

В тот вечер я написала стихи:

Глухой не слышит издевательств,
Слепой не видит нищеты;
И если волей обстоятельств
Глухонемым родился ты,
Не проклинай судьбу, глупец!..

...Я никому не показывала своих стихов. Сейчас время не отчаяния, а борьбы!

Такие лачуги —
не редкость в индейских резервациях.

Джим О'БРАЙН, индеец племени чеппуа, активист Движения американских индейцев, 40 лет

Я слышал историю о Вундед-Ни — Раненом Колене от отца, когда был мальчишкой. А отцу рассказал ее мой дед.

Вот эта история.

В 1890 году воины племени сиу, вооруженные луками и копьями, преградили путь целому кавалерийскому полку колонизаторов. Силы были неравными. Белые ворвались в поселок Вундед-Ни, приказали всем сдать оружие, стали обыскивать вигвамы. Они нашли винчестер у индейца по имени Блэк Койот—Черный Койот. Когда солдаты отнимали у него ружье, индеец случайно нажал на курок. Выстрел не причинил никому вреда, но солдаты тут же открыли огонь по безоружным индейцам. Они убили 300 человек.

Вторая битва при Вундед-Ни была уже на моей памяти. В 1973 году двести пятьдесят индейцев племени оглала-сиу захватили этот поселок, вырыли траншеи, построили баррикады. «Мы хотим жить, как люди. Мы требуем справедливости для индейцев»,— заявили восставшие. Полицейские на бронетранспортерах и агенты Федерального бюро расследований в штатском оцепили Вундед-Ни, перекрыли воду, газ, электричество. Семьдесят дней длилась осада. И все эти семьдесят дней честные американцы во всех штатах страны на митингах и демонстрациях поддерживали требования Движения американских индейцев... Но силы были неравными, полицейские ворвались в поселок. 30 индейцев погибли, многих бросили в тюрьмы.

Наш народ не склонил головы. Недавно тысячи индейцев разбили свои вигвамы на поляне перед Белым домом — домом президента США. Они прошли пять тысяч километров от Сан-Франциско до столицы, чтобы добиться восстановления своих законных прав. Борьбу американских индейцев решительно

поддерживает Коммунистическая партия США.

...О нашей борьбе я рассказываю своим ученикам в индейской «школе выживания». Создание таких школ — очень важное дело. Мы хотим выжить, остаться индейцами, сохранить свою национальную культуру и передать ее детям. Ребята, окончившие наши школы, подготовлены к тому, чтобы жить и трудиться в современном мире и бороться за счастье своего народа.

ОТ РЕДАКЦИИ.

До прихода колонизаторов на нынешней территории США жило около 400 индейских племен. Сейчас осталось 270. 500 тысяч индейцев загнаны в резервации, 300 тысяч живут в городских гетто. Мало кто живет больше 45 лет, половина индейцев голодает. Из пяти маленьких детей умирают трое.

Договоры, заключенные правительством США с индейскими племенами, постоянно нарушаются. В погоне за наживой монополии урезают или скупают за бесценок индейские земли, если в них находят нефть, уголь, другие полезные ископаемые.

Недавно те, кто богатеет за счет бедствий индейцев, предложили конгрессу США проект нового закона. Он издевательски назван «Законом о равных возможностях для коренных американцев». Авторы законопроекта предлагают отменить все договоры правительства с племенами. Это позволит капиталистам открыто грабить индейцев. А что будет с самими индейцами? Коренные жители Америки должны «влиться в общество», говорится в этом документе. Это значит забыть свою историю, культуру, отказаться от вековых традиций.

Индейцы хорошо понимают, что их снова хотят обмануть. Индейские вожди все чаще собираются вместе и решают сообща, как добиться самоопределения.

Беседу вел С. МАКЕЕВ

Движение американских индейцев распространяет такие значки. Этот значок призывает бороться за права детей. «Абиноджи» по-индейски значит «ребенок».

Defend the Bill of Rights

На этом значке написано: «Защищай Билль о правах». Билль — документ, провозглашающий равенство всех граждан США...

«Я вижу мир»

Веселого, задорного мишку с пятью олимпийскими кольцами на поясе сегодня можно увидеть повсюду: на страницах газет и журналов, на плакатах, значках и сувенирах. Каждый день приближает нас к той минуте, когда в Москве на стадионе в Лужниках вспыхнет олимпийский огонь. Спешат строители, готовятся к стартам спортсмены, выходят новые книжки об Олимпийских играх.

А готовишься ли ты к Олимпийским играм, юный художник?

Мы предлагаем всем, кто умеет рисовать, принять участие в конкурсе **«Я вижу мир». Конкурс продлится два года—1979—1980. Он посвящен XXII Олимпийским играм.** В конкурсе могут принять участие ребята всех стран: и те, кому сегодня 5 лет, и те, кому исполнилось 16. Каждый может прислать в нашу редакцию, в редакцию газеты «Пионерская правда», не больше десяти рисунков. Можно рисовать и карандашами, и красками, и мелками, и, как говорят взрослые художники, в любой технике. Жюри международного конкурса, которое возглавляет лауреат Государственной премии РСФСР художник Б. Неменский, ждет твои рисунки и рисунки твоих друзей **до 1 сентября 1979 года.**

Жюри отберет лучшие работы, и в канун Олимпийских игр в залах Академии художеств СССР откроется международная выставка. Все, чьи работы на этой выставке посмотрят тысячи зрителей, будут награждены **дипломами, каталогами и памятными значками конкурса и «Олимпиады-80».** Победители конкурса получат **премии, медали, а также будут отмечены специальными призами организационного комитета «Олимпиады-80».**

ЮНЫЕ ХУДОЖНИКИ! Четвертый международный конкурс детских рисунков «Я вижу мир» начался!

А. КРЕСТИНСКИЙ

„SOS!"

БАЛЛАДА

Капитану танкера «Ленино»
Евгению Давыдовичу Гаврилину
посвящается.

Нефтью сырой
Трюмы полны,
Слышен глухой
Говор волны.
Время не ждет,
Танкер идет,
Стелется дым
Следом за ним.

Над океаном — ночь,
Звездный сверкает наряд,
Вспомнил моряк сына и дочь,
Вспомнил свой Ленинград.

Ясен и чист
Гулкий эфир,
Чутко радист
Слушает мир.
Сонно вокруг,
Тихо... И вдруг —
Слышит матрос
Грозное «SOS!».

Помощи просит грек —
Трюмы, как порох, горят.
Там на борту сто человек,
В каютах кромешный ад.

Слышат сигнал
Янки и швед —
Грек подкачал:
Долларов нет!

Просишь спасти —
Деньги плати.
Нету — гуд бай!
Бедные — в рай!

Жарко пылает ночь,
Мрачен и пуст океан.
— Греку, ребята, надо помочь,—
Советский сказал капитан.

— Груз-то какой,—
Молвил стармех,—
Искры одной
Хватит на всех...
— Друг, не робей!
Надо людей
Снять с корабля.
Лево руля!..

Снова морзянки писк,
Танкер на помощь идет.
В море привычное дело — риск.
— Ребята, на воду бот!

Люди в волнах —
Тщетна борьба.
Ужас в глазах,
Стон и мольба:
— Тонем! Горим!..
Пламя и дым
Тянутся ввысь.
— Люди, держись!..

В воду летит конец,
Рука моряка крепка.
Подняты на борт мать и отец
И оба их паренька.

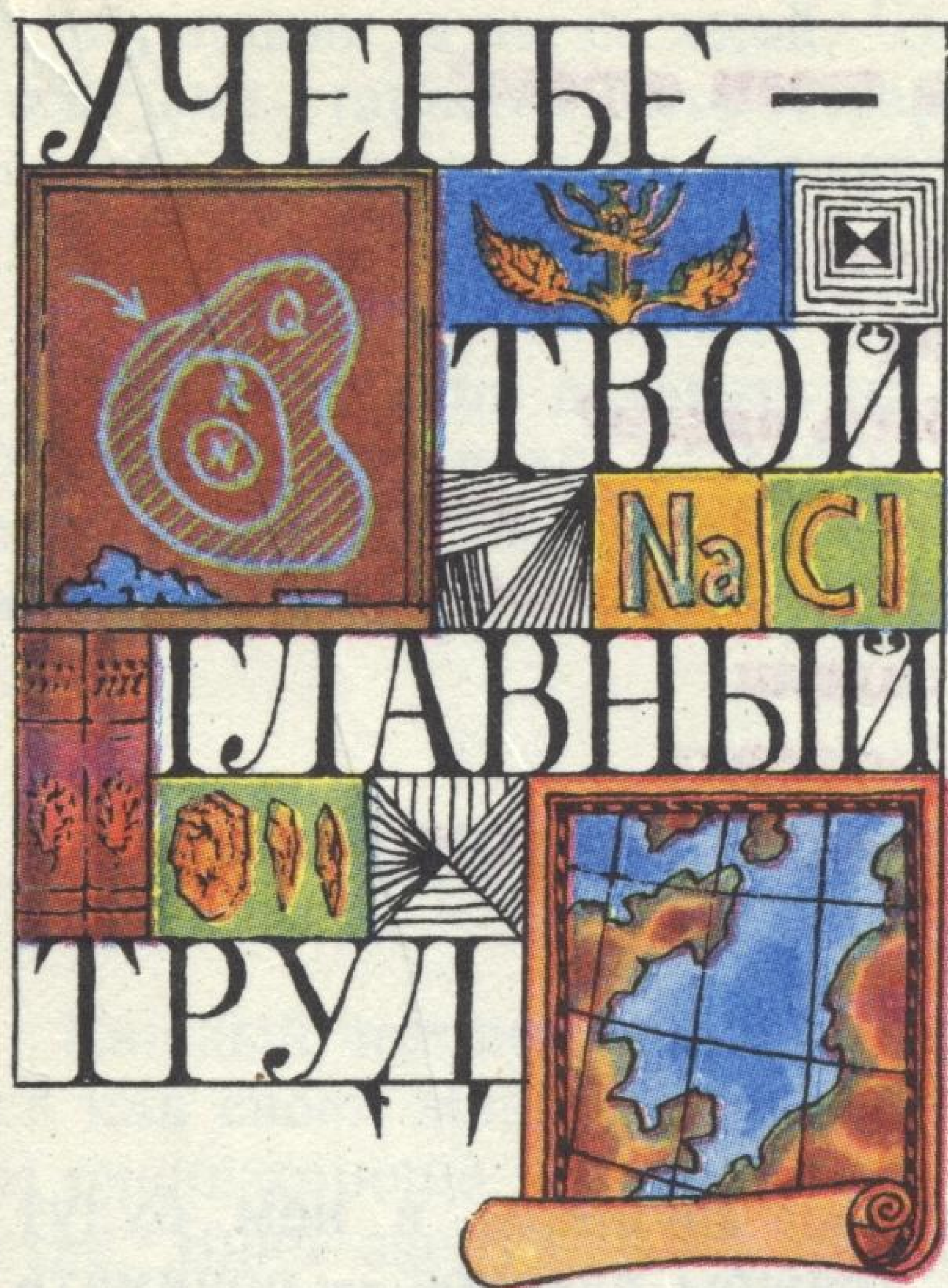
Кубрик — битком:
Тут лазарет.
Крепким чайком
Каждый согрет.
— Ты, гражданин,
Знать, из Афин?
Не унывай,
Кушай давай...

Мы запомним навек
Полночь кромешную ту.
В порт не вернется шкипер-грек
Остался там, на борту.

Нефтью сырой
Трюмы полны,
Слышен глухой
Говор волны.
Время не ждет,
Танкер идет,
Стелется дым
Следом за ним.

Над океаном — день,
Ночь сгорела дотла.
— У нас в Ленинграде
цветет сирень!
— А в Афинах уже отцвела...

Рисунок Ю. РОДИНА



Как развить ПАМЯТЬ

«В одной книге я прочитал, что у знаменитого французского ученого Шампольона, который расшифровал древнеегипетские иероглифы, в молодости была плохая память. Он стал тренировать ее и вскоре мог повторить несколько страниц печатного текста слово в слово, только раз прочитав текст. Расскажите, пожалуйста, как тренировать память».

Геннадий ГАСЦОВ,
г. Гомель

К сожалению, ученые не знают, как тренировал свою память Шампольон. Думаю, что особых секретов и приемов у него не было. Просто он был очень собранный и очень заинтересованный в своем деле человек.

Как тренировать память тебе? Попробуем помочь советом.

Легко запоминается лишь то, что понятно. Поэтому любой параграф учебника надо сначала ПОНЯТЬ.

Потом надо ВЫДЕЛИТЬ ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ рассказа и записать их на листочке бумаги. Получится ПЛАН. Каждый пункт этого плана — для тебя путеводный знак.

Некоторые ученики жалуются у доски учителю: «Семь раз прочитал, а ничего не помню». Семь раз читать не надо. Прочитай текст один-два раза, составь план и обязательно ПЕРЕСКАЖИ, ЗАГЛЯДЫВАЯ ТОЛЬКО В ПЛАН, пользуясь своими путеводными знаками.

Ученые провели исследование. Взяли самый обыкновенный пятый класс, не лучше и не хуже других. И начали учить пятиклассников составлять планы рассказов, писать сочинения по планам. Занимались ученые с ребятами только на уроках литературы. Через год успеваемость в этом классе резко повысилась по всем предметам. У всех улучшилась память!

Имей в виду, что есть три вида памяти. Ты, возможно, лучше запоминаешь стихотворение, когда слушаешь, как его читает кто-то другой. Сосед по парте лучше запоминает, когда читает сам и обязательно вслух. А твой друг совершенно не умеет запоминать на слух. Ему обязательно надо увидеть текст глазами. У всех у вас развита разная память. У тебя — слуховая, у соседа по парте — двигательная, у твоего друга — зрительная.

Тренировать надо все виды памяти.

СЛУХОВУЮ, внимательно слушая на уроке объяснение учителя. Дома, повторив эти объяснения, приступать к новому материалу в учебнике. Выученный урок рассказывать вслух себе, товарищам или родителям.

Собравшись с друзьями, почитайте друг другу интересную книгу, потом обсудите ее. Это поможет развить вашу ДВИГАТЕЛЬНУЮ память.

ЗРИТЕЛЬНУЮ память можно развить, если пытаться вспомнить текст по каким-то зрительным обозначениям: у этой главы был длинный, яркий заголовок, следующую главу иллюстрировала картинка. По истории и географии надо обязательно пользоваться картой, по другим предметам — наглядными пособиями.

Тренировать память следует постоянно, не месяц, не два, а, скажем, целый год.

Предлагаем тебе ЭКСПЕРИМЕНТ НА ГОД.

Весь этот год учись выделять главные мысли рассказов и составлять планы. Каждый день тренируй те виды памяти, которые у тебя развиты хуже. К концу года ты сам увидишь, что учиться тебе стало гораздо легче.

Е. Л. ЯКОВЛЕВА,
кандидат психологических наук

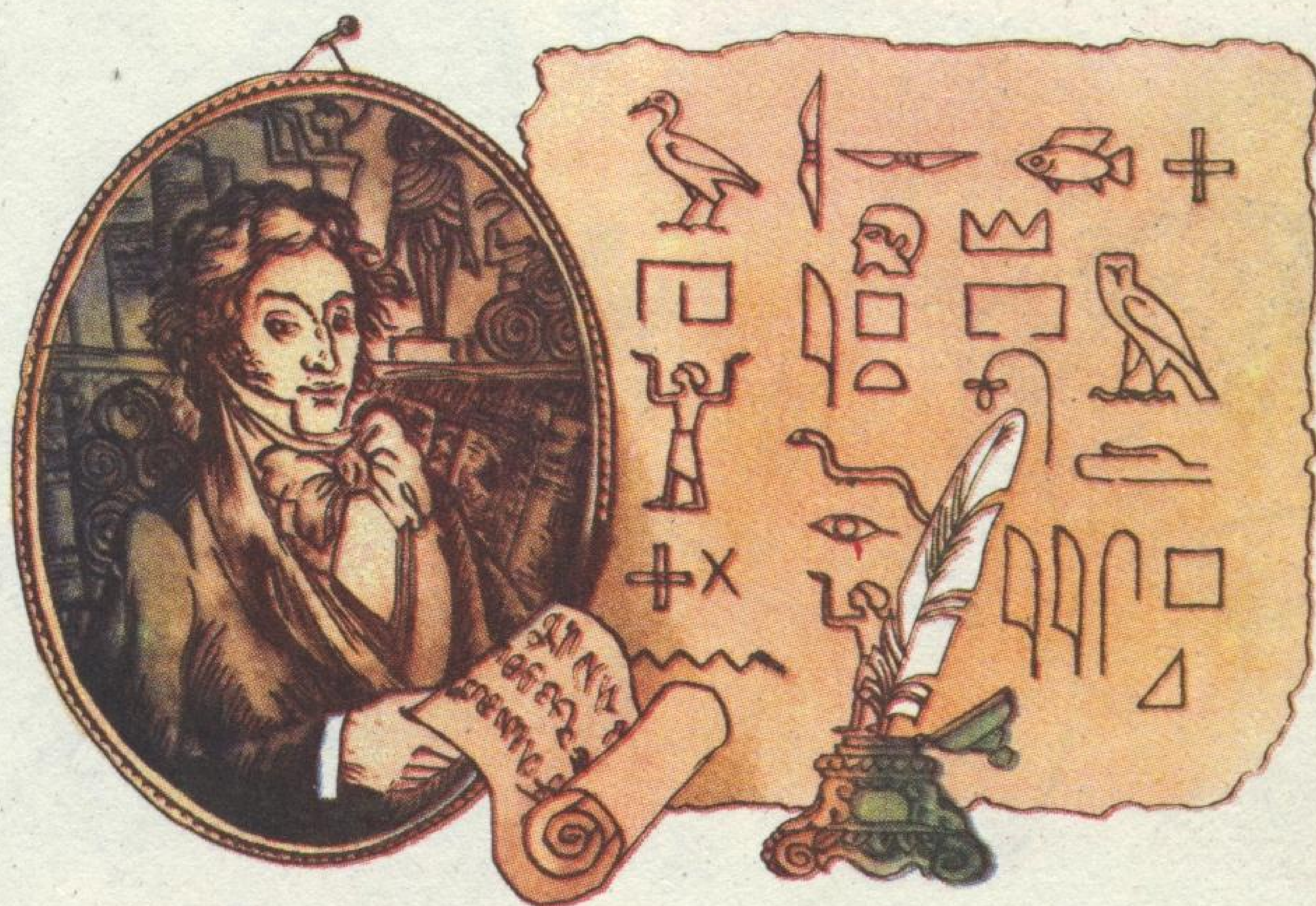


Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Как тебе живется в твоем отряде?
Радостно? Весело?
Хорошо ли тебе с товарищами?
А товарищам с тобой
всегда ли приятно быть рядом?
Думали ли вы когда-нибудь об этом
все вместе и каждый в отдельности?
Такие вопросы мы задали
в первом номере «Пионера».
И нашли ответы на них в ваших письмах.

Семеро дружных

В нашем пионерском отряде всего семь человек. Поселок наш небольшой, ребят немного. Мы все дружим. Да так, что после уроков домой уходить не хочется. И по воскресеньям вместе. Почему у нас так получается? Оттого, что не бездельничаем.

Не сговариваясь, собираемся все у школы и идем по поселку. Кому дрова наколем, кому воды принесем, кому в магазин сходим...

Мы часто ходим в лес. В зимний солнечный день он такой красивый, как в сказке! Мы разжигаем костер, поем песни, играем, изучаем следы птиц и животных, просто слушаем шум деревьев...

По заданию лесничества заготавливаем на зиму веники для подкормки лосей. В этом году каждый член отряда сделал по 10 штук. Собирали сосновые шишки. Хоть нас и мало, но набрали больше, чем другие отряды!

Мы любим спорт. Постоянно участвуем в соревнованиях по лыжам, шашкам и шахматам. Болеем друг за друга: так хочется победить!

Всегда с нами рядом вожатая и классный руководитель. Вместе радуемся успехам и огорчаемся при неудачах. Но радостей у нас больше! Недавно нам вручили вымпел «Лучшему пионерскому отряду».

Мы вот что думаем: каждый отряд может стать лучшим, если все пионеры в нем будут дружить. А для дружбы главное — понимать друг друга и делать одно общее дело всем вместе!

Пионеры отряда имени Олега Кошевого,
дружины имени Зои Космодемьянской,
п. Жучок, Брянская область.

Мы задали **Виктору Григорьевичу ЮДИНУ**, главному лесничему лесного хозяйства Московской области, вопрос:

— Как вы считаете: важным делом заняты ребята из поселка Жучок, помогая лесничеству?

Вот что он нам сказал:

— Безусловно. Веники, которые они вяжут, идут на корм лосям, косулям, оленям, а в переработанном виде — на животноводческие фермы.

А что касается шишек... У всех лесных хозяйств нашей страны очень большой план по заготовке хвойных семян. Выполнить его без помощи школьников просто невозможно. Из собранных ребятами шишек вышелушивают семена. Из семян выращивают саженцы. А саженцы — это новые леса.

«Нужно понимать друг друга» — написали ребята из отряда имени Олега Кошевого. Но не у всех ребят это получается. Вот какое письмо прислала **Виктория Климова из города Новороссийска.**

«Не могу сказать, что мне всегда хорошо с

товарищами, а им со мной. Что мне делать? Изо всех сил стараюсь быть интересной, доброй, веселой, а ничего не получается, никто меня не уважает и не любит».

Мы попросили ответить на него **Татьяну Михайловну Котеневу,** поэтессу, которая много пишет о дружбе. Ты, наверное, читал в «Пионере» ее стихи.

«Стараться» не нужно

Каждый человек рано или поздно задумывается над своей жизнью и задает себе этот вопрос. И очень хорошо, если это происходит еще в детстве. Вика заслуживает уважения уже потому, что ее волнует, достаточно ли она добра и хорошо ли, интересно ли, весело ли с ней людям.

Прежде всего не нужно думать, Вика, что тебя никто не любит и не понимает. Ты же сама знаешь, что это не так. А мама? Она тебя тоже не любит? Когда кто-то трагически дрожащим голосом заявляет: «Никто меня не любит и не понимает», — согласись, что в этом всегда есть некоторая доля позерства. Не станешь же ты в самом деле, надувшись букой, сидеть и ждать, что кто-то придет и будет тебя уверять, что ты добрая, интересная и веселая.

А ты верно знаешь, что ты добрая?

Посмотри вокруг. Вон плачет совсем маленькая девочка. Почему? Так просто люди не плачут, даже если им нет еще и семи. Подойти, расспросить, утешить или пройти мимо?

Заболел твой товарищ по отряду и здорово отстал по математике. Помочь?

Мается с выпуском отрядной стенгазеты ваш редактор. Никто ему не помогает. Тебе тоже некогда?

А вон твоя мама опять несет такую тяжелую сумку, что и двоим не под силу. Ты всегда это замечаешь? Или привыкла?

Ты можешь сказать, что это мелочи. Ежедневные мелочи. Есть люди, которые не придают им значения, у них всегда **СВОИ** очень важные дела, и подобные «пустяки» не останавливают их внимания. Чаще всего они замечают только то, что имеет отношение к ним самим.

Но других людей намного больше. И этим другим никогда не жаль **СВОЕГО** времени. И у них всегда много друзей, к ним тянутся, их любят. Потому что они добры.

Когда заходит речь об обыкновенном, каждодневном внимании к людям; о том, что нельзя вымещать свои маленькие обиды на других; о том, что преступно издеваться над слабыми, тут многие почему-то отмахиваются: «Бросьте придираться! Это же мелочи». Мелочи ли? Можно много говорить о добре. Можно много думать о нем. Но пока не прикоснешься к нему своими руками, своим сердцем, все равно не поймешь, что же это такое.

Ты спрашиваешь: «Как быть интересной?» В самом деле, как? Многие ребята, может быть, улыбнутся: «Быть интересной, — скажут они. — Наверное, кому-то понравиться хочет». А, по-моему, в этом нет ничего смешного. Наоборот. Как быть интересной людям? Как стать интересным человеком? Вопрос достаточно серьезный и трудный.

По-моему, прежде всего нужно быть интересной себе. Если человек изучает или делает что-то очень интересное ему самому, он не может не быть интересным окружающим. Увлеченность увлекает.

Лично мне всегда были интересны люди, которые умеют сделать что-то своими руками. И не просто что-то смастерить, а сделать это удивительно ловко, с артистической легкостью. Я могу часами смотреть на веселую, ладную работу их умных, уверенных рук.

Однажды я видела настоящее чудо. Работал в обыкновенной московской квартире обыкновенный маляр, сухонький, легкий человек. Просто белил потолок, просто красил стены. Но как изящно двигались в его руках кисти, как выверенно точны были его движения, как послушна была ему даже краска, которая, казалось, сама взлетала к потолку и покрывала его безупречно ровным слоем, так что ни одна капелька не срывалась с кисти. Глядя на его работу, я думала, что нет ничего проще ее, стоит только обмакнуть кисть в краску — и у меня тоже получится

так же здорово. Он предложил мне попробовать. Стоит ли рассказывать о том, что уже через пять минут я вся с ног до головы была в краске, а на потолке красовалось всего две-три кривые полоски, да и те какие-то рахитичные.

Вот вам и легкость, вот вам и простота. За этой легкостью — годы кропотливого труда, любовь к своему труду, увлеченность и мастерство.

А радость от сознания того, что ты, наконец, прочитала то, что давно хотела узнать? Сделала своими руками то, что раньше, казалось, сделать не сможешь. И вот получилось! Эта радость ни с чем не сравнима.

Выходит, что «стараться» быть веселой специально не нужно. Никто никогда не видел, чтобы человек, который преодолел свое неумение или лень и добился своего, был мрачным и грустным. Нет. Он победитель. Он молодец. И никто не удивится, увидев на его лице улыбку. Наоборот, порадуется вместе с ним и, конечно, тоже улыбнется. Значит, ему хорошо с людьми, и людям хорошо жить рядом с таким человеком.

Музыкальное звено

Звеньевая Света Бурас из г. Владивостока и ее «музыкальное» звено ставят спектакли, выступают с концертами. Сдружились ребята, делая одно общее, для всех интересное дело. Вместо ответа на наши вопросы они прислали нам песенку, которую сочинили сами.

Уважают в нашей школе
Наше дружное звено,
Потому что даже в праздник
Делом занято оно.
И все поют, кому не лень, —
И светлее стал наш день.
Так давайте
Петь все вместе,
Чтобы было интересней!

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

НАВСТРЕЧУ II ВСЕСОЮЗНОМУ СЛЕТУ ТИМУРОВЦЕВ

На тимуровской карте село Подберезки, что недалеко от Львова, отмечено красным флажком давно. Уже пятнадцать лет действует здесь клуб «Звезда Гайдара». О нем рассказывает наш корреспондент Наталья АНИКЕЕВА.

ЗВЕЗДА ГАЙДАРА

Удивительно, как я, часто бывая во Львове, не познакомилась с ними раньше. Потому что о хорошем в жизни надо узнавать прежде всего. А «Звезда Гайдара» не просто тимуровский клуб, это сердечное, человеческое слово и дело.

Хаты в Подберезках разбросаны по невысоким пологим холмам. Мягкая, задумчивая лежит вокруг земля, и люди живут здесь такие же, с красивыми, звучными именами, необычными фамилиями: Весна, Москва...

По дороге навстречу мне шла женщина в большом крестьянском клетчатом платке.

Поравнявшись со мной, поздоровалась — хороший обычай на селе говорить «здравствуйте» всем, знакомым и чужим — и указала мне дорогу к школе.

В маленькой комнате с крашеным полом всего одно окно. Дождь на улице не унимался, оттого внутри казалось еще уютней. Все здесь просто: деревянный стол, несколько стульев, книжный шкаф, полки вдоль стен. В глиняном кувшине — астры.

— Вот он, наш штаб,— говорит руководитель клуба, преподаватель русского языка и литературы, бывший фронтовик Иосиф Исаакович Вул.— Здесь и начинается вся работа, которую делают ребята. А делают они много. Недавно разыскали героя очерка Аркадия Петровича Гайдара Цулаке Купаляна, комсорга полка в годы войны. В штабе стоят собранные ими книги на двадцати четырех языках, даже на языке народностей Восточной Африки — суахили. Тимуровцы собрали сведения обо всех пионерских дружинах, клубах, библиотеках, улицах нашей страны, которые носят имя Гайдара. Представляете, сколько писем было разослано, сколько ответов получено!

Но не только боевым тимуровским штабом стала эта комнатка для ребят. Они идут сюда со своими радостями и огорчениями, идут, чтобы узнать больше и стать лучше, идут к своему Иосифу Исааковичу.

Комнатка в сельской школе — центр, к которому со всех концов страны тянутся ниточки дружбы.

Вот компас Гайдара, тот, с которым он не расставался на войне. Его подарил ребятам друг писателя А. М. Чернышов. Они долго разыскивали Чернышова, хотели расспросить о Гайдаре. Он приехал. И так пришлись ему ребята по душе, что, уезжая, подарил самую ценную для него вещь, память о друге — компас.

Вот эта фотография — подлинник. Она была сделана на съемках фильма «Тимур и его команда». Подарил ее ребятам режиссер фильма Александр Разумный. Лия Соломянская, мать Тимура Гайдара, побывав у них в гостях, сказала: «Гайдар похож здесь на себя, как ни на одной из фотографий».

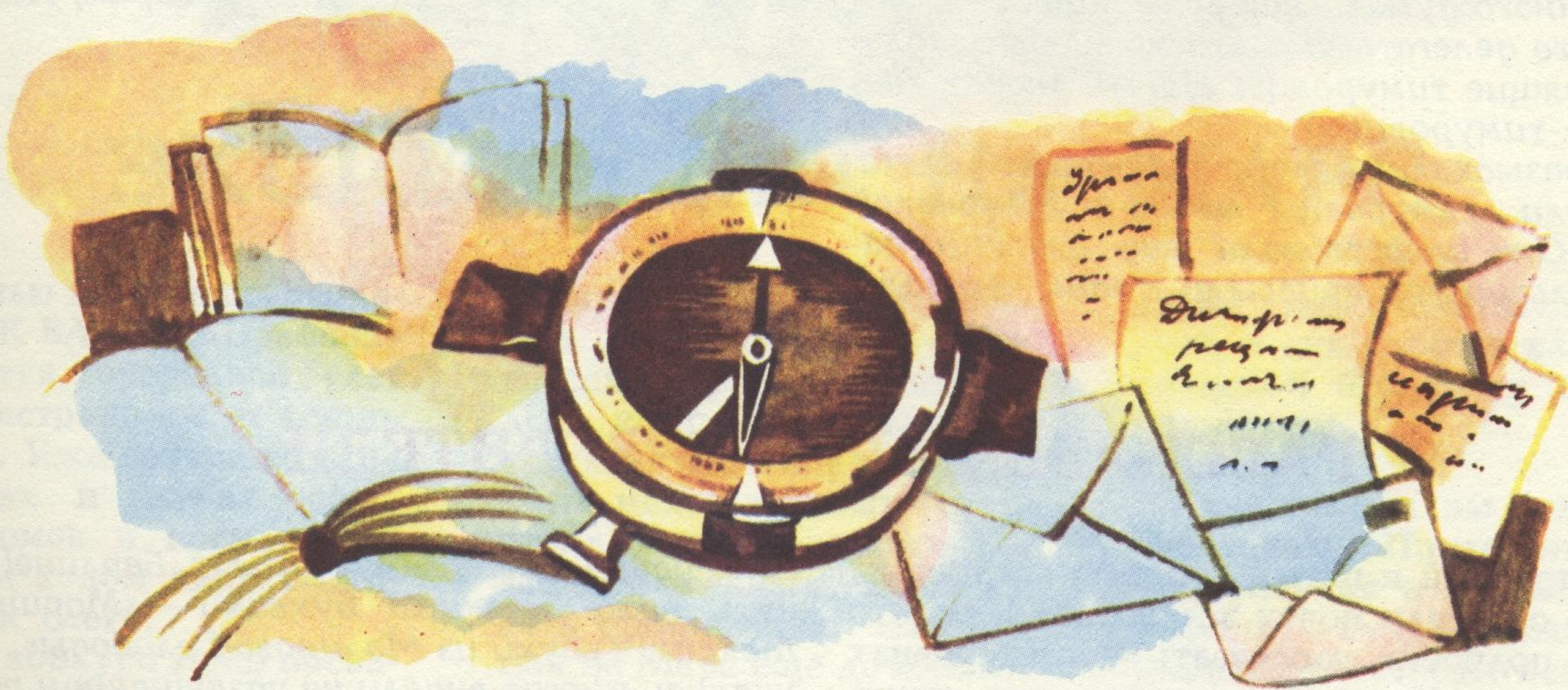
Свою книгу «Из Гаваны по телефону» прислал Тимур Гайдар.

«Я рад, что получил возможность посетить вашу школу, просмотреть собранные материалы и сделать из них выписки для своей работы»,— пишет ребятам писатель-гайдаровед Борис Камов.

Вот запись, сделанная в книге отзывов Ираклием Андрониковым. А кроме нее, десятки, сотни других. «Спасибо вам, ребята!» — пишут люди самого разного возраста и профессий.

Подружившись с людьми из многих городов и стран, ребята не забывают о тех, кто живет рядом. Каждую весну, лето, осень они помогают совхозу. Но только я не сразу об этом узнала — и не от ребят, а от директора совхоза, который не раз награждал их за отличную помощь поездками в Ленинград, Москву, Ульяновск. А ребята свою работу чем-то особенным не считают.

— Мы же выросли здесь,— говорят они.— И у себя дома по хозяйству привыкли помогать.



Пионеры Подберезовской школы особенно ждут II Всесоюзный слет тимуровцев.

— Хорошо бы провести слет в Арзамасе, на родине Гайдара,— предлагает заместитель председателя клуба Надя Дмитрик.—Ведь мы празднуем в 1979 году 75-летие со дня его рождения. **И на слете встретиться с первыми тимуровцами, с людьми, лично знавшими Аркадия Петровича.**

— Было бы очень здорово, если бы кто-то из наших присутствовал на слете,— добавляет кто-то из девочек.

Я думаю, что на слете, где бы он ни проходил, обязательно будут подберезовские ребята.

В десятом номере «Пионера» штаб Тимура задал вопросы о предстоящем II Всесоюзном слете тимуровцев. Первыми откликнулись на них тимуровцы из школы № 77 города Еревана.

КОГО и КАК избирать делегатами слета, за какие ДЕЛА?

«Мы много думали над этим вопросом. Понятно, что делегатами слета могут быть только настоящие тимуровцы. Но что значит «настоящие тимуровцы»?

Мы разыскали делегатов первого слета. Это были тимуровцы из 58-й ереванской школы. Они шефствовали над детским садом. Малыши так привыкли к ним, что даже спать не ложились, пока «Лёвы» не споют им колыбельную песню. «Лёвы» — это Лёва Агаджанян и Лёва Аразян. Сейчас они уже стали взрослыми и очень заняты — у них сессия в институте.

Мы знаем, многие тимуровцы шефствуют над детскими садами, но таких веселых, дружных и добрых людей мы встретили впервые.

Потом мы пошли во Дворец пионеров. Там работает тимуровский клуб «Костер». Создала его товарищ Симонян, или просто «товарищ Лиза», как ее все здесь называют.

«Товарищ Лиза» — одна из первых тимуровцев Еревана. Во время войны она была пионервожатой и в своей школе имени Пушкина организовала тимуровскую команду.

Есть в нашем городе красивый парк. Посадили деревья в этом парке и ухаживали за ними тимуровцы военных лет. А вы знаете, как трудно в Ереване сажать и выращивать деревья? Летом жара, зной, воды мало. Среди этих деревьев есть и такие, которые посадила сама «товарищ Лиза».

Познакомившись с этими людьми, мы поняли, что делегатами слета могут стать только самые активные, самые трудолюбивые, самые добрые тимуровцы. Такие, как Лёва Агаджанян, Лёва Аразян и «товарищ Лиза».

РАССКАЗЫВАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ

На четвертый и пятый вопросы викторины отлично ответили почти все ребята. Тем, кто не смог подробно рассказать о тимуровцах осажденного Киева и назвать имя тимуровца, расписавшегося на рейхстаге, советуем открыть 10-й и 11-й номера «Пионера» и прочитать воспоминания Н. Гарцуненко «Наше имя — киевские тимуровцы» и В. Капрелова «Дружная, сплоченная, боевая».

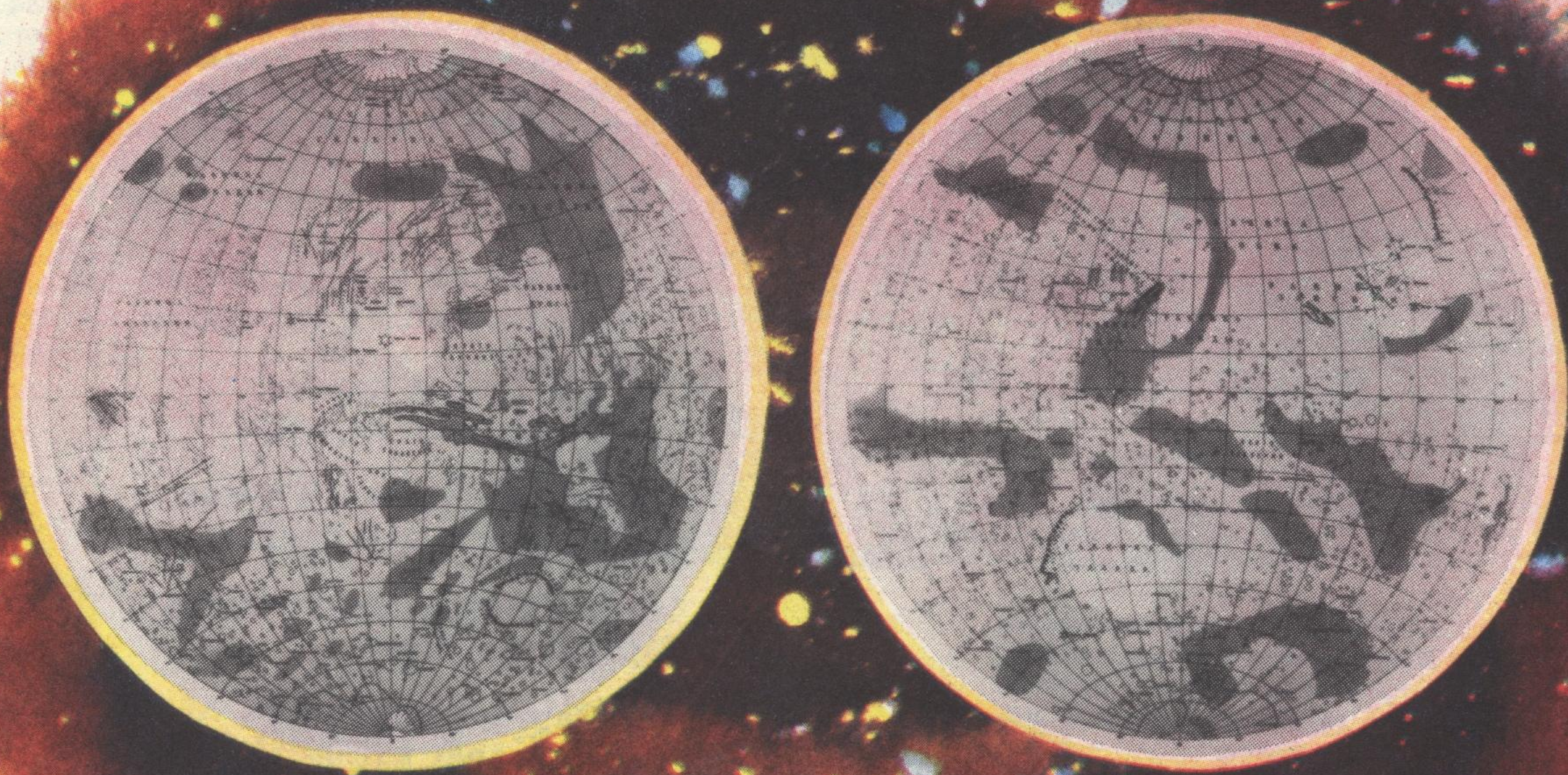
«Боевой листок» называет трех победителей по четвертому и пятому вопросам викторины: Света Ушакова, г. Норильск; Галя Задворова, г. Павлодар; отряд имени Гайдара, ЯАССР, пос. Ытык-Кель.

Кроме отличных ответов на вопросы, эти ребята сообщили штабу Тимура ценные сведения о героях-тимуровцах своего края, оставивших свои подписи на стенах рейхстага.

«Гайдара нет — тимуровцы в Берлине!», и чуть ниже мелкими буквами — «Марина и Максим Чубуки из Малиновой слободы». Эту надпись многие видели на разрушенном рейхстаге. Украинец Максим Чубук два года жил на оккупированной территории, создал тимуровский отряд. Потом, когда стал постарше, с дивизией генерала Казаряна дошел до Берлина». (Света Ушакова.)

«Еще на стенах рейхстага расписалась вожатая тимуровцев Раиса Ивановна Кочелаева из Улан-Удэ. Она в 1942 году окончила школу медсестер и ушла на фронт. Победу она встретила в Берлине». (Галя Задворова.)

«Одна из первых летчиц Якутии, Вера Кирилловна Захарова, была командиром тимуровской команды школы № 2 города Якутска. Когда кончилась война, Вера Кирилловна была со своим полком в Берлине. На рейхстаге она оставила свою подпись». (Отряд им. Гайдара.)



ЭКСПЕДИЦИЯ НА МАРС

Осенью в пионерском лагере ЦК ВЛКСМ «Орленок» состоится очередной слет юных астрономов и космонавтов. Уже сейчас во всех кружках и клубах юных астрономов и космонавтов полным ходом идет подготовка к слету.

Наш конкурс тоже посвящается предстоящему слету. Победители будут награждены путевками в «Орленок» и станут участниками слета.

Длительные полеты советских космонавтов, регулярные рейсы заатмосферных «грузовиков» «Прогресс», сборка на орбите целых комплексов из трех космических аппаратов, полеты межпланетных станций к Марсу — все это позволяет ученым планировать организацию экспедиции на Марс еще до 2000 года. Как знать, быть может, кто-нибудь из вас и примет участие в первом международном полете?

Представьте себя участниками полета к Марсу и выполните наши задания.

1. Подберите район Марса, подходящий для посадки космического корабля, и наметьте разведывательные маршруты.

2. Какая научная проблема экспедиции, на ваш взгляд, самая главная? Как вы предлагаете решить эту проблему?

3. Опишите обстановку и обычный распорядок дня во время межпланетного полета, в дни работы на марсианской базе и во время разведки.

Свои ответы вы должны обосновать. Приложите к ним рисунки и схемы.

Жюри будет отмечать удачные ответы на все вопросы конкурса и на отдельные вопросы.

В состав жюри входят: космонавт, дважды Герой Советского Союза **Н. Н. Рукавишников,** зав. лабораторией Института космических исследований, доктор физико-математических наук **Л. М. Мухин,** инженер **Т. Л. Волковицкая,** зав. отделом астрономии и космонавтики Московского Дворца пионеров, председатель юношеской секции Всесоюзного астрономо-геодезического общества **Б. Г. Пшеничнер.**

Ответы должны быть высланы до 15 марта.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Лена СОМОВА — шестиклассница. Живет Лена в Москве, занимается в литературно-творческом кружке Московского городского Дворца пионеров и школьников.

РУКОЮ СОЛДАТСКОЮ...

На стенах рейхстага пишется
История рукою солдатской —
Про тех, кто из боя вышел,
Про тех, кто в могилах братских...

«Мы волгари из Саратова».
«Мы родились в Костроме».
«Мы за погибшего брата
Отвоевались уже на войне».

«Я из Тюмени,
Дошел до Берлина».
«Я из Минска».
«Я с Сахалина».

Так на рейхстаге рождается
История на все времена.
В памяти не стирается
Отечественная война.

Сережа КОЗЛОВ — ленинградец. Ему нравится ходить в Военно-морской музей. «В этом музее,— пишет Сережа, — я узнал о создании нашего флота и о славных победах наших моряков». Сережа учится в шестом классе.

В МУЗЕЕ

Вхожу в музей, в дверях стою,
На флаги кораблей смотрю.

Повсюду мачты, паруса,
Судов военных корпуса.

А у дверей с трубой в руках
Петр отдает судам приказ.

Лежит кинжал, лежит топор,
Картина на стене,

А на картине бой идет,
Корабль горит в огне.

Я осмотрел один лишь зал,
Но очень многое узнал.

*

Игорь ФАДЕЕВ из Калуги очень любит стихи и сам их сочиняет. Больше всего ему нравится писать стихи о хороших людях. Игорю четырнадцать лет.

ПОЧТАЛЬОН

Когда приходит старый почтальон,
Становится он лучшим из гостей.
В его потертой сумке миллион
Необходимых людям новостей.

Не чувствуя усталости в пути,
Он к людям отправляется с утра,
Он нам спешит быстрее принести
Тепло и радость светлого добра.

*

«Хорошо, когда у человека много настоящих друзей, — пишет семиклассница Ира КАБАНОВА из деревни Тихая Ивановской области. — Найти друга на всю жизнь трудно, но если найдешь его, то с другом и радость вдвое больше и горе — вдвое меньше».

УЛЫБКА

Мне как-то раз мальчишка
В дороге повстречался.
Он шел ко мне навстречу,
Он шел и улыбался.
В его улыбке светлой
Луч солнца отразился,
И он своей улыбкой
Со мною поделился.

Эти рисунки пришли в «Кораблик» с выставки, которая была в Московском Дворце пионеров на Ленинских горах. «БОЙ У МЕЛЬНИЦЫ» нарисовал Костя ШИПИЛОВ, а «ДИКИХ ЛОШАДЕЙ» — Лена МАРШАЛКО. Косте — 9 лет, Лене — 11.

Ира КЛИНКОВА из Куйбышева придумала новый сказочный город. Побывать в этом городе может каждый, кто откроет книгу.

АЗБУКА

Есть на свете город,
город небольшой,
Там гуляют буквы
по улице прямой.
Город этот — Азбука,
так его зовут.
Жители той Азбуки
в книжках все живут.

*

Шестиклассник Герман ШАПОШНИКОВ из поселка Верхне-Ижемского Коми АССР собирает марки. Об одной из них он сочинил стихотворение.

МАРКА

Почтовая марка на столе лежит,
А на ней по морю плывет огромный кит.
За китом в синеве голубой
Идет большой советский китобой.
Гарпун наготове,
Команда ждет...
Неужели этот кит уйдет?

*

Люся ИВАНОВА из города Кургана учится в четвертом классе, занимается в кружке художественного слова.

Я РИСУЮ

Разверну альбом красивый,
Нарисую Буратино
В полосатом колпачке
С золотым ключом в руке.
Нарисую и Мальвину
В платье, как у балерины,
Лиса хитрого с котом...
И раскрашу все потом.

Зима в Махачкале теплая, почти бесснежная, но и там мальчики любят играть в хоккей и кататься на коньках. Они с нетерпением ждут первых морозов, чтобы выйти на коньках на лед. Ждал их и шестиклассник Сережа БАБАЕВ, ждал, потому что родители подарили ему коньки. А о том, как он учился на них кататься, Сережа написал рассказ.

КАК Я УЧИЛСЯ КАТАТЬСЯ НА КОНЬКАХ

За окном было мокро, кататься было нельзя, но я каждый день надевал свои новенькие блестящие коньки и ходил дома по ковру. Мама сердилась на меня, потому что ковер от этого портился, и наконец спрятала коньки до настоящей зимы. Пришли каникулы, но снега все не было и не было. Я даже испугался, а вдруг его в этом году так и не будет. Но, к счастью, в конце каникул снег все-таки выпал.

Поскорее надел я коньки — и во двор: с трудом, держась за перила, спустился с четвертого этажа. Кататься я не умел, но мне казалось: стоит только разбежаться — и все в порядке. Я разбежался и поехал, поехал по льду с большой скоростью. От удивления и удовольствия, что еду и не падаю, я даже закрыл глаза и вдруг — бац! — упал и больно ушиб коленку.

Я все еще сидел и тер коленку, когда мальчишки из нашего дома вышли на коньках играть в хоккей. Они звали меня, но я говорил, что уже накатался. Ох, и завидовал я им!

«Ничего,— думал я,— сейчас приду домой, потренируюсь, а завтра выйду с ними на поле».

Дома никого не было, я стал учиться ходить и прыгать на коньках, пока не пришла соседка снизу.

На следующее утро я сразу подошел к окну. Но что я вижу: льда нет, а вместо него опять большая лужа...

Любимое мое стихотворение

Равиль БУХАРАЕВ

Рисунки В. ДУДКИНА

Воспоминания мои начинаются с запаха клубники, смятой в ладони в июльский полдень, голубого и белого подснежника с нежными бледно-зелеными шипами, всплесков и извивов пламени в печурке с чугунной дверцей и легкого дымка над печеной картошкой.

Это — память глаз, обоняния, рук... Но есть еще память слуха, и для меня она — в мелодиях стихов великого татарского поэта Габдуллы Тукая.

Помню: зимний вечер за синим стеклом в ледяной паутине. Я сижу на низкой скамейке, блестящей от старости, и гляжу на золу в печке, по которой быстро пробегают сполохи синего и красного огня. Картошка печется... Вытаскиваем ее кочергой прямо в старую дедовскую ушанку с кожаным верхом. Там и парится она. Блестит на горячей шкурке крупная соль.

Сестренка читает мне стихотворение Тукая, и мне отчего-то грустно. Это совсем короткое стихотворение, называется оно «Туган тел» — «Родной язык».

Потом много раз слушал я народную песню на эти строки, и всякий раз сладко замирало сердце, щемило его светлой печалью.

Отчего же это так? — спрашивал я себя в детстве, но не находил ответа. Отчего эти простые строки вызывают у меня целый мир воспоминаний, почему вот уже многие десятилетия их повторяют, помнят наизусть? — спрашиваю я себя теперь.

Полнозвучные и глубокие строки этого стихотворения переводили многие русские поэты. Попробовал и я. Я до сих пор благодарен Тукаю за минуты печали и счастья, которые испытал. В строках стихотворения, в перекличке звуков живет, мне кажется, сама мелодика татарской речи. Задача переводчика — передать ее на другом языке.

Габдулла Тукай родился в 1886 году в маленькой приуральской деревушке Кушлауч. Он остался круглым сиротой трех лет от роду. Воспоминания его детства — это частые и долгие переезды из одной деревни в другую в холодных розвальнях и подпрыгивающих телегах, вязнущих в осеннюю распутицу; чужие семьи, в которых он неизменно оказывался лишним, не нужным никому ребенком... Первой, кто взял маленького Габдуллу на воспитание, была соседская старуха по имени Шарифа. Взять-то взяла, да вскоре невзлюбила мальчика, несладко жилось ему в чужом доме.

Но иногда, забившись в угол за печкой, слушал будущий великий поэт песни и сказки, которые рассказывали собравшиеся скоротать долгий зимний вечер односельчане: о страшном лешем шурале, о водяной девушке, о близнецах Сак и Сок, разлученных навсегда злыми силами, о родной земле, погруженной в студеную голодную зиму. Протяжные мелодии песен навсегда запали в душу ребенка. Они звучали в душе Габдуллы Тукая всю его нелегкую, неласковую двадцатишестилетнюю жизнь. Он первым из поэтов заставил зазвучать в слове душу

своего народа, первым рассказал о его надеждах и страданиях, о мечтах.

Тукай работал много и вдохновенно, создал произведения, полные боли и радости, полные любви к своему народу...

Непосильный труд сломил здоровье поэта. Он умер в 1913 году, угас, как угасал в темной крестьянской избе огонь лучины. Но стихи его продолжают светить нам ровным и ясным светом.

Что знал Тукай в своей короткой жизни? Нужду, голод и холод, и — пламя поэзии, согревшей его одинокую душу. Родная татарская речь, зазвучавшая в его стихотворениях, — вот что утешало его, стало недолгим счастьем трудной жизни поэта:

О язык родной, певучий, о родительская речь!
Что еще на свете знал я, что сумел я уберечь?

Долгое время носило маленького Габдуллу по свету, много людей вошло в его жизнь сельского сироты, многих хотел бы он назвать отцом и матерью — всякий раз быстро гасла вспыхнувшая было надежда. Но в стихотворении «Родной язык» мать жива, поэт словно находит ее в этих строках:

Колыбель мою качая, тихо-тихо пела мать;
подрастая, сказки бабушки я начал понимать...

Со звуками родной речи вошли в сознание поэта печали и радости простых людей:

О язык мой, мы навечно неразлучные друзья,
с детства стала мне понятна радость и печаль твоя.
О язык мой... Как сердечно умолял я в первый раз,
плакал и шептал: помилуй мать, отца, помилуй нас...

Стихотворение «Родной язык» очень напевно. Недаром безвестный народный композитор много лет назад положил его на музыку.

Маленькое и простое стихотворение. Но это простота большого мастера, и сквозь нее видится мне то, чем я дорожу, что помню, что люблю... Никогда не устаю я повторять эти строки. Каждое слово отзывается в моей душе, как улетающий звон гусиных стай над светлыми полями моей родины, как мир моего детства, полный неясных еще надежд.

Счастьем наполняют мое сердце эти слова:

О язык мой, мы навечно неразлучные друзья,
с детства стала мне понятна радость и печаль твоя.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Журнал «Пионер» и Правление Всесоюзного общества филателистов объявляют новую филателистическую викторину. Она посвящается Международному году ребенка, который отмечается во всех странах мира.

В викторине могут принять участие и те, кто давно собирает марки, и те, кто только начинает заполнять марками свои альбомы. Ответы должны быть полными, хорошо оформленными. Если некоторые вопросы покажутся вам трудными, то не обязательно отвечать на них. Можно ответить на один-два вопроса. Жюри конкурса будет оценивать **каждый** ваш ответ. Отвечать можно одному или коллективно.

Коллективные работы будут отмечаться специальными призами.

Десять абсолютных победителей, ответивших правильно и интересно на все вопросы, будут награждены главными призами.

Поощрительными призами — кляссерами с марками, филателистическими сувенирами, книгами — будут отмечены наиболее интересные ответы на отдельные вопросы.

Не забудьте на конвертах написать **«Филателистическая викторина».**

Присылать марки и другие филателистические материалы не надо.

Ответить на вопросы нашей викторины вам помогут книги по филателии и журнал «Филателия СССР».

Итак, за работу! Переверните страницу и познакомьтесь с вопросами викторины.

Значок члена Всесоюзного общества филателистов.

Значок члена юношеской секции ВОФ.

«СЧАСТЛИВЫ ДЕТИ, ЕСЛИ МИР НА ПЛАНЕТЕ»

ВИКТОРИНА

Вопрос первый

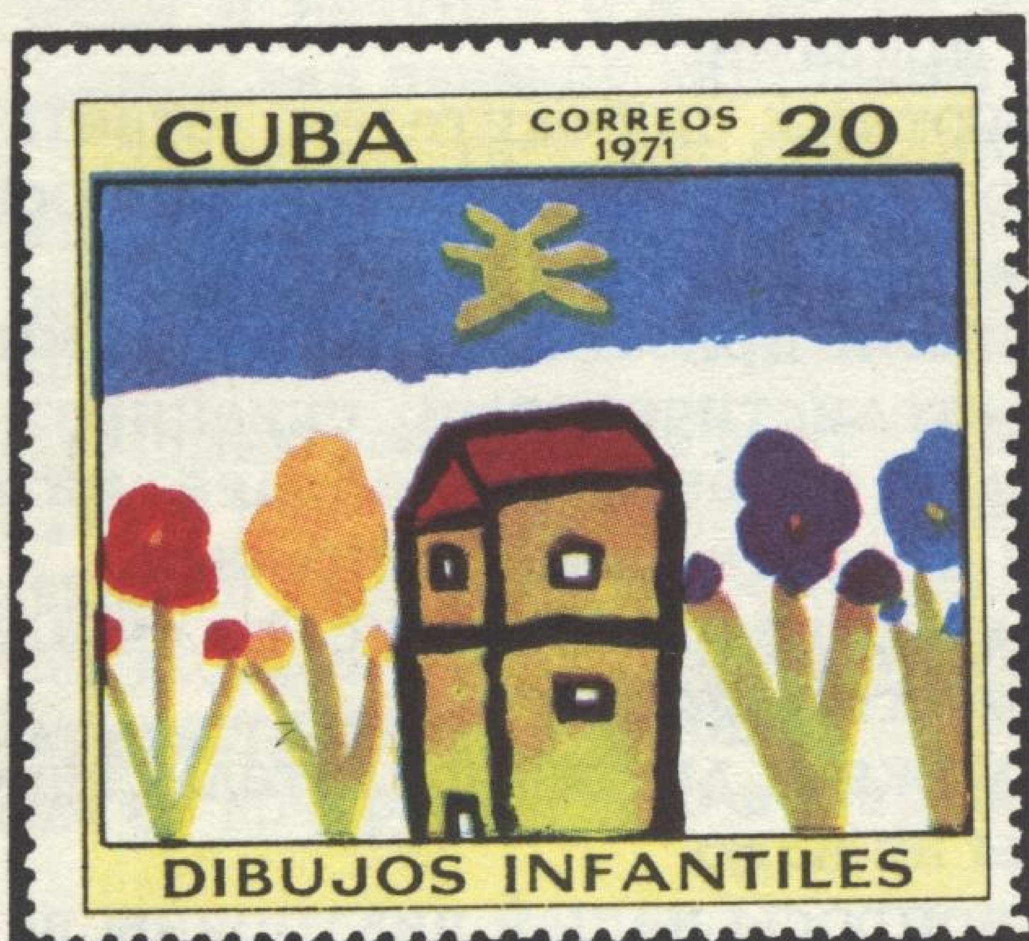
Перед тобой три марки, выпущенные в разных странах с эмблемой ЮНИСЕФ. Что это за организация? Где выпущены эти марки?

Вопрос второй

Это марки ГДР, Болгарии, Венгрии и СССР. Они посвящены пионерским организациям этих стран. В каких странах еще были выпущены марки, рассказывающие о жизни пионеров? Расскажи подробно об одной из марок или серии марок на эту тему.

Вопрос третий

1 июня — Международный день защиты детей. Ты видишь почтовую марку Чехословакии, посвященную этому событию. С какого года отмечается Международный день защиты детей? И в какой стране вышла первая марка, посвященная этому дню?



Вопрос четвертый

Многие ребята любят рисовать. Перед тобой марки Кубы и Венгрии, на которых детские рисунки. Выходили ли подобные марки и блоки в Советском Союзе? Когда?

Вопрос пятый

В прошлом месяце советские пионеры отмечали юбилей своего любимого писателя. И не раз на вечерах, на пионерских сборах звучали слова: «Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной». Из какого рассказа эти строки? Когда была выпущена почтовая марка СССР с изображением героев этого рассказа? Какие ты знаешь марки, посвященные писателю?

Особое задание

Расскажи о своей коллекции и самой дорогой для тебя марке или блоке марок. Напиши, состоишь ли ты в клубе или в кружке юных филателистов? Чем вы там занимаетесь?

Ответы присылайте до 15 апреля по адресу: 101459, ГСП-4, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, журнал «Пионер».

Жюри конкурса

Школьный музей

«Здравствуй, «Пионер»!

Откликаемся на вашу статью «У вас в школе есть музей?». В нашей школе создан музей А. П. Гайдара, который был открыт в 1969 году. Находится он в небольшой комнатке. Начали собирать материалы о Гайдаре с 1963 года. Первые гайдаровцы совершили три летних и один зимний многодневные походы по нашему краю, отыскали одиннадцать старожилов, помнивших боевого командира, записали их воспоминания. Совершили поездки в Загорск к соратнику Гайдара Никитину П. М., в Лепляву — на место гибели Гайдара. В наш музей приходят письма изо всех уголков страны и из ГДР. Пишут ребята, которых интересует материал о пребывании А. П. Гайдара в Сибири. Мы разыскали семью красного командира Заруднева, поймавшего лично руководителя банды Соловьева, с которой сражались бойцы Красной Армии вместе со своим командиром Гайдаром. Поиск продолжается! В музее появляются все новые и новые материалы.

По поручению совета музея
экскурсовод
Марина Асипова».

Вот какое письмо получил «Пионер» из школы № 16 города Черногорска Красноярского края. Молодцы, ребята!

А у вас есть свой школьный музей? Как он работает?

В нашей стране более семидесяти пяти тысяч школьных музеев. Самых разных: исторических, мемориальных, краеведческих, художественных, естественноисторических и технических. В школах работают Ленинские комнаты-музеи, музеи боевой и трудовой славы. Многим из них присвоено звание **НАРОДНЫЙ.**

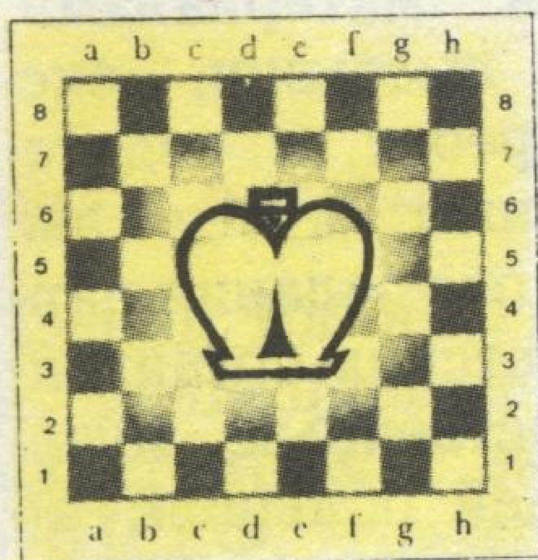
Создать музей — дело не простое, оно требует большого поиска, выдумки и творчества. Когда после экскурсий, работы в архивах, встреч с интересными людьми, переписки вы собрали необходимый материал, директор школы отдаст приказ об открытии музея. Сами ребята выбирают **совет музея.** Активисты музея пополняют его фонды, устанавливают связи с другими школьными музеями, обмениваются материалами, организуют выставки, экскурсии для ребят и родителей. Школьные музеи выполняют важные задания партийных и советских организаций, государственных музеев. Если музей большой, то совет музея организует различные группы и секции. Хотим предупредить всех ребят, кто хочет работать в школьном музее: **бережно относитесь к подлинным документам,** снимайте с них копии, а оригиналы передавайте в государственные музеи, чтобы сохранить их для истории.

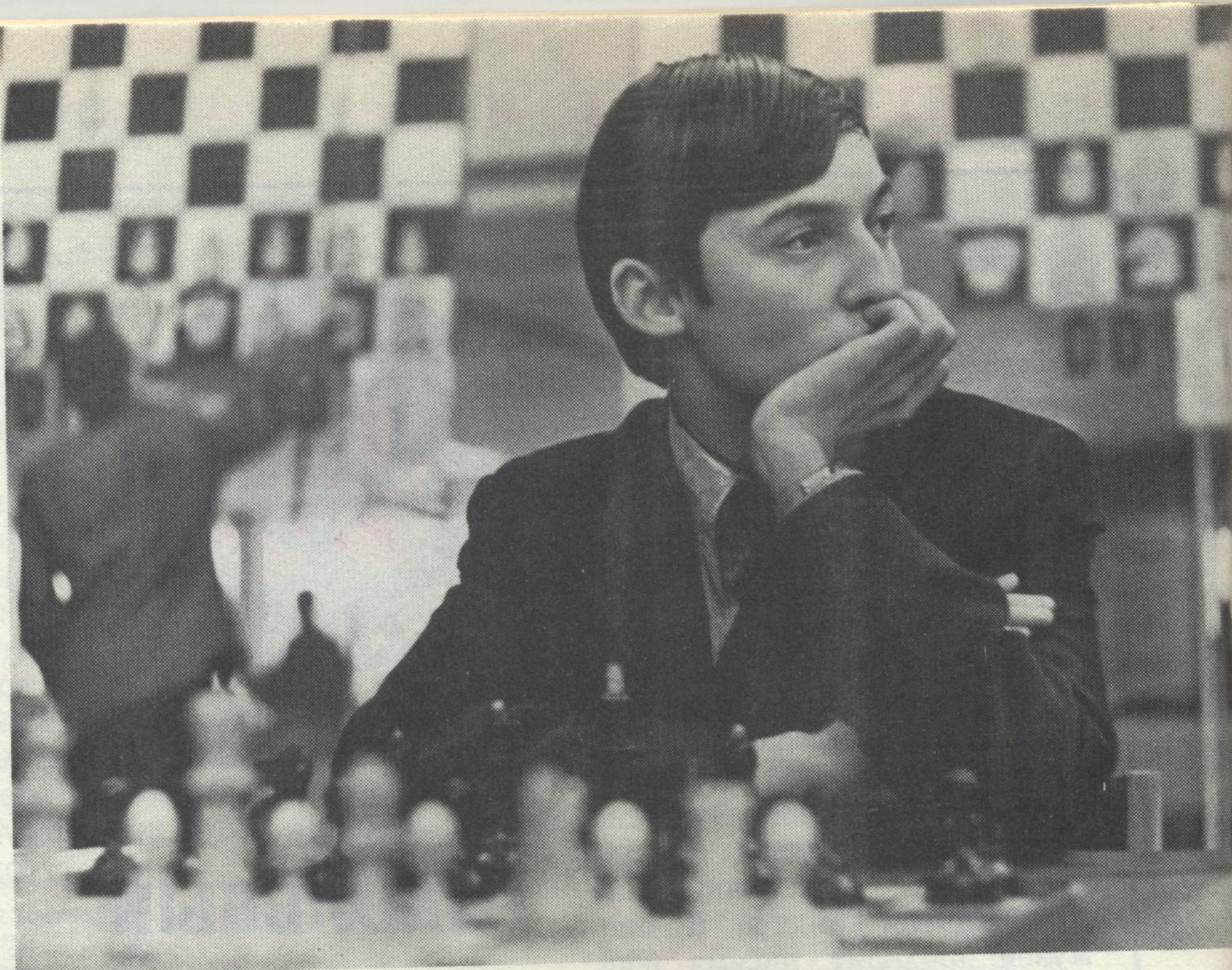
Не ведите пустую переписку. В некоторых письмах из школьных музеев встречаются, например, такие просьбы: «пришлите ваш орден, вышлите личные вещи героя...» Нужно самим вести поиск, записывать воспоминания ветеранов партии и комсомола, ходить в увлекательные походы по родному краю.

Школьный музей — ваш друг и помощник в учении. Работа в нем принесет каждому из вас много новых открытий и радостных минут. **Ждем писем о работе ваших школьных музеев!**

В школьном музее боевой славы.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ





ШАХМАТНАЯ КОРОНА — СОВЕТСКАЯ

Вся страна следила за поединком в Багио.

Вся страна «болела» за Карпова и желала ему победы. И долгожданная победа пришла! В драматическом матче с претендентом Анатолий Карпов отстоял звание чемпиона мира. Он проявил мужество, волю к победе: он знал, что защищает спортивную честь Родины.

Где же сложился характер шахматного короля? На этот вопрос ответить сложно, и все же мы можем сказать с уверенностью: в школе, в пионерском отряде, в институте и в комсомоле.

Не многие знают примечательную страничку из биографии Анатолия Карпова. В летописи «Артека» она осталась навсегда.

...Этого дня пионеры-артековцы ждали с особым нетерпением: они узнали, что в гости в «Артек» приезжает международный гроссмейстер Анатолий Карпов. Громом аплодисментов встретили ребята своего шахматного кумира. Чемпион рассказал о том, как начал учиться играть в шахматы, как пришел в большой спорт, о своих друзьях-гроссмейстерах. А сколько потом было вопросов! Никто из ребят не ожидал, что на этой встрече Анатолий Карпов скажет:

— У вас есть хорошие слова: «Артековец сегодня — артековец всегда!» Мне посчастливилось тоже побывать в «Артеке». Здесь я полюбил шахматы на всю жизнь. И вам советую крепко дружить с этой мудрой игрой, которая воспитывает в человеке замечательные черты — упорство, настойчивость, умение мыслить, волю и сообразительность.

Накануне Анатолий Карпов дал согласие провести с артековцами сеанс одновременной игры. Только он предупредил: «Если можно, то двадцать столиков». Но желающих сыграть с чемпионом мира оказалось так много, что артековцы проявили пионерскую хитрость: они поставили 20 столиков, а на каждый столик не по одной, а по две доски. Анатолий Карпов, конечно, разгадал эту хитрость, покачал головой и сделал первый ход на первой доске.

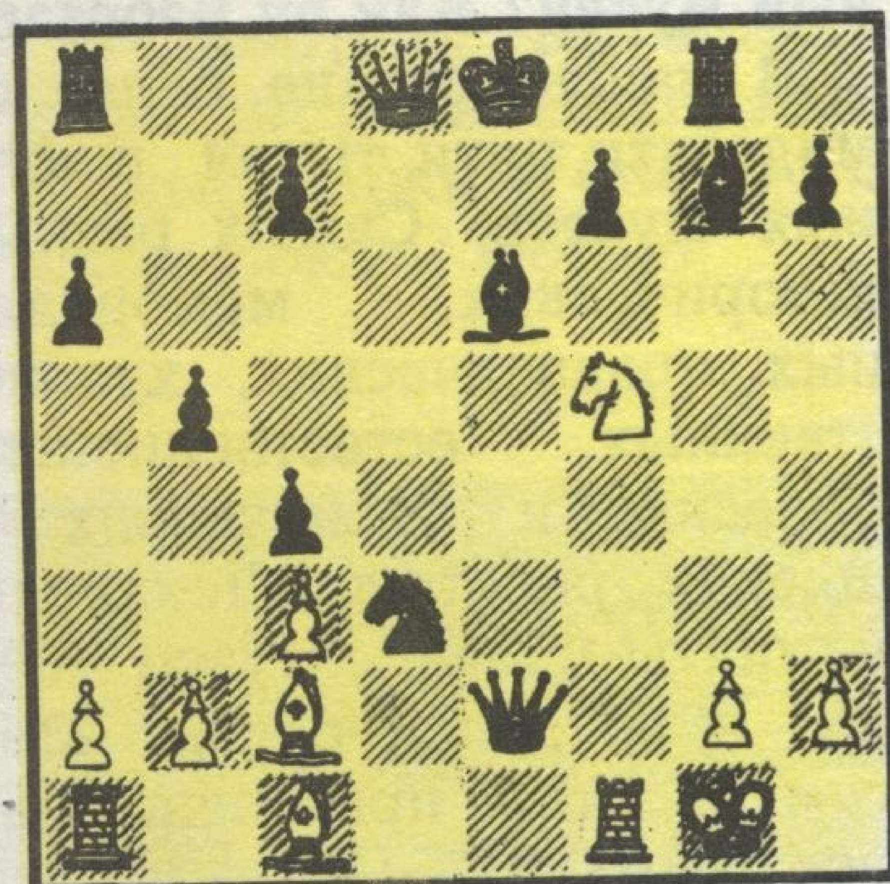
Никому из артековцев не удалось в тот день победить, но каждый из юных шахматистов на всю жизнь сохранит в памяти встречу с чемпионом мира.

Уезжая из «Артека», Анатолий Карпов написал в книге почетных гостей лагеря: **«Артек» — прежде всего сами ребята, веселые, спортивные, жизнерадостные. Глядя на них, я верю, что у советского спорта хорошее будущее».**

Анатолий Карпов — член Центрального Комитета комсомола, президент шахматного клуба «Белая ладья». Он часто встречается с ребятами и не перестает повторять: **«Любите шахматы — эту прекрасную игру!»**

Впереди у Анатолия Карпова новые шахматные сражения, и все читатели журнала «Пионер» желают чемпиону мира ярких побед, новых красивых партий.

К этому положению пришла восьмая партия матча в Багио, в которой белыми играл Анатолий Карпов.



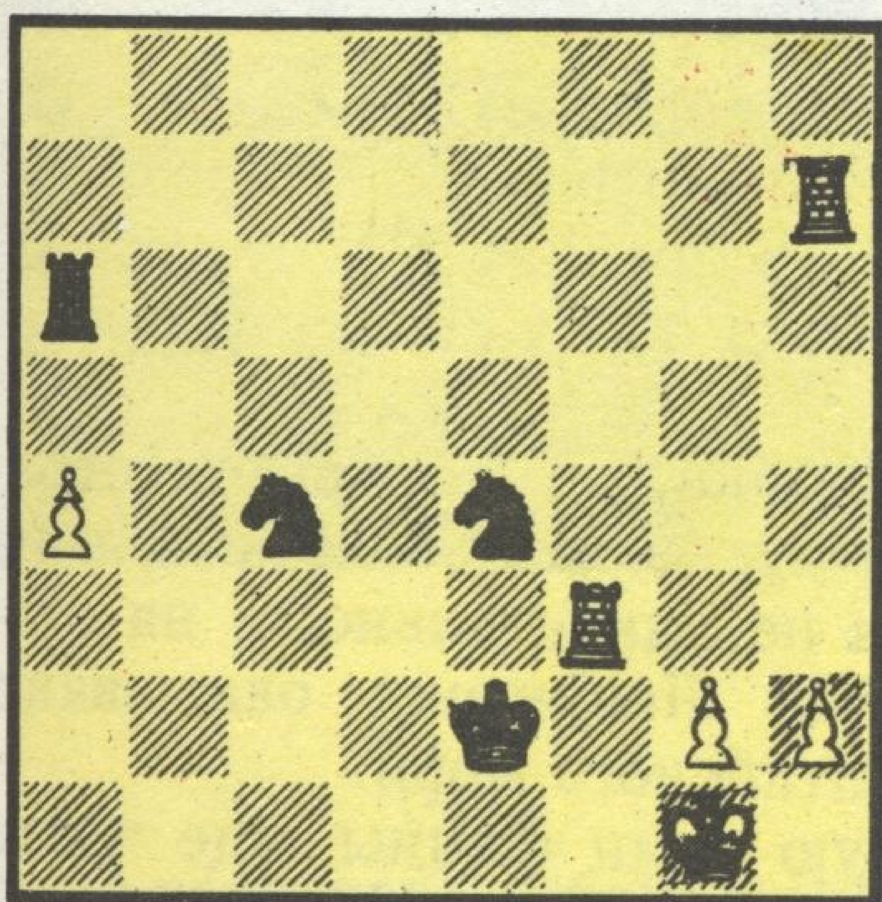
У черных лишняя пешка, но не это обстоятельство определяет дальнейшее развитие событий. Чемпион мира

правильно учел, что плохое положение короля на е8 ставит перед черными неразрешимые задачи.

Игра продолжалась так: 18. Сс1—h6! Сg7—f8 (приходится отступать, если 18... С:h6, то 19. К:h6 Лg6 20. К:f7! с грозной атакой) 19. Ла1—d1 Фd8—d5 20. Сс2:d3 с4:d3 21. Лd1:d3 Фd5—с6 (на 21... Ф:а2 решает 22. Фе4!) 22. Сh6:f8 Фс6—b6+ (после 22... Кр:f8 23. Кd4 белые выигрывают фигуру) 23. Крg1—h1 Крg8:f8 24. Фе2—f3 Ла8—е8 25. Кf5—h6 Лg8—g7 26. Лd3—d7! Ле8—b8 (ладья d7 неприкосновенна, если 26... С:d7, то 27. Ф:f7+, и мат следующим ходом) 27. Кh6:f7! Се6:d7 28. Кf7—d8+. Черные сдались.

Блестяще проведенная чемпионом мира атака!

Необычная позиция приведена на следующей диаграмме. Трудно представить, что эта позиция возникла в практической партии, а не в задаче. В самом деле, разве часто увидишь, чтобы черный король так смело устремился в наступление впереди всех своих фигур.



А где все черные пешки? Они погибли в жестоком бою. Но, конечно, проигрыш черным не угрожает, их кони отлично поддерживают короля.

Карпов здесь сыграл 37... Кс4—d2, и претендент, не подозревавший об опасностях, которые ему угрожают, ответил 38. Лf3—а3.

Конечно, белым не следовало уводить ладью, они могли продолжать 38. h4. После 38... К:f3+ 39. gf Кр:f3 40. Лf7+ ничья неизбежна.

38... Ла6—с6.

А теперь грозит мат на первой горизонтали, и снова белым необходимо было открыть «форточку» для короля, сыграв 39. g3 или 39. g4. Но...

39. Ла3—а1? Кd2—f3+.

Неожиданное и очень красивое решение. Белый король получает мат как при 40. Крh1 Кf2, так и в случае 40. gf Лg6+ 41. Крh1 Кf2.

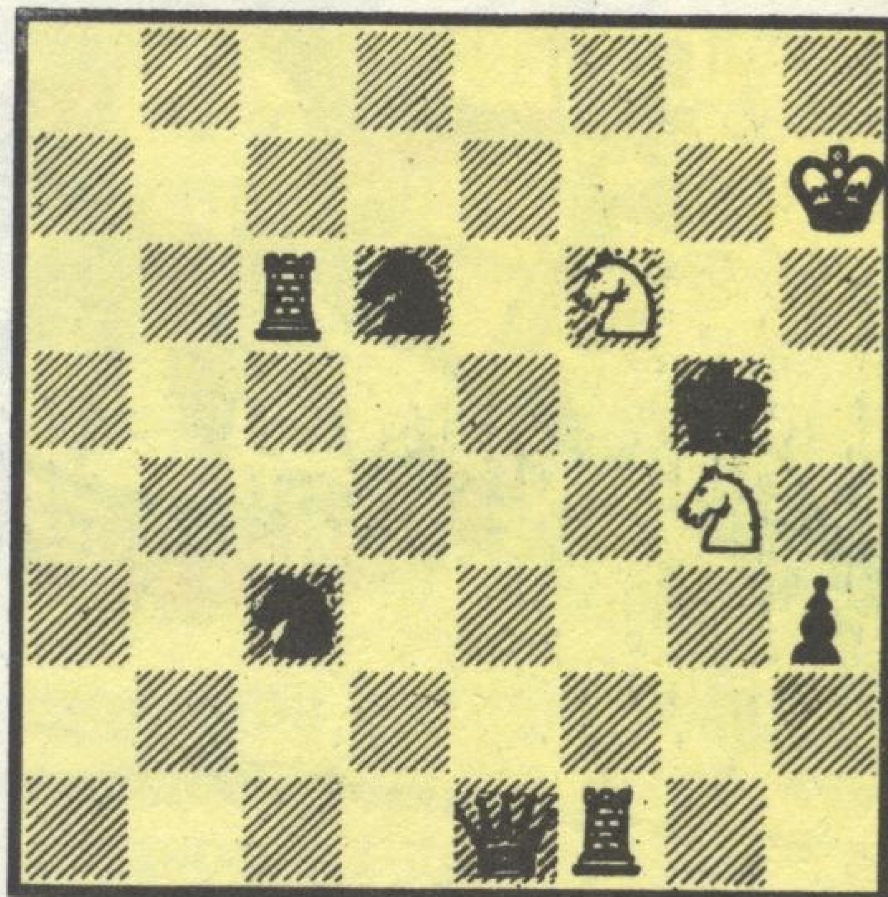
Вот почему претендент признал себя побежденным.

КОВАРНАЯ ФИГУРА

Коварные фигуры — шахматные кони. Много красивых комбинаций возникает, когда играющим удается хорошо использовать эти фигуры для нападения или хитрых ловушек. В следующих двух задачах, которые Пешкин включил в свой конкурс, кони играют главные роли. Чтобы решить эти задачи, надо как следует подумать.

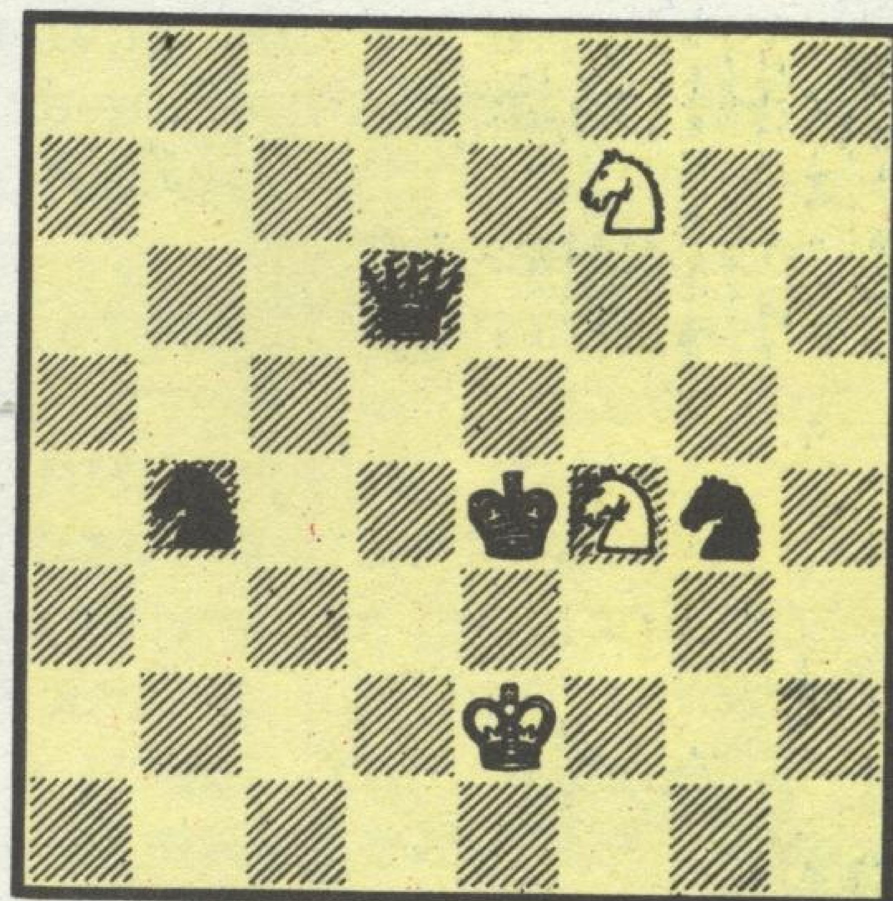
Всем своим друзьям Пешкин рад сообщить, что в его заочном соревновании установлен главный приз — сборник избранных партий Анатолия Карпова с автографом чемпиона мира.

Итак, два конкурсных задания.



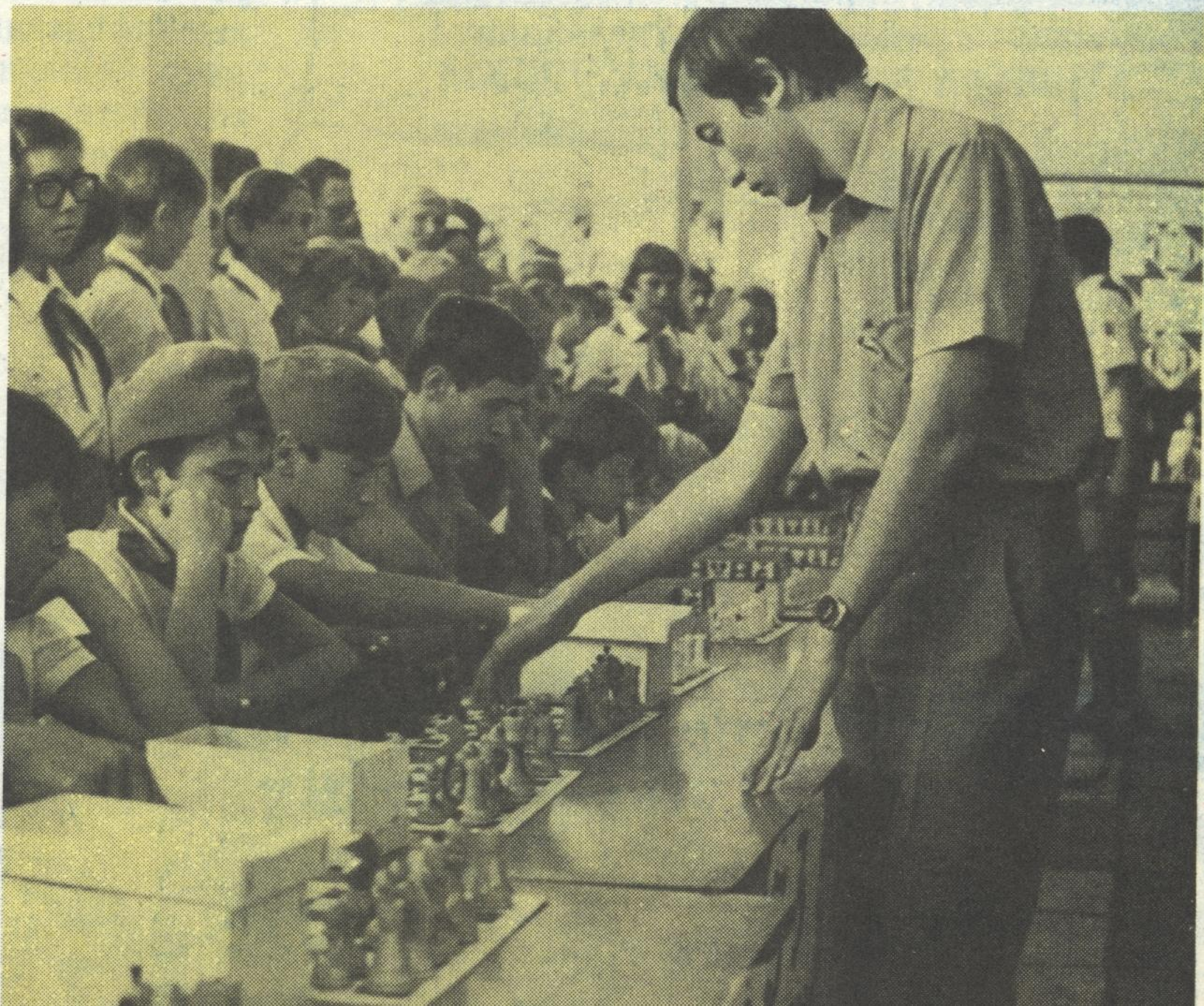
Найдите, как, начиная игру, белые дают мат в два хода.

А в следующей позиции мат достигается в три хода. Игру, как обычно в задачах, начинают белые.



Участники конкурса должны высылать решения не позднее, чем через месяц после получения журнала.

Анатолий Карпов во время сеанса одновременной игры в пионерском лагере «Артек».



Дорогие друзья!

Сегодня впервые в открытое море навстречу ветрам всех широт выходит наш воображаемый корабль «Пионер». Он совершит кругосветное путешествие. Его капитаны — журналисты, писатели, художники, фотокорреспонденты — расскажут вам о далеких городах и странах, о жизни разных народов.

На нашем корабле есть место и для каждого из вас. Хотите стать штурманами?

На контурной карте вы можете проложить маршрут, который кажется вам интересным, маршруты будущих кругосветок «Пионера». Мы бросим якорь у тех берегов, на которых вам захочется побывать.

Ждем ваших писем с маршрутами, предложениями, пожеланиями. Штурманов, предложивших самые увлекательные путешествия, мы зачислим в наш экипаж. На конверте пометьте: «Кругосветное путешествие «Пионера».

Сейчас «Пионер» выходит в **БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ.** Курс — на северо-запад, к берегам **ФИНЛЯНДИИ.** На капитанском мостике журналист-международник, заместитель главного редактора еженедельника «За рубежом» **Георгий КУЗНЕЦОВ**

Финляндия, наш северный сосед

В сентябре прошлого года в маленьком карельском городке Костомукше, неподалеку от границы между СССР и Финляндией, развевались на осеннем ветру советские и финские государственные флаги, гремела музыка. В тот день был заложен фундамент главного корпуса Костомукшского горно-обогатительного комбината. Он строится при участии финских фирм.

Выступая на митинге, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин сказал:

— Мы высоко оцениваем советско-финляндское экономическое сотрудничество, потому что оно увеличивает богатство наших стран и одновременно служит делу укрепления советско-финляндской дружбы.

СТРАНА ШЕСТИДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ОЗЕР

Финляндия находится на западе от наших границ, но сами финны считают себя северянами: треть Финляндии лежит за Северным полярным кругом.

Северные районы страны называют Лапландией. В самом дальнем городке Лапландии Уисиоки, находящемся на границе с Норвегией, полярный день длится в среднем 71 сутки. Зато зимой полярная ночь берет свое, продолжаясь целых 50 суток.

Между тем в Хельсинки, на самом юге страны, климат совсем не суров. Он очень похож на ленинградский. Это и не удивительно: и на столицу Финляндии и на Ленинград оказывают воздействие воды Балтийского моря.

Финляндию, которую сами финны еще часто называют древним именем Суоми, во всем мире считают «малой страной». А она по площади больше, чем Италия, ФРГ или Великобритания, которых к «малым» никто не относит. Дело в том, что население страны не достигает и пяти миллионов человек. Это меньше, чем население одной нашей Москвы!

Почти десятая часть площади Финляндии покрыта реками и озерами. Недаром ее называют «страной 60 тысяч озер». Озера, соединенные между собой протоками, и реки образуют около шести с половиной тысяч километров водных путей. Почти всю Финляндию можно проплыть на лодке. Голубая гладь воды, гранитные скалы, лесистые берега сказочно красивы.

Финны — самые «водные» жители Европы. Из 47 главных городов 16 лежат на берегах озер, а 23 — на морском побережье.

«ДОЧЬ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ»

Так называют столицу Финляндии. Город Хельсинки был основан в 1550 году. Это удивительно красивый город! С трех сторон его омывает море, разрезая берег на многочисленные полуострова и острова. В Хельсинки много сосен, каштанов и берез. И повсюду — мощные глыбы серого и красного гранита, их встречаешь среди домов, в парках. В центре столицы внутри гранитной скалы вырублена целая церковь.

Старый центр города с Сенатской площадью, Кафедральным собором, зданием Государственного совета (правительства) и Хельсинкского университета выстроен в неоклассическом строгом стиле. Он очень напоминает центр Ленинграда.

В Хельсинки много и современных зданий. Хорошо знают во многих странах мира беломраморный концертный зал «Финляндия», в котором проходило Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это великолепное здание построено по проекту выдающегося финского архитектора Алваро Ааалто.

Когда приезжаешь в Хельсинки на теплоходе, корабль добрых два часа плывет по узким заливам — шхерам и, миновав остров-крепость Суоменлинна (бывший Свеаборг), причаливает к пристани... в самом центре столицы — напротив президентского дворца.

По воскресеньям на эту просторную площадь крестьяне съезжаются на очень яркий и богатый рынок. Там можно купить овощи, фрукты, цветы и рыбу — рыбаки торгуют ею прямо из лодок, причаленных к пристани.

С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

Площадь Хаканиеминтори находится в рабочем районе столицы. Здесь больше всего «стеклянных» зданий. На одном из них красным неоном светятся слова: «Общество «Финляндия — Советский Союз».

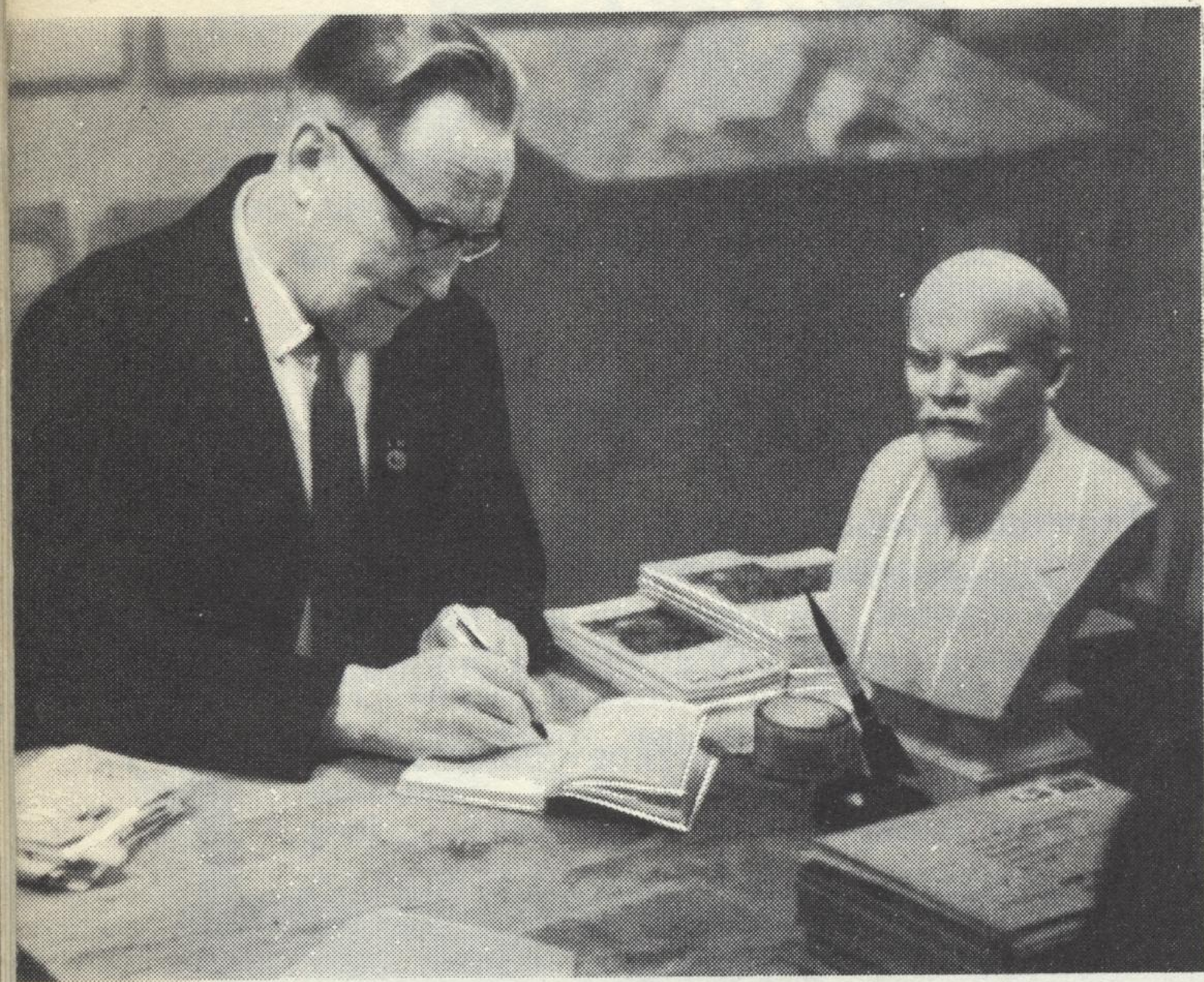
Я побывал в штаб-квартире общества в ноябре 1977 года, когда наша страна отмечала 60-летие Великого Октября. Финляндия в том же году готовилась отпраздновать 60-летие независимости. Генеральный секретарь общества Кристина Порккала рассказала:

— Наше общество стремится как можно ближе познакомить финский народ с Советским Союзом, с жизнью советских людей.

В кабинете секретаря немало подарков, полученных от финских общественных организаций и от советских граждан. Много портретов Владимира Ильича Ленина: один выполнен из различных пород дерева, другой нарисован карандашом, несколько скульптурных бюстов вождя.

— Имя Ленина пользуется у финнов бесконечным уважением, — продолжала Кристина

Финляндия — страна северная.



Один из организаторов музея В. И. Ленина в г. Тампере, Арви Лааксо — старейший член Коммунистической партии Финляндии.

Порккала. — Основатель Советского государства стоял и у истоков независимости Финляндии. Он бывал у нас в стране 26 раз, долгое время жил здесь, в том числе в Хельсинки, и даже на этой площади...

Через несколько минут после нашего разговора я пересек площадь и поднялся по винтовой лестнице на пятый этаж массивного каменного дома. Здесь в августе 1917 года В. И. Ленин скрывался от ищеек Временного правительства в квартире финского социал-демократа Густава Ровио. У «ленинского» подъезда этого дома много лет назад была установлена памятная доска, а осенью 1976 года бывшая квартира Г. Ровио стала мемориальной.

— Правительство купило эту квартиру и передало нашему обществу. А мы с помощью Центрального музея В. И. Ленина и наших ветеранов рабочего движения создали в ней музей, — сказали мне в обществе «Финляндия — Советский Союз».

В музее собрано много документов и фотографий, рассказывающих о пребывании В. И. Ленина в Финляндии, сохранена обстановка тех лет. Есть там и фотокопия Постановления Совнаркома о признании независимости Финляндской Республики. «В ответ на обращение Финляндского правительства о признании независимости Финляндской Республики, — говорится в этом документе, — Совет Комиссаров, в полном согласии с правом наций на самоопределение, ПОСТАНОВЛЯЕТ: Войти в Центральный Исполнительный Комитет с предложением:

а) признать государственную независимость Финляндской Республики...»

И подпись — Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

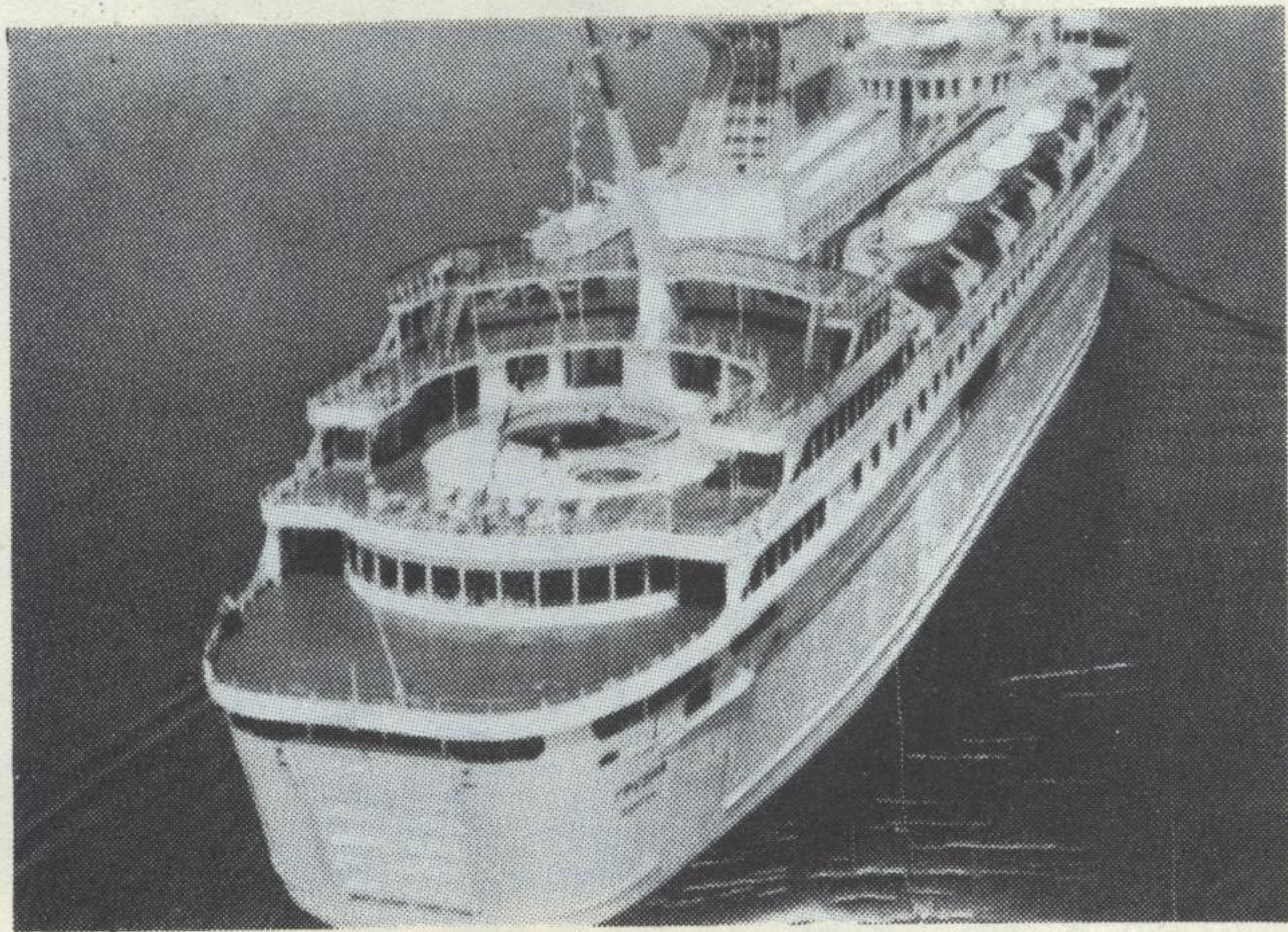
НАРОД-ТРУЖЕНИК

Многие финские предприятия и торговые фирмы сотрудничают с Советским Союзом. Пятую часть товаров, изготовленных в Финляндии, покупает наша страна. Это очень важно, потому что кризис экономики капиталистического мира затронул и Финляндию. В стране выросла безработица. А советские заказы обеспечивают постоянной работой около 120 тысяч финских рабочих. Фирма «Финнстрой», например, сооружает Костомукшский горно-обогатительный комбинат. Государственное акционерное общество «Валмет» поставляет оборудование для Норильского горнометаллургического комбината.

А советские специалисты построили в городе Ловиса первую в Финляндии атомную электростанцию, сейчас сооружают вторую, помогли в строительстве металлургического завода в городе Раха, провели в страну газопровод.

Металлообработка — крупнейшая отрасль промышленности страны. Почти каждый третий рабочий — металлист. И, пожалуй, самой большой известностью в мире пользуются финские морские суда.

Несколько лет назад я был в Хельсинки на судостроительной верфи финского концерна «Вяртсиля». В вестибюле конторы я увидел модель широкогрудого ледокола, на нем золотом было написано дорогое каждому советскому человеку слово «Москва».



Теплоход «Грузия».

— Построенному судну отдаешь кусочек сердца, — сказал мне тогда директор верфи. — Но дороже всего тот корабль, который было труднее строить. Такой, как ледокол «Москва» — самое мощное судно, сошедшее с наших стапелей.

Верфь «Вяртсиля» в городе Турку тоже строит корабли для СССР. После войны в ее цехах родилось триста судов для нашей страны.

Начальник корпусного цеха Харви Костинен проработал на верфи тридцать два года и участвовал в постройке двухсот судов для СССР.

— Серия пассажирских судов, таких, как «Белоруссия», мне запомнится на всю жизнь,— сказал он.— Строительство теплоходов «Белоруссия», «Грузия», «Азербайджан», «Казахстан» и «Карелия», которые можно сей-

Знаменитые Лахтинские трамплины.

час встретить на всех широтах и всех морях, было крупнейшим заказом в истории пассажирского судостроения...

Одним словом, финны оправдывают свою репутацию самых «водных» жителей Европы.

Но Финляндия еще и страна лесов. Они по-

Финская баня известна всему миру. Эти построены в виде бочонков.

крывают семьдесят процентов ее территории — больше, чем где бы то ни было на земном шаре. Летом на реках и озерах то и дело встречаешь огромные плоты. Это заготовленный зимой лес сплавляют по воде на фабрики. Там из него изготовляют доски, фанеру, мебель. Опилки и ветви идут для приготовления целлюлозы, из которой потом делают бумагу и картон. Многие наши издания часто печатаются на финской бумаге.

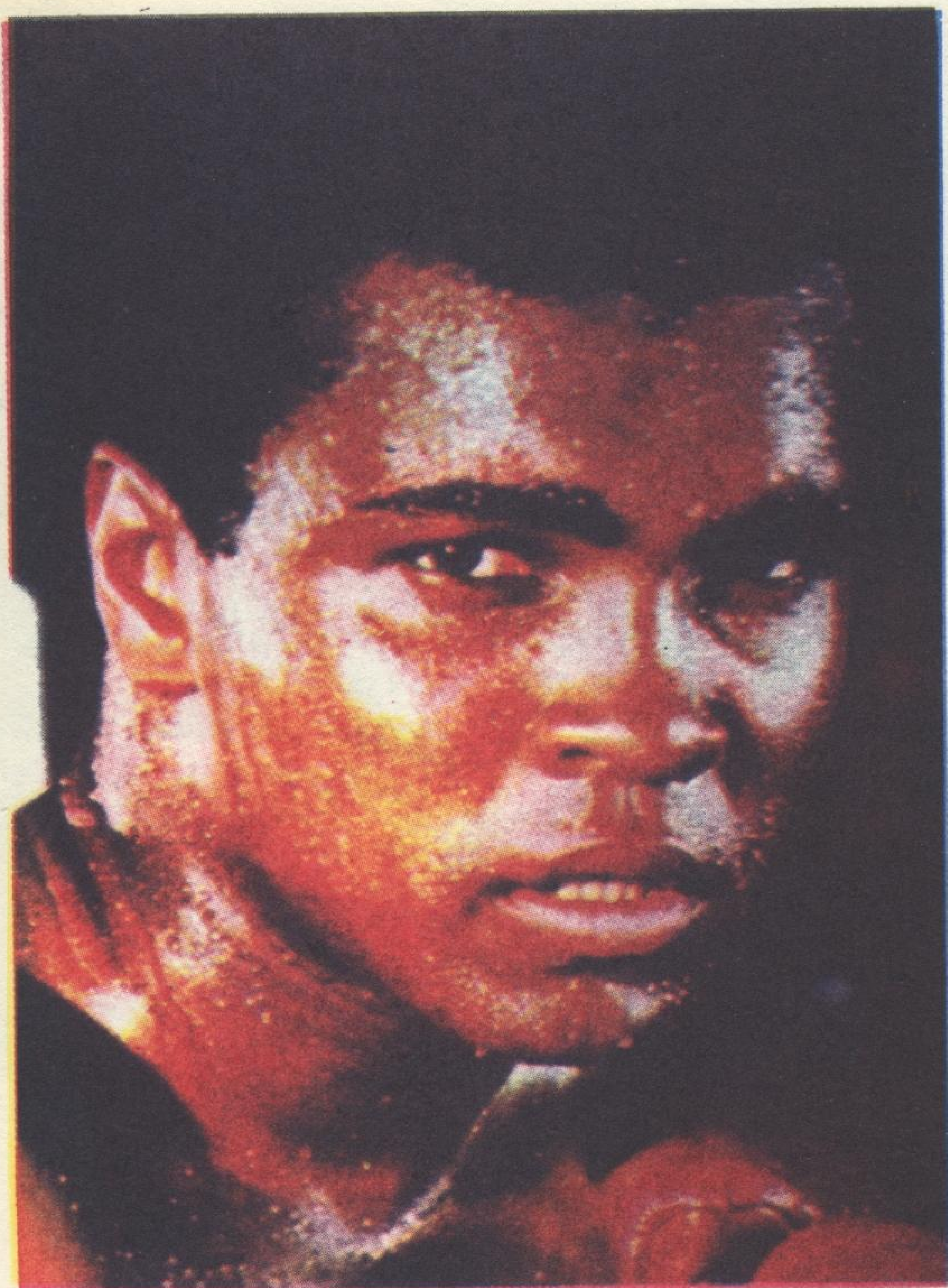
Да, финны очень трудолюбивый народ. Недаром в центре Хельсинки стоит памятник труду: три кузнеца, бьющие тяжелыми молотами по наковальне.

...Когда едешь поездом в Финляндию и за Выборгом пересекаешь государственную границу, то Суоми узнаешь сразу. По маленьким клочкам земли крестьянских полей; по кучам камней и гранитным глыбам; по тихим озеркам с лодками; по окрашенным в яркие цвета домикам деревень; по строгому облику небольших городов. Чем дальше на север, тем суровее черты природы. Но, глядя на дела рук человеческих, видишь, что люди сумели поладить, сдружиться с природой. И это еще одна черта финнов и Финляндии, нашего северного соседа.

Зимний городской пейзаж.

Фотографии А. БОЧИНИНА, С. СЛАВИНА.

Рисунок А. БОРИСОВА



НЕИСТОВЫЙ АЛИ

В. ВЛАДИМИРОВ

...15 сентября 1978 года. Огромный — на семьдесят тысяч зрителей — спортивный дворец «Луизиана» в Новом Орлеане бушевал. Только что закончился поединок двух сильнейших в мире боксеров профессионалов. На пятнадцатом раунде знаменитый Мохаммед Али нанес поражение Леону Спинксу и вернул себе титул чемпиона мира в тяжелом весе.

Его путь в бокс начался неожиданно. Однажды у мальчугана отняли на улице новенький, блестящий велосипед — подарок отца.

— Чего ты ревешь, малыш? — подошел к нему полицейский. Кассиус рассказал о пропаже.

— Не плачь, парень. Хочешь, я научу тебя боксу? Ты будешь сильнее всех!

Это было в 1954 году. Будущий знаменитый боксер, а пока что нескладный мальчишка по имени Кассиус Клей начал тренироваться у своего первого тренера — полицейского из Луисвилля.

Однажды в Луисвилль, где жила семья Клей, приехал известный тренер Анджело Данди. Вечером того же дня в роскошном номере отеля, где остановилась знаменитость, раздался телефонный звонок.

— Меня зовут Кассиус Клей, — услышал Данди звонкий голос, — мне 16 лет. А через два года я стану олимпийским чемпионом. Если же вы возьметесь за меня, я стану и чемпионом мира среди профессионалов. Ну как?

Удивительно, но Данди тут же согласился. И не жалеет об этом до сих пор.

Тренировки, тренировки, тренировки. И вот в восемнадцать лет Кассиус уже выступает на Олимпийских играх в Риме в 1960 году. Удивительная реакция, мощные удары. Мастерство спортсмена произвело сенсацию.

Он стал олимпийским чемпионом. И сразу же ушел в профессионалы. Для тысяч и тысяч негритянских юношей это единственный способ выбраться из нищеты. «Когда негру нечего есть, он идет на ринг, чтобы заработать на обед», — так говорил знаменитый боксер, чемпион мира Джо Луис.

Но выбраться из ужасного гетто удается единицам. Мохаммеду Али — точнее, пока еще Кассиусу Клею — удалось. Став профессионалом, он одного за другим победил знаменитых соперников — Арчи Мура, Генри Купера, Дага Джонса.

Наконец пришло время помериться силами с самим чемпионом мира — Сонни Листоном. Каждый его удар мог свалить быка. Все бои Сонни заканчивал досрочно. Но в поединке с Клеем после шестого раунда Листон не смог продолжать бой. Кассиус Клей стал новым чемпионом мира среди тяжеловесов-профессионалов.

Наступил 1967 год. Америка вела агрессивную войну во Вьетнаме. К этому времени Мохаммед Али, так стал называть себя боксер, приняв мусульманскую веру, уже девять раз защищал свой чемпионский титул. Однако вскоре ему предстояло начать более серьезные бои.

В знак протеста против грязной войны многие американцы сжигали призывные повестки. Наконец такая повестка пришла и к Али. Ему надлежало явиться на призывной пункт и отправиться во Вьетнам «защищать свободу и демократию», как заявляли руководители США. Али отказался. «Я поехал бы во Вьетнам, если бы мог тем самым облегчить участь двадцати миллионов черных американцев, завоевать им свободу и равенство. Но меня посылают убивать людей, которые сами борются за свободу. Я предпочту просидеть пять лет в тюрьме, чем воевать за неправое дело...» — сказал Мохаммед Али.

Тут же многие газеты США обвинили его в том, что он «плохой гражданин». Но Али

был непреклонен. Тогда против него начали судебное дело. А руководители Всемирной ассоциации профессионального бокса дошли до того, что... лишили мужественного спортсмена чемпионского титула.

Спортсмен не выступал на ринге в течение долгих четырех лет. Зато его часто видели на антивоенных митингах, на пресс-конференциях в защиту вьетнамского народа. Али стал борцом за мир и справедливость. Наконец Верховный суд США был вынужден оправдать Али. Боксер вернулся на ринг. Годы, проведенные без тренировок, не прошли даром. В 1971 году спортсмен проиграл Джо Фрэзеру. Казалось, сильнейшим в мире Али уже не стать. Вновь тренировки, тренировки, тренировки... И, наконец, в 1974 году, уже в 32 года, он вновь оказался на вершине: уверенно нокаутировал очередного чемпиона — Джорджа Формена.

Еще в десяти боях Али не знал поражений. А затем неожиданно уступил — 25-летнему Леону Спинксу, выходцу из гетто Сент-Луиса. Это было в начале прошлого года. Казалось, теперь-то ветеран бокса, человек, которого назвали самым популярным спортсменом Америки минувшего десятилетия, покинет ринг. Но можно только удивляться настойчивости, мужеству «неистового Али». Он заявил, что хочет вновь стать чемпионом мира, первым в истории спорта добиться чемпионского титула в третий раз. Он вызвал Спинкса на матч-реванш и... победил!

Недавно Мохаммед Али приезжал в нашу страну. Побывал в Москве, Бухаре, Самарканде. Встречался с советскими людьми. Провел показательные поединки с тремя лучшими нашими боксерами — Горстковым, Заевым, Высоцким.

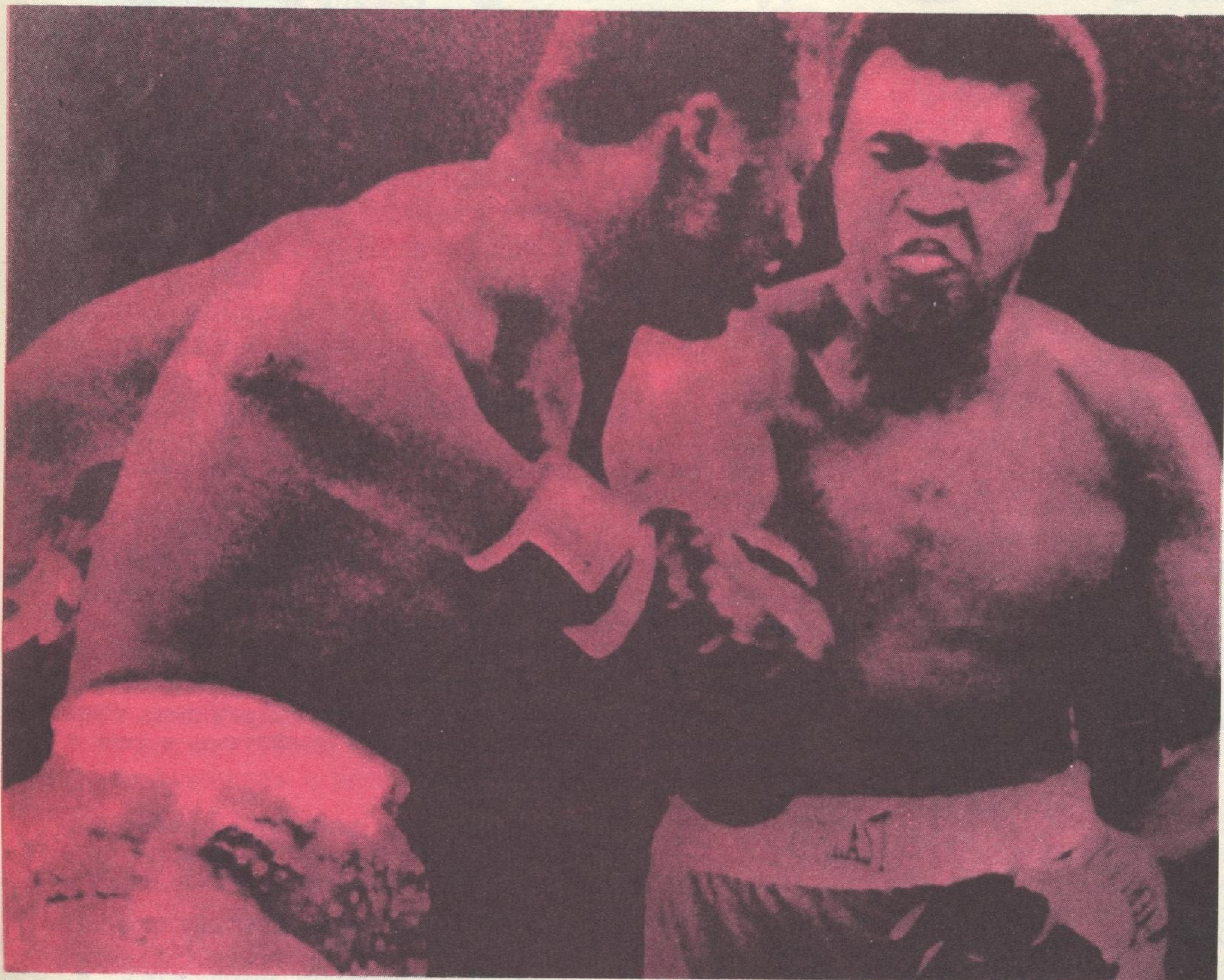
«Перед отъездом моя мать предупреждала меня, — рассказывал спортсмен, — чтобы я остерегался русских. О вас я судил по американским газетам. Я думал, что, выйдя из самолета, увижу солдат с автоматами, мрачных, неразговорчивых людей. Как же я был неправ!»

В Советском Союзе Али удивляло все. Дружелюбие советских граждан, их стремление к взаимопониманию и миру, то, что у нас нет нищих и неграмотных, то, что не нужно страшиться завтрашнего дня.

После встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым Мохаммед Али, волнуясь, рассказывал: «Я — простой боксер. Но советский руководитель разговаривал со мной как с неофициальным послом мира. Мы и говорили — о борьбе за мир, за счастье людей. Наши народы не должны знать войны. На наши города не должны падать бомбы. Никогда!»

Теперь, когда Али вновь чемпион мира, он, по всей видимости, не собирается покидать ринг. Возможно, любители спорта смогут еще не раз наслаждаться его филигранной техникой.

Но даже если мы не увидим больше Мохаммеда Али на ринге — он оставил свой след в истории спорта.



«Порхать, как бабочка, жалить, как оса» — вот девиз чемпиона. (Мохаммед Али — справа).

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Юра, что ты можешь нам рассказать о лисе?

Юра. Лиса — это... куроядное животное.

Юра Найденов, г. Севастополь.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Назови основное занятие жителей Канады?..

Ученик. Хоккей.

Наташа Хвостова, д. Головка, Ростовская область

* * *

Учитель. Как влияет Северный Ледовитый океан на Евразию?

Ученица. Северный Ледовитый океан дует на Евразию.

Чернова, Щепинкова, МАССР

НА УРОКЕ ГЕОМЕТРИИ

Учитель. Какую мы сейчас доказали теорему?

Ученик. Если точка лежит на биссектрисе угла, то эта точка равнобедренная.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Какого склонения существительное «лев»?

Ученик. Сильного.

Вита Ставицкая.

* * *

Учитель. Назови слово, родственное слову «доктор»...

Ученик. Айболит.

Настя Крупнова, Красноярский край.

Из школьных сочинений

«Такси часто бывают в городах. Там они работают: таскают людей».

«Волга точит камни, потому что они острые».

«В Византии развивалось юмористическое ремесло».

«На столе стояло три свечи. В то время часто отключали электричество и календарь».

«Где-то пастух пас свои стада, и какие-то облака носились немножко ниже неба».

«...На переднем плане раскинулась шатром зима. Снег блестит на солнце. Так и хочется шлепнуться в снег и нарушить тишину зимы».

За серьезное и несерьезное поведение взрослых и детей на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Роберт БАБЛОЯН

ВРЕМЯ В ЛИЦАХ

Николай Георгиевич Кочнев.

Передо мной толстая книга. В ней более восьми тысяч адресов и фамилий. Даже по одним окончаниям фамилий — «ов», «ин», «ян», «ко», «ас», «дзе» или «швили» — можно догадаться, что перед нами необычная книга. В ней представлены люди, говорящие на всех языках народов нашей страны. Это «Справочник Союза писателей СССР».

Жаль только, что рядом с фамилиями и адресами поэтов, прозаиков, драматургов, многие из которых нам известны с детства, нет фотопортретов. Но я знаю человека, у которого дома хранятся уникальные фотографии — фотопортреты почти всех современных советских писателей, всего несколько тысяч. У этого уникального собрания фотодокументов своя особенность: на снимках люди, чьи книги издаются в нашей стране и за рубежом миллионными тиражами. Фотограф снимал писателей на съездах и встречах с читателями, на твоей любимой «Книжкиной неделе» и новогодней елке, во время поездок по стране. Я не раз смотрел эти документы и каждый раз невольно думал об одном: как важно для будущего, для страны сохранить нашу историю, как важно запечатлеть на века портреты тех, кто пишет великую историю великой страны. Фотодокументалисты сохранили для нас снимки Максима Горького на первом писательском съезде, Владимира Маяковского, читающего свои стихи. А сколько интересных снимков сделали фотокорреспонденты в дни, когда на нашей земле полыхала война! Мы видим на них молодого Александра Твардовского, только что написавшего «Василия Теркина», видим Константина Симонова в офицерской форме, Илью Эренбурга, чьи статьи в «Красной звезде» с нетерпением ждали в солдатском окопе.

Давайте совершим небольшое путешествие в дом фотографа Николая Георгиевича Кочнева, которого знают почти все писатели нашей страны. Он живет на улице Энгельса в Химках. Все в этом доме необычно. Длинные многоэтажные стеллажи. Вместо книг — тоненькие папки. На папке — фамилия, имя, отчество писателя, внутри — негативы и позитивы. Здесь же краткие сведения: когда и где сделан снимок, кто на этом снимке.

Вот первая полка на букву «А» — «Алексеев», «Алексин», «Ахмадулина»... Вот на букву «Б» — «Барто», «Богданов», «Берестов»... «В» — «Ваншенкин», «Воскресенская», «Высотская»... Стоит прикоснуться к любой папке, открыть ее — и она заговорит... необычным языком фотографии. И перед нами пройдут незабываемые лица дорогих всем писателей.

Вот Корней Иванович Чуковский. Снимок сделан двадцать лет назад. О чем задумался Корней Иванович, сидя на скамейке в саду? Мы можем только предположить — о новых стихах, рождающихся в минуты молчания, о предстоящих встречах с детьми, которых он любил самозабвенно и бесконечно.

Вот снимок Агнии Львовны Барто, лауреата Ленинской премии, чьи стихи ты знаешь наизусть с той минуты, когда научился говорить. Агния Львовна — большой друг многих поколений наших ребят, замечательный педагог. Такой ее и запечатлел фотограф.

А вот Самуил Яковлевич Маршак. Это по инициативе М. Горького и С. Маршака было создано в нашей стране детское издательство, тиражи изданных книг которого сейчас исчисляются миллиардами экземпляров. На снимке Самуил Яковлевич немного строг, он весь ушел в дело, глубоко сосредоточен. Это мгновение и «поймал» объектив фотоаппарата.

Почти в каждом доме есть фотографии. Фотография — короткий отрезок прожитой человеком жизни — способна волновать нас долгие годы.

Фотография — ценный документ любого архива: домашнего, музейного, государственного — лучше самого подробного описания передает особенности времени и человека.

Николаю Георгиевичу Кочневу исполнилось

Михаил Александрович Шолохов в Вешенской школе. 1970 год.

60 лет, двадцать из них он посвятил своему любимому делу — фотографии.

— После демобилизации, — рассказывает Николай Георгиевич, — я шел по Москве и неожиданно в витринах Дома детской книги увидел фотографии Маршака, Шолохова, Кассиля, Барто. Я тогда подумал: как интересно быть фотографом! Помочь людям — и сегодняшним и завтрашним — вглядеться в лица тех, чья жизнь стала частицей биографии страны, чьи книги — частица нашего национального богатства. И тогда я решил стать фотографом-портретистом.

В квартире Кочнева есть большая библиотека, но тоже необычная — в ней собрано 700 книг с автографами советских писателей и литераторов многих зарубежных стран.

«Тихий Дон». Открываем том, на титульном листе — известный теперь снимок Михаила Шолохова, на нем писатель снят в свитере. Эта фотография, которая очень понравилась и самому писателю, публиковалась в книгах больше ста раз! Под снимком — надпись:

«Автору этого портрета Кочневу Н. Г. с добрыми чувствами. М. Шолохов. 24.6.70 г.».

Открываем еще одну книгу. Надпись: «Отличному мастеру своего дела от подмастерья литературного цеха... Георгий Марков».

Еще одна книга с шутливыми стихами:

«Приветствую Кочнева,
Мастера точного,
Хоть не очень срочного.
Лев Ошанин».

«...Поэту и художнику своего дела», — подписал Анатолий Алексин, лауреат Государственной премии СССР, одну из своих книжек с портретом работы Кочнева.

Нет ни одного крупного литературного события в Москве, ни одного важного совещания писателей, на котором не присутствовал бы Кочнев. Он снимает литераторов не только в столице, но и часто выезжает в союзные республики, в города Сибири и Дальнего Востока и там продолжает свою работу — фотолетописца литературного фронта. Поэт Виталий Коржиков пожелал Н. Кочневу, чтобы он сумел запечатлеть весь Союз писателей «от Москвы до самых до окраин».

Самуил Яковлевич Маршак за работой. 1958 год.

— Первый мой снимок, — рассказывает Николай Георгиевич, — был напечатан в армейской дивизионной газете «Красный снайпер», когда я еще был сержантом... А фотоделом заниматься стал давно. Еще будучи пионером, тринадцатилетним мальчиком, я выпросил у ро-

Сергей Владимирович Михалков со своими читателями. 1974 год.

дителей деньги, купил в аптеке большую линзу и смастерил самодельный аппарат...

Во время нашего разговора в комнату вошла супруга фотографа Елизавета Алексеевна и принесла несколько коротких отполированных досок.

Выяснилось, что лет пятнадцать назад один из писателей, уходя от мастера, на одной из досок, находившейся поблизости, сделал благодарственную надпись. С этого все и началось. На таких же досках написали теплые слова, свои пожелания в адрес мастера и автографы Пабло Неруда, Анна Зегерс, Джеймс Олдридж... Всего четыре с половиной тысячи автографов.

«Галерея советских писателей» — так называют литераторы и журналисты собрание фотографий Николая Кочнева. С частью из них москвичи познакомились на девяти прошедших его персональных выставках: в Центральном доме литераторов, в Колонном зале Дома союзов, в редакциях журналов и издательств.

Корней Иванович Чуковский в Переделкино. 1958 год.

Мария Павловна Прилежаева. 1967 год.

Юные фотолюбители!

Вы только что прочитали очерк о фотографе Николае Георгиевиче Кочневе. Вы поняли, какие большие возможности таит в себе фотография, особенно если она документальная.

Не обязательно выбирать себе профессию фотографа, чтобы заниматься фотографированием. Умелое и смелое владение фотоаппаратом позволит вам запечатлеть на пленку людей, события или исторические памятники, которые, быть может, не всем нам доведется увидеть. Но благодаря вашим снимкам это станет доступным всем читателям «Пионера», в каком бы уголке нашей необъятной Родины они ни жили. Мы ждем ваших снимков. Лучшие из них будут отмечены «Пионером» специальными призами.

Редакция журнала «Пионер»

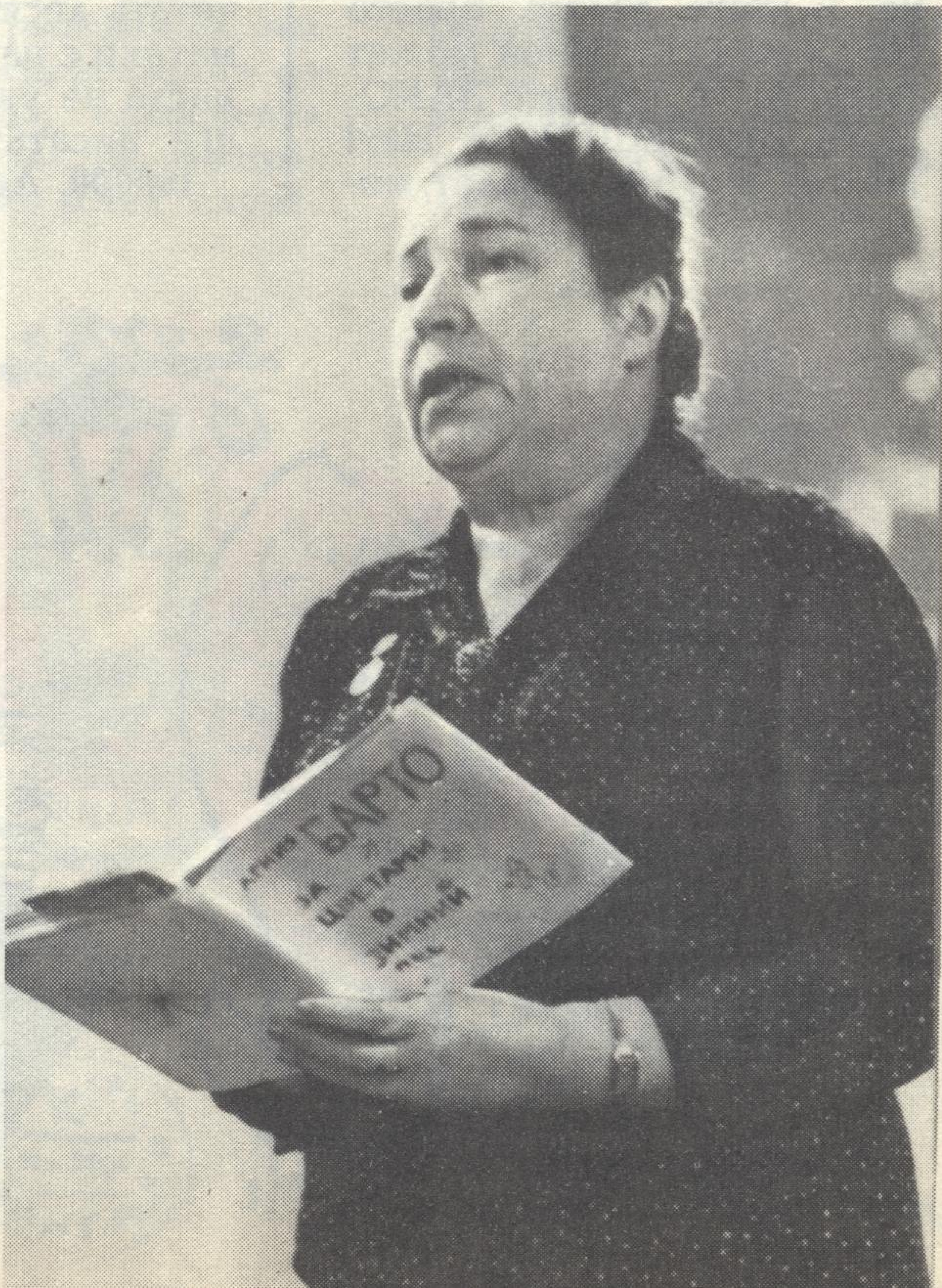
Фотограф — летописец своего времени. Все снимки Н. Кочнева, собранные вместе, составляют цельную картину литературного лица нашей эпохи.

Рассказ о фотографе Н. Кочневе и его фотографиях хочется закончить шутливым четверостишием узбекского поэта, автора нашего журнала Раима Фархади:

Фото — это не работа,
Это свет и скорость света.
Это вечная забота
О бессмертии поэта.

...Остается лишь добавить: «и не только поэта».

Агния Львовна Барто. 1973 год.

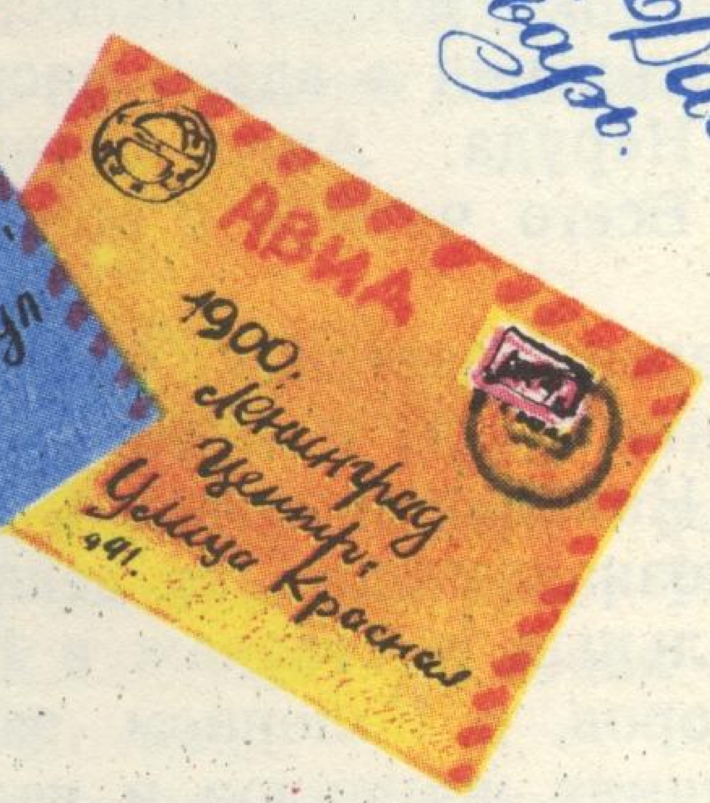


ЗВУКИ, БУКВЫ, СЛОВА

А Я вам не советую!

«Осторожный советчик не каждому доверяется...»
Вл. Даль. словарь.

ЗАПРЕЩЕНО ЗАКОНОМ



Лев УСПЕНСКИЙ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Некоторые поступки бывают прямо ЗАПРЕЩЕНЫ ЗАКОНОМ. Например, нельзя выбрасывать тяжелый груз из окон верхних этажей на панель. Того, кто так выбросит кирпич или утюг, строго накажут.

А бывают такие действия, про которые ЗАКОН молчит, а делать их все-таки не следует. Ну, хотя бы взять мамин или сестричкин одеколон и тоненькой струйкой лить его туда же, за окно. Я этого делать просто НЕ СОВЕТУЮ. Иной может сказать: «А что, это ЗАКОНОМ ЗАПРЕЩЕНО?» Нет! Но тот, кто так сделает, может нарваться на неприятность. В ЗАКОНЕ об этом не говорится, а вот хорошие манеры поступать так воспитанным ребятам не позволяют.

Такое же ДВОЙСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ наблюдается и в языке.

АДРЕС НА КОНВЕРТЕ

Вам надо написать мне письмо, а значит, и адрес на его конверте. Можете прочитать десять раз все грамматики с начала и до конца, нигде не узнаете, как лучше писать:

190000, Ленинград, Центр, КРАСНАЯ улица, дом 71, кв. 114,

Ивану Ивановичу Иванову.

или вот эдак:

190000, Ленинград, Центр, улица КРАСНАЯ, дом 71, кв. 114,

ИВАНОВУ Ивану Ивановичу.

Как будто бы совершенно все равно, как...

А теперь я разобью вопрос на два: А) ПРО УЛИЦЫ; Б) ПРО ФАМИЛИЮ, ИМЯ и ОТЧЕСТВО.

А) В Ленинграде, где я это сейчас пишу, вот уже почти триста лет, как существуют три древнейшие

улицы: Большая ЗЕЛЕНИНА, Средняя ЗЕЛЕНИНА, Малая ЗЕЛЕНИНА.

Странное имя «ЗЕЛЕНИНА» получилось из старорусского слова «зелье», оно в давние времена значило «порох».

Петр I любил порядок: «ружейных мастеров» он поселил на Ружейных улицах, «пушкарей» — на двух Пушкарских. А «зелейных дел умельцев» устроил вот тут, на трех Зелейных.

Прошло время, вместо «зелье» привилось слово «порох». Старое его название забыли, и непонятные ЗЕЛЕЙНЫЕ улицы превратились в разговорах в ЗЕЛЕНИНЫ. А по позднейшей торопливости и скороспешности, чтобы не писать и на вывесках и в бумагах длинные прилагательные: Большая, Средняя и Малая, их все сокращали (Больш., Ср., Мал.) и наконец досокращались до ОДНОЙ БУКВЫ перед каждой: «Б. Зеленина», «Ср. Зеленина», «М. Зеленина».

Пока люди писали по старинке: «Б. Зеленина улица», никакой беды не происходило.

Но вот начали писать: ул. Б., С. и М. Зеленина. А в прошлом году мне переслали конверт, на котором был начертан такой адрес: 197100, Ленинград, ул. им. тов. Б. Зеленина, д. 28, кв. такая-то, тому-то и тому-то.

Конечно, сначала я удивился, но скоро сообразил, как это получилось, и, когда мне из разных мест стали присылать уже более простые письма, адресованные на улицы «товарищей М. и С. Зеленина», я встречал их как старых знакомых. Все понятно: когда-то преобладающим образцом среди наших уличных названий были названия типа имен прилагательных: Бассейная улица, Тверская, Фурштадтская, Гороховая.

Но вот еще до революции под влиянием европейских (западноевропейских) языков у нас стали появляться, хотя и в малом числе, улицы с названиями, построенными из фамилий прославленных людей. Старые названия отвечали на вопрос: «какая?» — «Нюстадтская», «Нижегородская», «Грязная», а новые стали отвечать на вопрос: «чья?». «Чья улица?» «Гоголя!» «А там чья?» «Жуковского!» В таких случаях старый порядок слов в названиях уже не пригождался. Стало неловко выражаться так: «Гоголя улица», «Жуковского улица». С Октябрем такие названия приобрели сотни улиц по всему Советскому Союзу. И совершенно правильно, что, называя их, мы стали начинать названия со слов «улица», «проспект» или «переулок». Но это правильно только в тех случаях, где мы сталкиваемся с названием, построенным «из родительного ПАДЕЖА ИМЕНИ»: «улица Софьи Ковалевской» — прекрасно! Но «улица Комсомольская» — не годится. Другое было бы дело, будь она «улица Комсомола». Вы меня понимаете?

Привыкнув к названиям «улица Н. Гоголя» как «улица Николая Гоголя» и «улица А. Герцена» — «улица Александра Герцена», теперешние жители нашей страны вошли во вкус. Теперь они, увидев вывеску на углу: «ул. Б. Зеленина» сразу решают: был некто Б. Зеленин — «Борис» или «Бронислав» (может быть, знаменитый художник, а может быть, славный ученый или герой, и вот его именем и назвали улицу).

Так появились в нашей истории три брата (или три однофамильца) **Зеленины.** Удивительно только, что никто о них ни в каких справочниках ничего не узнает: кем они были, когда родились и когда кончили жизнь И ЗА ЧТО имена их увековечены на стенах трех древнейших (с петровских времен живут!) проездов Ленинграда.

Вот ведь как вышло — ПРАВИЛО грамматики здесь не нарушено, а результат, пожалуй, получился чуть ли не хуже, чем если бы его нарушили.

Ренэ ГОСКИНИ

Клотер в очках

Рисунки В. ДУДКИНА

Сегодня утром Клотер вдруг пришел в очках. Мы все ужасно удивились. Клотер мой хороший приятель, но в нашем классе он последний ученик. Может быть, потому ему и велели надеть очки?

Глава из книги «Маленький Ник».

— Это доктор, — объяснил нам Клотер, — сказал моим родителям, что, наверно, я потому плохо учусь, что не вижу, что на доске написано. Доктор посмотрел мои глаза через какую-то машинку — это совсем не больно! — потом велел читать разные буквы, а после мне купили

вот эти очки. Ура! Теперь я не буду последним учеником!

Я немного удивился. По-моему, Клотер ничего не видит на доске, потому что дремлет на уроках. Может быть, ему в очках будет неудобно спать? А может быть, и в самом деле очки помогают. У нас в классе только один Аньян носит очки. И он первый ученик.

Аньян, увидев Клотера в очках, конечно, надулся. Аньян — любимчик нашей учительницы и всегда боится, чтобы кто-нибудь не занял его место. А мы все обрадовались: теперь первым учеником будет Клотер, а он мировой парень.

— Видал мои очки? — спросил Клотер Аньяна. — Теперь я буду первым! И буду помогать учительнице: вытирать доску, приносить из учительской всякие учебные пособия, книжки... Тра-ля-ля-ля!

— Нет, миленький! — возразил Аньян. — Первый я! И вообще не смей ходить в школу в очках!

— А вот и посмею! Подумаешь!.. А ты не будешь единственным любимчиком в классе! Тра-ля-ля-ля!

Тут вмешался в спор Руфус.

— Я тоже попрошу моего папу купить мне очки и тоже буду первым!

— Мы все попросим наших пап купить нам очки! — закричал Жак. — Все будут первыми, все будут любимчиками!

Ну, а потом все было ужасно: Аньян плакал и кричал, что мы не имеем права быть первыми. Что он будет жаловаться. Что его никто не любит. Что он очень несчастный. И что он себя убьет.

Тут прибежал Бульон. Бульон — это наш классный наставник. Мы так прозвали его, потому что у него глаза маленькие и круглые, как жиринки, которые плавают в бульоне.

— Что тут происходит? — закричал Бульон. — Аньян, почему ты рыдаешь? Посмотри мне в глаза и отвечай!

— Они все хотят надеть очки! — сказал Аньян, икая от волнения. Бульон посмотрел на Аньяна, потом на нас, потер нос и сказал:

— Посмотри мне в глаза! Я не хочу разбираться в ваших спорах. Аньян, ступай, выпей стакан воды и перестань икать! Остальные успокойтесь!

И он ушел вместе с икающим Аньяном.

— Скажи, пожалуйста, — спросил я Клотера, — ты дашь свои очки, когда меня вызовут к доске?

— И мне тоже, когда я буду писать сочинение! — сказал Макс.

— Для сочинения они мне самому нужны, — возразил Клотер, — если я не напишу лучше всех, папа поймет, что я писал без очков, и мне влетит. Папа вообще не любит, когда я одалживаю кому-нибудь свои вещи. Ну, а на других уроках мы как-нибудь договоримся.

В самом деле этот Клотер мировой парень. Я попросил у него очки, чтобы померить. Надел их и, честно говоря, так и не понял, как они будут помогать Клотеру стать первым.

Потом я передал очки Жаку, Жак — Руфусу, Руфус — Йоахиму, Йоахим — Максу, а тот бросил их Эду, у Эда хотел было взять очки Альцест, но тут вышла целая история.

— Не тронь! — закричал Клотер. — У тебя руки в масле, ты только что ел бутерброд! Замажешь очки. На что они мне, если в них ничего не увидишь! Папа не разрешит мне смотреть телевизор, если я снова стану последним из-за того, что какой-то дурак испачкал мои очки своими масляными ручищами!..

— Хочешь получить по носу этими масляными ручищами? — рассердился Альцест.

— Только посмей тронуть меня — я в очках! А-ля-ля! Тра-ля-ля!

— А ты сними очки!

— Не сниму!

— Ох уж эти отличники! Все вы одинаковы!

— Ах, так... — закричал Клотер и сорвал очки со своего носа.

Оба ужасно разозлились, но до драки дело не дошло, потому что снова прибежал Бульон.

— Что еще тут такое? — спросил он.

— Альцест не хочет, чтобы я носил очки! — закричал Клотер.

Бульон сжал обеими руками свои щеки, а когда он так делает, тут уж не до смеха.

— Посмотрите мне хорошенько в глаза, вы, оба! — крикнул Бульон. — Что еще вы придумали? Я не желаю больше ничего слышать! На завтра вы оба проспрягаете глаголы в следующих предложениях:

«Нельзя говорить глупости на большой перемене»;

«Нельзя производить беспорядок в классе»;

«Нельзя заставлять классного руководителя по пустякам прибегать в класс каждую минуту». Проспрягаете эти глаголы во всех временах.

И пошел звонить в свой колокольчик, потому что перемена кончилась.

Клотер успокоился и сказал, что, когда Альцест вымоет руки, он ему даст померить очки. Мировой парень, этот Клотер!

На уроке географии Клотер дал очки Альцесту, который хорошенько вытер руки о свой свитер. Альцест надел очки, но ему не повезло, потому что он не заметил учительницу, которая стояла позади его парты.

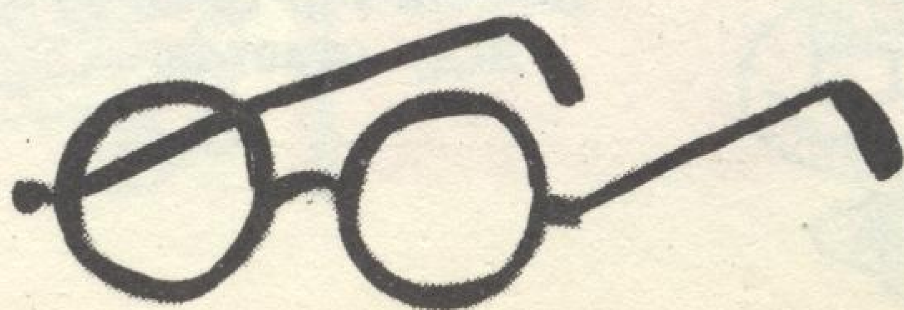
— Хватит строить из себя клоуна! — закричала учительница. — Что за игры с очками? Выйди из класса!

Альцест ушел в очках и чуть не налетел на дверь, потому что ничего в них не видел.

Учительница вызвала Клотера к доске.

Без очков у него, конечно, ничего не вышло: он получил кол.

Перевела с французского О. ОБРАЗЦОВА



УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

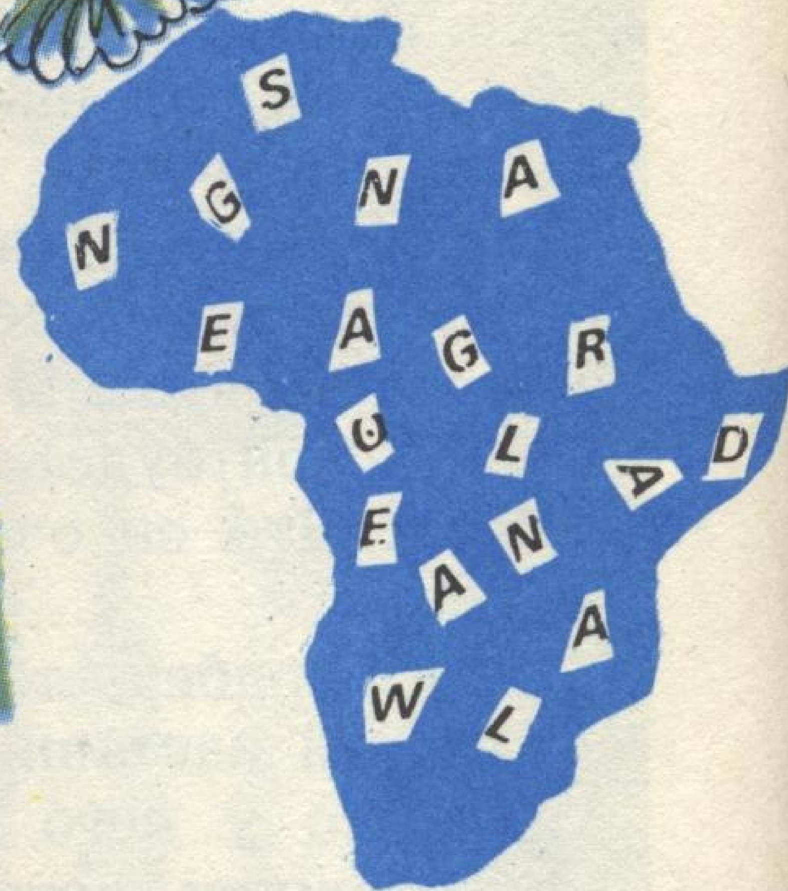
Игры Лупы и Пинцета

ДВА ПАКЕТА

Мы получили два пакета африканских марок. Узнайте, какие государства их выпустили? В первом пакете лежат марки трех стран, названия их можно сложить из букв, разбросанных на первом силуэте Африки. Во втором пакете — марки других трех стран. Напишите их латинскими буквами, которые вы видите на втором силуэте Африки.

Докажите, что у вас
Острый ум
и острый глаз!

Пинцет.



Игры деда Буквоеда

РЕМОНТ

Начинаем склейку слов
Из рассыпанных слогов.
Что из камня? Что из льда?
Суль-ми-ка-ра-пи-со-да!
Кто ползет и кто летит?
Ка-тря-у-ка-гуз-со-лит!
Где машина? Где страна?
Са-ар-мо-ген-ти-свал-на!
Кто в пруду? Кто на лугу?
Ре-бё-ля-нок-же-шка-гу!
Кто в шкафу? Что на столе?
Ви-баш-зор-те-ка-ру-ле!
Жду ответов.

Дед Буквоед.

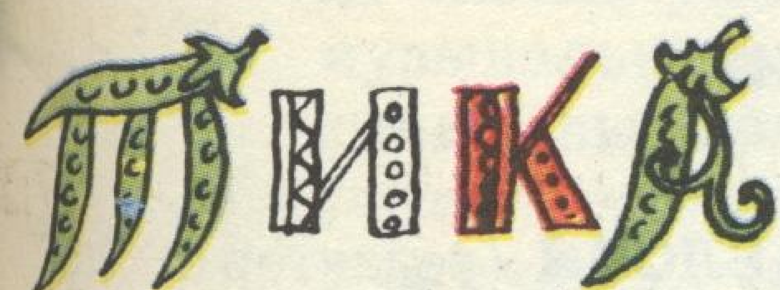
АРИФМЕ

Интересная игра

Недавно я был свидетелем одной интересной игры. На рисунке вы видите схему поля, по которому надо пройти до ворот из пункта 9. Но я вам предлагаю проделать этот же путь от пункта 1. Для этого необходимо последовательно соединить прямыми линиями цифры от одного до девяти, но так, чтобы они нигде не пересекались!

Будьте настойчивы!

Капитан Перо.



ЦАРЯ ГОРОХА

Во времена царя Гороха
Под смех и шутки скомороха
Царь, на нос нацепив очки,
Играл с царицею в стручки.
Ты знаешь, как они играли?
Я сообщаю все детали!

Живживка.

Царь и царица придумали довольно простые арифметические примеры. Но, видимо, они не очень сильны были в арифметике. Во всех примерах есть ошибки. Переложите из примера только один стручок, и примеры будут правильными. Как по-вашему, кто придумал примеры труднее: царь или царица?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 1

Капитан Перо ищет помощника

Три шайбы. Должно получиться

$$\begin{array}{r} 90610 \\ +\ 90610 \\ 90610 \\ \hline 271830 \end{array}$$

Игры деда Буквоеда

Ра-пи-ра! У вас должны получиться следующие слова: заноза, царица, окорок, оратор, катушка, тахта, колечко.

Игры Лупы и Пинцета

Битва при Вальми. Марки следуют в таком порядке: 5ф, 3ф, 1ф, 8ф, 7ф.

Старые знакомые

Сегодня мы начинаем знакомиться с игрой, с которой каждый из вас... знаком.

Простая на первый взгляд игра шашки на самом деле сложна и глубока. Недаром эта игра одна из древнейших на земле. В шашки играли в Древнем Египте и Вавилоне, в Древней Греции, Риме. И чудо-богатырь Илья Муромец любил часок-другой отдохнуть за шашечным игрищем. А средневековые рыцари просто обязаны были владеть этим искусством. Кстати, с тех времен стала называться «дамкой» шашка, имеющая преимущество перед другими «простыми» шашками, в честь дамы сердца, которой поклонялся рыцарь.

Интересно, что в шахматах правила игры и названия фигур не меняются вот уже несколько веков. А вот шашки до сих пор есть самые разные: русские, турецкие, английские, испанские, канадские, итальянские. Правила игры, размеры доски, число шашек у всех непохожи друг на друга.

В канадские, например, играют на 144-клеточной доске, у каждого из партнеров по тридцать шашек. «Стоклеточные», или международные, шашки — это доска 10×10 и по двадцать шашек у каждого. Итальянцы играют на привычной нам 64-клеточной доске, но правила игры отличаются от наших, русских шашек, о которых мы коротко расскажем вам сегодня.

Доска всем вам известна, шашек по двенадцати. Ходы делают по очереди. Начинают, как и в шахматах, белые. Простые шашки ходят по диагонали только вперед, а «бьют», перепрыгивая через чужие шашки, на незанятое поле, и вперед и назад. Попадая на последнюю горизонталь, простая шашка становится «дамкой», которая и ходит и «бьёт» без ограничения пространства. Помните: «бить» в шашках обязательно, никакого «фука», то есть снятия с доски шашки, которую забыли «съесть», нет.

Вот пока все о русских шашках.

О чем бы вы еще хотели узнать в нашем клубе? Ждем ваших писем, будущие мастера и гроссмейстеры!

На конверте не забудьте написать: клуб «Чудо-шашки».

Л. ЧУБАРОВ,
международный судья по шашкам.

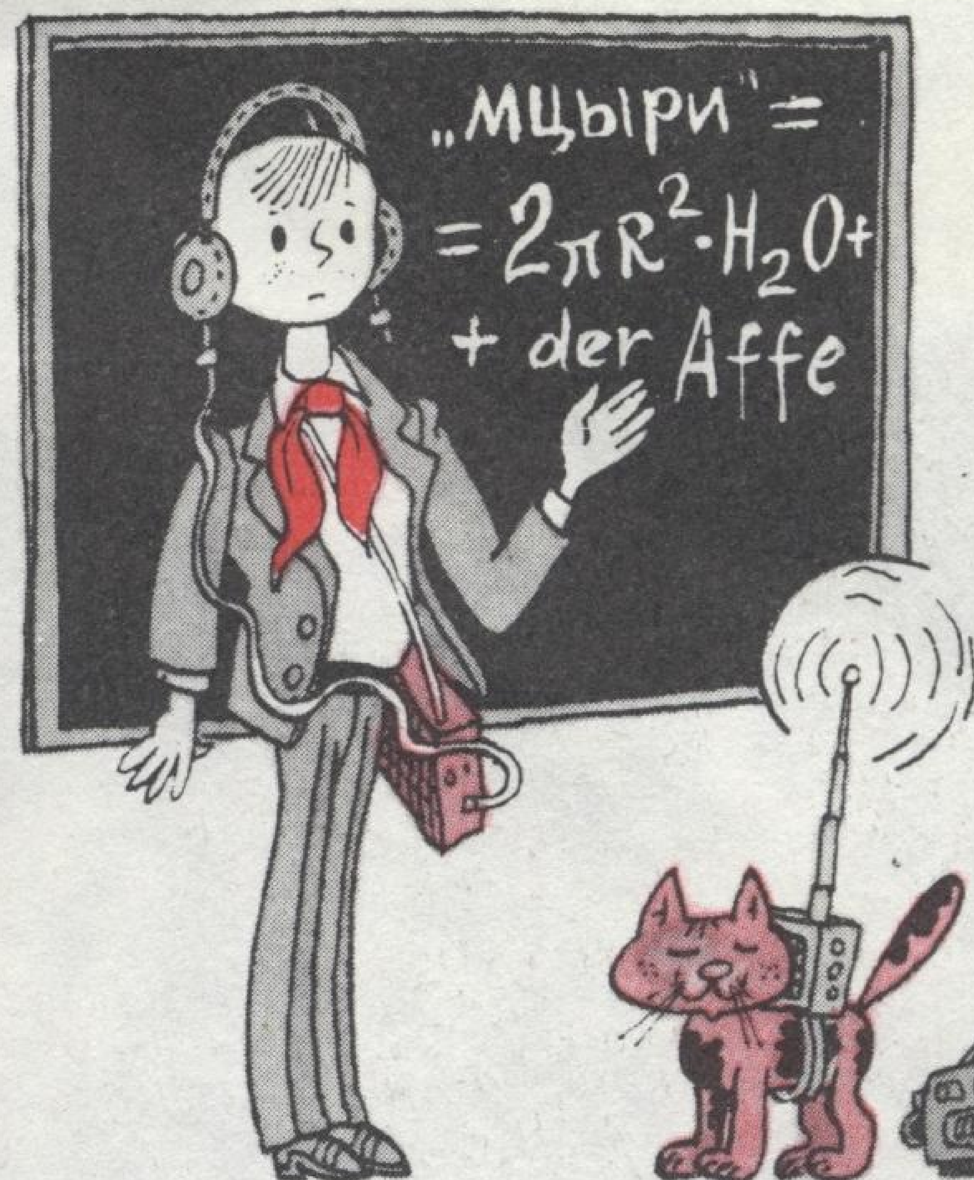
СОДЕРЖАНИЕ

●

Адрес для писем: **101459, ГСП-4, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27.11.78.
Подписано к печати 27.XII.78. А 01495. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 277. Заказ № 3170.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.



**«Ничего не вижу,
Ничего не слышу,
Ничего никому
не скажу...»**

(Вместо названия)

ФЕЛЬЕТОН

Я до сих пор не понимаю, ребята, почему подсказку называют «медвежьей услугой»?

Ну хорошо, был один медведь, который не знал физики и подсказал лисе, что рыбу в проруби можно ловить хвостом... И хвост у лисы примерз. Но нельзя же по одному ненормальному о всех медведях судить.

Нет, ребята, подсказка — это наше с вами изобретение, и медведи тут ни при чем. Им, медведям, только бы на уши нам наступать. А уши при подсказывании как раз очень нужная вещь. Те, у кого всегда чистые уши и абсолютный музыкальный слух, могут смело выходить к доске и считать, что тройка у них уже в кармане,.. то есть не в кармане, конечно, а в дневнике.

Я знал одного шестиклассника, который мог услышать все, даже если бы ему шептали с Луны. Правда, шептать с такого расстояния бесполезно: пока звук долетит, пока его уловишь, в дневнике уже будет красоваться двойка.

И потом у тех, кто подсказывает, как правило, ужасная дикция. Вот древний грек — оратор Демосфен, чтобы исправить плохое произношение, набивал рот камнями и учился говорить с камнями во рту. Но кто сейчас пойдет на это? Конечно, желающие исправить дикцию могут набить полный рот клубничной карамелью или миндальными орешками. Но это не так помогает, как камушки.

Можно попробовать научиться читать по губам. Я сам пробовал. Целый год тренировался. И вот меня вызвали к доске. Я уставился на Генку Давыдова. Тот смотрит на меня и, не переставая, шевелит губами. Пол-урока я простоял, но так ничего по Генкиным губам и не прочел. А потом на перемене выяснилось, что он вовсе не подсказывал, он просто бутерброд втихомолку жевал. Ох, и дал же я ему!

Еще можно подсказывать с помощью мимики, жестикуляции и на пальцах. Но это не каждый может. Не у всех такое выразительное лицо, чтобы на нем можно было прочесть таблицу умножения или формулу серной кислоты.

Переговариваться на пальцах легче. Дотронулись пальцем до уха — значит «у». Показали на бровь — значит «б», на парту — значит «п», показали на дверь — значит «д», на верблюда — значит «в»... Главное, чтобы все нужные предметы были под руками.

Ну и само собой разумеется, нельзя забывать, в какое время мы живем. Сейчас из трех транзисторов и двух сопротивлений можно сделать такой передатчик, который можно держать за щекой, и приемник, который помещается в ухе. Щелкнул языком и подсказывай. Почесал за ухом — и слушай. Эх, если бы в то время, когда я учился, была так развита электроника, я бы запросто золотую медаль отхватил. А так пришлось ее зарабатывать честным путем.

Потому что, если всерьез надеяться на подсказку, надо, во-первых, чтобы тот, кто подсказывает, знал все предметы назубок, иначе может подвести товарища. А во-вторых, тот, кому подсказывают, тоже должен все выучить, чтобы знать, правильно ли ему подсказывают.

Ну вот пока и все, ребята... Так о чем мне написать в следующий раз?.. Ну? Ну же... Может, кто-нибудь из вас подскажет наконец? Что я, зря, что ли, старался?

Ярослав ХАРЕЧКО

Свети нам, «Зарница»!

Музыка В. БОГАНОВА

Слова В. ОРЛОВА

Немного прошли мы по жизни,
Мы к подвигам только идем.
Но мы и сегодня
Любимой Отчизне
Присягу на верность даем.

ПРИПЕВ:
Сегодня мы с тобою пионеры —
Отчизны нашей младшие сыны.
А завтра — мы солдаты,
А завтра — офицеры
И маршалы нашей страны.

Нам выучить многое нужно
В нелегком учебном бою.
Мы учимся службе,
Мы учимся дружбе
У тех, кто сегодня в строю.

ПРИПЕВ.

Отцовские помня заветы,
Мы встанем у наших границ.
Недаром «Зарница»
Наполнена светом
Далеких военных зарниц.

ПРИПЕВ.

Немного прошли мы по жизни,
Мы к подвигам только идем.
Но мы и сегодня
Любимой Отчизне
Присягу на верность даем.

ПРИПЕВ.

Цена 25 коп.
Индекс 70694.